

Мой ледяной принц

АННА МОРИОН

16+

Они ходят среди нас

Анна Морион

Мой ледяной принц

«Автор»

2020

Морион А.

Мой ледяной принц / А. Морион — «Автор», 2020 — (Они ходят среди нас)

Когда тебе 18 лет, и ты живешь по строгим правилам, призванным скрывать существование вампиров от людей, твоя жизнь полна запретов. Но запреты созданы для того, чтобы их нарушать – так думает юная вампирша Миша Мрочек. Сломав сопротивление родителей, она поступает в Оксфорд, где наконец-то начинает жить самостоятельно. И только одно условие было поставлено родителями: не общаться с каким-то Фредериком Харальдсоном. И Миша соглашается, ведь совершенно с ним не знакома и знакомиться не намерена. Но, как назло, этот мрачный тип появился в ее жизни, как черт из табакерки, и перевернул все с ног на голову.

© Морион А., 2020

© Автор, 2020

Анна Морион

Мой ледяной принц

Глава 1

– Оксфорд.
– Ни в коем случае.
– Интересно почему?
– Ты еще не готова к такому испытанию.
– Испытанию? Мама, мне пора жить по-настоящему! Я хочу учиться, хочу развиваться, хочу увидеть мир, в конце концов! Ты не можешь держать меня в этих четырех стенах вечно!
– Между прочим, я поступила в университет только в двести шестьдесят пять лет.
– Это были темные времена патриархата. Не сравнивай те эпохи с современной!
– Миша, мы уже много раз разговаривали об этом, и я все равно остаюсь при своем мнении: ты не поедешь в Оксфорд.
– Ну, хорошо, а куда ты предлагаешь меня отправить?
– Если ты горишь таким горячим желанием учиться, что ж... Поезжай в Прагу. Карлов университет ничем не уступает Оксфорду.

– В Прагу? Поближе к Маришке?
– Да. Я буду спокойна, если она будет присматривать за тобой.
Я закатила глаза, полная неловкой насмешки над словами мамы, а еще от разочарования и негодования на ее недоверие ко мне и моим личным качествам.

«Я буду спокойна, если она будет присматривать за тобой» – эти слова были так смешны и нелепы! И так обидны...

– Мама! – Я просто не могла найти слов, чтобы поколебать настойчивость матери. Она сидела передо мной: красивая, молодая, с крепко сжатыми тонкими губами.
– Если честно, милая, я не понимаю, откуда у тебя взялась эта навязчивая идея поступить именно в Оксфорд и никуда более, – прищурившись, сказала мама.

Я вновь закатила глаза: с тех пор, как я добровольно взяла на себя роль избалованной девчонки, это действие словно прилипло ко мне, и я уже с трудом сдерживала себя, когда оставалась одна и отсутствовала необходимость играть дальше.

Ну, как объяснить маме свой выбор?

С тех пор, как брат Маркуса – моего зятя, посоветовал мне «Оксфорд, для начала», я не могла отделаться от охватившего меня желания учиться именно там.

Почему слова Седрика Моргана так повлияли на меня? Я сама не знала ответ на этот вопрос, но мне казалось, что его слова имели магическое воздействие на мое мировоззрение, ведь их сказал он – странный, нелюдимый, страдающий от любви мужчина. Именно страдающий – он сам сказал это, и с тех пор я видела любовь только в черном свете и полной страданий. Его речи напугали меня: я не хотела страдать так же сильно, как он. Страдать вообще. Я считала себя слишком чувствительной, чтобы стойко противостоять страданиям, которые являются неотъемлемой частью любви. Но я не хотела... Я всей душой не хотела этого!

Этот Седрик поразил меня до глубины души: серьезный, угрюмый, молчаливый. И в то же время, его личность восхитила меня тем, что он живет той жизнью, которой хочет жить – он, а не его близкие или родители. И его любовь к какой-то девушке... Такой контраст ошеломлял меня: его серьезная строгая натура оказалась зависимой от любви.

Я вернулась в Прагу всего неделю назад, но уже все уши прожужжала маме насчет Оксфорда. Она тоже не осталась на охоте-развлечении после свадьбы Маришки и вернулась со мной в Варшаву.

«Оксфорд. Только Оксфорд! Седрик не может ошибаться!» – упрямо думала я.

– Ты считаешь, что у меня не может быть собственного мнения? – недовольно спросила я, желая обмануть маму.

– Конечно, может, но не в твои годы, – спокойно возразила она.

– Ну, это уже слишком! – Меня захлестнуло сильное раздражение.

«Нет, ну это смешно! Мне, что, до конца жизни слушать родителей?» – раздраженно подумала я.

– Не горячись. Подумай о Праге, может, тебе там понравится.

– Нет, не понравится! Я хочу учиться в Оксфорде! И точка! – Я резко поднялась со стула и вышла из столовой, в которой мы подкреплялись бокалами с кровью. Меня охватило бешенство.

Мое мнение не считается! Как же! Меня ущемляют даже в таких элементарных вещах!

Войдя в свою комнату и назло маме, не выносившей музыку, которую я слушала, я включила свой любимый инди-рок, выжав из моего музыкального центра и колонок всю громкость – я знала, что, как бы моя родительница не старается, она не может не слышать ее, и эта мысль немного остудила мое негодование. Конечно, эта маленькая месть – всего лишь детский поступок, но мне было плевать на это.

Открыв ноутбук, я с болью в сердце в сотый раз просмотрела сайт Оксфордского университета, с горькой обидой на весь мир: поступить туда, в это далекое, но такое желанное учебное заведение стало моей мечтой. Мечтой всей моей жизни.

Я в сотый раз зашла на сайт факультета философии и горько вздохнула, сдерживая слезы.

– Миша, пожалуйста, выключи музыку! – Вдруг услышала я голос мамы за дверью моей комнаты.

– Ты считаешь меня ребенком? Вот я и веду себя так, в угоду тебе! – с обидой крикнула я ей.

– Миша!

– Нет!

Мама тяжело вздохнула, но отошла прочь от моей комнаты.

Я вновь устала в монитор ноутбука.

«Что за жизнь? Я молода, красива, у меня есть личный счет в банке, на который еще до моего рождения родители положили огромные суммы евро, но я не могу трогать ничего из того, что имею! Мне восемнадцать лет, через пять месяцев будет девятнадцать, а я до сих пор живу с родителями, у меня нет друзей, кроме ноутбука и музыкального центра, я почти никогда не была в обществе, среди людей и вампиров. Даже в одной из престижных английских школ я училась онлайн и ни разу не была там физически! Я могу только сидеть в нашем огромном доме в стиле модерн, гулять в саду, искусственно созданном специально для меня, кататься на велосипеде... И все. Нет, я могу поступить в Прагу, но жить в замке моей сестры, чтобы она следила за мной. Как это унижительно! Мы живем в двадцать первом веке, а родители до сих пор не могут понять правил современной жизни, где барышни моего возраста учатся в колледжах и университетах, устраивают личную жизнь и находят друзей. Мои родители не понимают, что я не подобна им самим: между нами стоят более пяти веков, и им никогда не понять меня, дочь современного мира. То, что они считают правом заслуженным, возрастным, я считаю правом естественным. Конечно, им легко говорить, что я не понимаю их, а они меня – из-за моей избалованности, причем, несмотря на это заблуждение, моя семья лелеет меня, почти обожествляет. Меня держат как соловья в золотой клетке: мне доставляют кровь, гаджеты, всеобщую любовь, и у меня есть все, кроме одного: свободы выбора. К счастью, хоть одежду мне позволяют покупать самой. Хотя, нет – даже одежду я покупаю через интернет, потому что меня не выпускают в магазины. И как это моя дражайшая семья отпустила меня в Чехию и в поездку по ней с Седриком? Удивительно! Наверное, их головы были забиты свадьбой

Маришки! – с горькой улыбкой думала я. – Но, может, Седрик прав? Он сказал, что, если я хочу заслужить доверие, мне нужно прекратить вести себя как ребенок... Да, он прав! Ведь это логично! Проблема в том, что мне будет трудно избавиться от моей роли, трудно стать собой, но я должна сделать это!»

Я выключила музыку и решила еще раз поговорить с мамой, но в этот раз по-взрослому: она и я настоящая. Настоящая Миша, а не Миша-истеричка.

Мама сидела в своем рабочем кабинете и перебирала какие-то бумаги, но, едва я вошла в кабинет, она оторвала взгляд от бумаг и с улыбкой посмотрела на меня.

– Я хочу поговорить, – спокойным тоном сказала я, проходя к ее столу и садясь на стул рядом с ним.

Мама еще раз ласково улыбнулась и отложила бумаги.

– Конечно, милая. О чем?

Я вновь почувствовала раздражение: слово «милая» вместо моего имени ставило меня в положение ребенка. Но я сдержала порыв гнева и набрала в грудь побольше воздуха.

– Послушай меня, пожалуйста, – начала я. – Я понимаю, что я – поздний ребенок и что я очень юна. Но я не считаю это аргументом для того, чтобы ты не принимала во внимание мое мнение.

– Ты опять об этом? Я думала, мы уже все решили, – с усталой улыбкой сказала мама.

– В том-то и дело, что нет. Как тебе объяснить? Вы все не доверяете мне, и это угнетает меня. – Я тщательно обдумывала каждое слово. – Вы не верите в мою самостоятельность, не верите в то, что я могу сама что-то решить, без вас: без тебя, папы, братьев и сестер.

– Миша, конечно, мы доверяем тебе, но ты должна понять: в нашем мире, как и в человеческом, есть свои правила, которые обязаны соблюдать все. Если каждый будет поступать только по своему желанию, в мире наступит беспорядок, и построенная веками система рухнет. Тем более, ты должна на всю жизнь запомнить, что в нашем мире правила – незыблемы, и, только благодаря им, мы можем жить спокойно и успешно скрывать наше существование от смертных. Люди – несовершенны, да, у них есть много свободы, но при этом им нечего скрывать, а нам есть что.

– Я прекрасно понимаю это, но и ты пойми мою позицию: я верю в свои силы и в то, что сама смогу о себе позаботиться.

– Дорогая, я не говорю о том, что ты не сможешь за себя постоять. Я говорю, что ты пока не сможешь это сделать, в силу твоего возраста. Ты должна смириться с этим. Тебе нужно многому научиться: все, чего мы достигли – результат усилий, трудностей, тренировок и упражнений.

– Так научи меня всему этому! – возразила я.

– Тебе еще рано этому учиться: первые убийства людей ввергают в шок, поэтому к ним нужно быть готовым, в первую очередь, морально.

– Я готова к этому. Я понимаю, что это – единственный способ нашего пропитания.

– Я говорю не об этом: ты еще слишком неопытна, но научись всему в свое время.

Я тяжело вздохнула: «в свое время!».

В моей голове крутились тысячи аргументов и убеждений, но я не могла выразить их словами, словно мне не хватало словарного запаса, и это несмотря на то, что я любила читать.

– Хорошо, я готова принять это. Но я не понимаю, почему ты не хочешь отпустить меня в Оксфорд? – настойчиво сказала я.

Мама перестала улыбаться, и ее лицо стало очень серьезным.

– Потому что я боюсь за тебя, – ответила она.

Я удивленно приподняла брови.

– Ты боишься того, чего не боюсь я? – Моему удивлению не было предела.

– Именно.

– Но это неправильно: если ты не отпустишь меня, я никогда не стану самостоятельной. А ведь Маришку ты отпустила в Сорбонну, когда ей было девятнадцать!

– Маришка – это другая история. Ее юность прошла в другой эпохе, более спокойной, а твоя проходит среди миллиона соблазнов.

– Значит, ты считаешь, что я хуже Марии и Маришки? – недовольно воскликнула я.

– Нет, что ты! – Мама вздохнула и взяла мои ладони в свои. – Боюсь, ты не сможешь понять, но я попытаюсь объяснить. Мы живем в трудное, беспокойное и страшное время: соблазны и возможность разоблачения подстерегают нас на каждом шагу. И я хочу оградить тебя от них. Я не знаю, как по-другому смогу воспитать тебя настоящим вампиром в это время. Ты не так стойко можешь противостоять тому, что тебя окружает – в тебе еще нет стержня, какой есть в нас, и я хочу, чтобы ты пока не соприкасалась со смертными, потому что еще не имеешь иммунитета против них, а его обрести тяжело и мучительно, и, боюсь, что... – Мама замолчала.

Я испытывающе смотрела на нее, молчаливо требуя завершения фразы.

– Ты поймешь меня. Когда-нибудь поймешь, – так и не закончив своей мысли, сказала мама.

Ее слова растрогали меня: несмотря на внешнее равнодушие, я была крайне чувствительна.

– Но, мама, услышь же меня! Ты можешь мне верить, потому что я в себя верю! Я смогу противостоять им, смогу! Я чувствую это всем сердцем и всей душой! – отчаянно воскликнула я, сжимая ее ладонь.

– Миша...

– Ну, хорошо! Если ты боишься отпустить меня одну, приставь ко мне кого-нибудь, как в Чехии ты приставила ко мне брата Маркуса! Я согласна на это! Только отпусти меня в Оксфорд, мама! Я хочу жить и учиться быть настоящим вампиром!

Мама отвернула свое лицо, словно ей тяжело было смотреть на меня.

– Ты можешь поехать в Прагу, к Маришке, – наконец, после долгого молчания сказала она.

Я разочаровано нахмурилась: опять она о своем!

– Но тогда я не буду развиваться! Маришка будет замещать тебя и так же, чересчур, меня опекать, а я хочу почувствовать свободу действий, но при этом абсолютно понимаю и принимаю свои обязанности, – сказала я.

Но мама не ответила мне.

– Ведь я не глупее людей моего возраста, – добавила я. – Пожалуйста, подумай об этом. Может, ты попросишь кого-нибудь из твоих знакомых, живущих в Англии, присматривать за мной?

– Не сейчас, Миша. Мне очень тяжело говорить об этом. Поговорим через месяц, когда приедут твой отец, братья и Мария, – вдруг твердо сказала мама.

– Но, мама...

– Я не говорю тебе «нет», но мне нужно время, чтобы... Мне нужно все обдумать, может быть, я смогу все устроить. Я просто не смогу жить спокойно, зная о том, что ты далеко от меня, ведь я пропустила охоту Маришки для того, чтобы побыть с тобой. Ты – мое младшее дитя и на данный момент – любимое. Я люблю всех вас: Мартина, Мсцислава, Марию, Маришку, но они уже взрослые и стали самостоятельными, а ты еще ребенок. Ты родилась в это непонятное время всеобщего равенства, и ты очень впечатлительна. Но я понимаю, что не смогу удержать тебя дома. Дай мне подумать. Все равно в этом году ты уже не сможешь поступить в Оксфорд.

Я молча кивнула, восхитившись своей дальновидностью: я уже сдала вступительные экзамены по интернету, и недавно на мою электронную почту пришло уведомление о том, что меня зачислили на факультет философии, как я и мечтала.

Меня наполнила радость того что, благодаря своему взрослому разговору с мамой, я добилась многого. Конечно, мама не согласилась, но она пообещала подумать. А это уже результат.

– Хорошо, я подожду. Только прошу, не думай, что разлука со мной – это худшее, что может быть в жизни. То есть, поверь в меня, мама. Я обещаю, что оправдаю твое доверие, а если у меня ничего не получится, я добровольно вернусь домой. Только пойми меня.

У меня больше не было слов. Я поцеловала мамину руку и вышла из кабинета.

Еще около часа из ее кабинета не доносилось ни звука, даже шороха бумаги. Видимо, я поразила маму в самое сердце.

Но я чувствовала эйфорию и поклялась себе стать собой, стать той Мишей, которую увидел во мне Седрик – Мишей, которая плакала перед ним.

В конце августа вся наша семья, кроме Маришки, которая официально перешла в клан Морганов и больше не считалась представительницей нашего клана Мрочеков, собралась в большой гостиной, чтобы обсудить мою участь. Чтобы я не слышала, о чем они разговаривают (смех, да и только!), меня отослали за город, в наш большой коттедж, и почему-то это обсуждение затянулось почти на неделю: было уже первое сентября, и мне нужно было бы уже готовиться к учебе, а они никак не могли дать мне ответ – поеду я или останусь дома. Я каждый день звонила кому-нибудь из семьи, с вопросом, завершилось ли их обсуждение, но уже шестой день подряд слышала одно и то же: «может быть, завтра».

Меня съедала тревога: я знала, как сильно меня любит моя большая семья и как все привыкли к моему постоянному присутствию дома. Когда я была совсем маленькой, меня просто носили на руках, ведь я была прелестным поздним ребенком. Я смутно понимала, что вампиры размножаются очень медленно, и что на данный момент я была единственным вампиром младше ста лет, то есть, в целом мире не было ни моих ровесников-вампиров, ни вампиров, младше меня, и это обстоятельство весьма угнетало: моим братьям было более двухсот лет: Мартину – триста пять, Мсциславу – двести пятьдесят, сестрам чуть меньше: Марии – двести тринадцать, Маришке в августе исполнилось ровно двести. Ну, а мне – восемнадцать. В декабре будет девятнадцать.

Мои старшие братья и сестры не понимали меня, но баловали и исполняли все мои просьбы: зимой Мсцислав и Мартин возили меня на санках, строили со мной снеговиков и ледяные скульптуры, и смотрели со мной мультфильмы Уолта Диснея. Маришка нянчилась со мной, как мамочка, а Мария приезжала к нам редко. В глазах моей семьи я была всего лишь несмышленым ребенком, ведь они были так... Стары и мудры. Что же тогда говорить о родителях, которым было за пятьсот лет?

Но, в очередной раз, услышав «наверное, завтра мы все решим», я плюнула на все и приехала домой, чтобы положить конец этому смехотворному действию: они собрали консилиум для того, чтобы решить, отпускать меня на учебу в Оксфорд или нет! Смешно. Однако мой приезд никого не удивил: оказалось, они сами предполагали, что я не вытерплю и приеду мешать им, и я была приятно удивлена и рассержена одновременно – все это время решался только один вопрос.

«Кто будет присматривать за Мишей в Англии?»

Что касается моего поступления в Оксфорд, все согласились в первый же день, конечно, после долгих дебатов. Особенно долго пришлось переубеждать... Даже не папу (!), а Мартина, который просто жить без меня не мог.

– И зачем тебе куда-то ехать, сестренка? Неужели в Варшаве нет достойного для тебя университета? – недовольно спросил он, приветствуя меня объятьями.

– Это не дело принципа, это – зов сердца, – серьезно ответила ему я. И никакой лжи.

Я обняла всех родных, встала в центре круга кресел, в которых они сидели, и почувствовала себя клоуном в цирке.

– Я так и знал, что ты не выдержишь и приедешь совать свой носик во взрослые дела, – улыбнулся отец. – Но Мартин прав: если бы ты выбрала любой университет, даже не в Варшаве, а в Польше или Чехии, я не был бы так обеспокоен твоим выбором. Но ты почему-то выбрала Англию.

– Я думаю, Оксфорд – самое оптимальное место для старта моей жизни. Я ведь не в Америку еду, а всего лишь в Англию! – парировала я отцу.

– Это твое «всего лишь» убивает меня, – проворчала мама. – Мария, а что ты скажешь Мише?

Мария тряхнула своими длинными волосами, такого же цвета, как и мои, а впрочем, как у всей нашей семьи: мы все были золотоволосыми.

– Я скажу ей: «Пиши почаще, дружочек»! – весело сказала Мария.

Я послала ей воздушный поцелуй, но потом вспомнила о том, что мне уже не нужно было играть ненавистную мне роль капризной девочки, взяла себя в руки и состроила серьезное выражение лица.

– Ладно, снимем уже этот вопрос, – устало сказал отец, – и продолжим наши рассуждения: кому доверить Мишу в Англии?

– Мы же решили, что это будет твой кузен Кристофер, – напомнил Мсцислав отцу. – Он, как никто лучше, сумеет присмотреть за своей двоюродной племянницей.

– Нет, Кристофер не сможет: я звонил ему утром – он уехал в Австралию, разводить кенгуру. И какой черт его туда понес?

– По-моему, сейчас в Оксфорде учится Фредерик Харальдсон... – начал, было, Мартин, но отец с искаженным от ярости лицом строго перебил его.

– Ни слова о нем и его семействе! – полным гнева голосом воскликнул он.

«Ого! Что это с ним? Какая бурная реакция на имя этого Фредерика!» – невольно прослось в моей голове.

– Да сколько можно, отец? Ведь вы не общаетесь уже три года! Бедный Фредерик, мне жаль его! – недовольно сказал Мартин отцу.

– Жаль? А его есть за что жалеть? – парировал отец.

Я наострила уши и во все глаза смотрела на отца: одно только упоминание об этом неизвестном мне вампире привело отца в бешенство.

«Что же произошло между отцом и этим вампиром, если отец так разозлился?» – подумала я, с опаской наблюдая за новым поворотом событий.

– Поверь, его... – начал Мартин.

– Я же сказал: ни слова о нем! – Отец даже повысил голос, а ведь он никогда не делал этого ранее.

Мартин насмешливо усмехнулся, мама поджала губы, а Мсцислав и Мария нахмурились и переглянулись, словно мой старший брат сказал какую-то чепуху. А я сильно перепугалась.

«Ох, Мартин, ну зачем ты это сказал? Совсем не к месту! Теперь папа может запретить мне ехать в Оксфорд! Нет, только не это!» – недовольно и испуганно подумала я и дала знать об этом Мартину, постучав указательным пальцем по виску, но так, чтобы этот жест не увидел отец.

Но Мартин только равнодушно пожал плечами.

– Папа, я надеюсь, что... – начала, было, я, но когда отец посмотрел на меня, его глаза горели таким гневом, что я побоялась еще больше разозлить его.

– Что, Миша? – спокойно спросил он.

Я растерялась: спокойный тон его голоса никак не подходил выражению его лица и сверкающим гневом глазам.

– Я надеюсь, что из-за этого Фредерика... Как его там...

– Харальдсона, – подсказала мне Мария.

– Да, из-за него... Ты не запретишь мне поступить в Оксфорд? – с надеждой спросила я.

– Это было бы мудрым решением, – ответил отец, поднимаясь с кресла и подходя к окну.

– Но ведь ты не запретишь? – Я подошла к нему и взяла его за руки, заглядывая ему в глаза.

Его молодое прекрасное лицо смягчилось.

– Я хотел бы, но уже пообещал отпустить тебя и не могу идти против собственного слова, – ответил он, но в его голосе слышалась горечь.

– Спасибо, папочка! Ты не представляешь, как много это значит для меня! – Я поцеловала его в щеку.

– Но я не хочу, чтобы ты общалась с этим... Фредериком: ни слова, ни полслова, – вдруг очень серьезно сказал отец.

– Я не буду! Я даже не знаю, кто он такой и как он выглядит! – пообещала я.

Я была готова обещать все, что угодно, лишь бы папа не отказал мне в моем поступлении.

– Это не важно. Просто знай и всегда помни о том, что я запрещаю тебе с ним общаться. И даже если он заговорит с тобой первый, не отвечай ему. Игнорируй его. Сделай вид, что его не существует. Поняла?

Эта просьба, а точнее, приказ, удивила меня, но, если таково было желание отца, я чисто-сердечно согласилась.

– Обещаю. Я же сказала: я не буду с ним общаться. Никогда!

– Мне кажется, я смотрю какую-то мелодраму, – шепнул Мартин Марии. Та ударила его локтем в бок, но все рассмеялись.

– Ну, раз все решено, готовься к вступительным экзаменам. Когда они будут? – спросил отец, не выпуская мои ладони из своих.

Я смутилась: а если я расскажу ему о том, что, без их согласия и разрешения, я уже сдала экзамены и поступила? Не рассердится ли он?

«Даже если он рассердится, то все равно не нарушит своего слова. Дай Бог каждому так исполнять свои обещания!» – подумала я и, попросив минуту ожидания, вышла из гостиной и вернулась к семье с распечатанным на принтере письмом из университета.

– Что это? – с недоумением спросила мама, когда я протянула ей этот лист бумаги.

– Дело в том, что я уже поступила, – твердо сказала я. – Я не стала ждать, когда вы, наконец, все решите, и сдала экзамены онлайн.

Отец с недовольным видом пробежал взглядом письмо.

– Ну, что ж, вижу, ты не стала терять времени. Поздравляю. И, все-таки, меня радует твоя первая самостоятельная победа, – сказал он, отдавая мне письмо, которое тут же забрала Мария. – Но я прошу тебя, в следующий раз, прежде чем что-то делать и поступать так опрометчиво, дождись нашего разрешения.

– Хорошо, хорошо! Тогда я пойду собирать вещи! – Я была так счастлива, что готова была лететь в Лондон хоть в этот же день.

– погоди, сестренка, вещи никуда не уйдут. Мы не решили самый главный вопрос. – Мартин посмотрел на отца. – Так кто будет присматривать за нашим сорванцом?

Я с ожиданием и радостным томлением в груди ждала ответа отца и смотрела в его глаза.

Он тоже с улыбкой смотрел на меня.

– Думаю, ей стоит попробовать пожить одной, без надзора. Может, тогда она поймет, как ценны в этом мире семья и родительский контроль, – с улыбкой сказал он.

– Папа, ты так говоришь, будто я тебя не люблю! – недовольно воскликнула я, бросившись ему на шею.

– Но ты ведь так стремишься нас покинуть! – сказала Мария, подходя ко мне и обнимая меня. – Поздравляю! Но не флиртуй там много!

– По-моему, флирт – это по твоей части! – рассмеялась я.

– Вот он – юношеский максимализм! А я-то думал, вы до самого замужества будете держать ее дома, – весело сказал Мсцислав отцу и отдал мне письмо из университета, уже успевшее попасть в его руки.

– Хотелось бы, но сам видишь: этот птенец хочет расправить крылышки и упорхнуть, – ответил ему отец. – Но у меня все же есть вопрос.

Я напряглась.

– Где ты будешь жить?

– Фух... Как же ты меня напугал! – с облегчением воскликнула я. – Мне уже выделили университетскую квартиру.

– Тебе одной целую квартиру? Ты в ней не потеряешься? – шутливо спросил Мсцислав.

– Я не знаю, как это делается... И вообще, ты уже там учился, вот и рассказал бы мне! – парировала я на его шутку.

– Я-то рад тебе рассказать, но, думаю, Мария или Маришка дадут тебе более дельные советы.

Вечером, сидя в своей светлой уютной комнате, я до сих пор не могла поверить в то, что добилась своего: я улечу в Англию! Улечу из Польши! Улечу от семьи! А там будет новая, взрослая, самостоятельная жизнь!

«Спасибо тебе, Седрик. Ты помог мне стать собой» – с благодарностью подумала я, вдруг вспомнив о нем.

Глава 2

В этот же вечер я позвонила Маришке в Прагу, чтобы поделиться с ней своими радостными новостями, но, вместо того, чтобы поздравить меня, она стала решительно настаивать на том, чтобы я отказалась от этого «безумия». Ее голос взволновал меня: в нем чувствовалась горечь и какой-то трагизм.

– Маришка, что с твоим голосом? – спросила я, решив, что ее сопротивление моей поездке было как-то связано с печалью в ее красивом голосе.

– Дело в том, что... Хотя, думаю, тебе не стоит знать о чужих проблемах, – ответила она.

– Что-то с Маркусом? – предположила я. – Неужели все так серьезно?

Я абсолютно не разбиралась в любовных отношениях, но знала о них из книг и кино.

– Нет, нет! У нас с Маркусом все хорошо. Проблема не в наших отношениях.

– Тогда в чем?

– Я потом тебе позвоню. Завтра... Нет, на следующей неделе, но пообещай, что ты никуда не полетишь!

– Я уже все решила и, если честно, не думала, что ты будешь против! Даже Мартин согласился! – недовольно сказала я.

– Миша! – Маришка тяжело вздохнула. – Путь, который ты избрала, – страшен и труден. К тому же никто из семьи даже и не думает полететь с тобой! Ты думаешь, так легко жить одной в человеческом обществе и успешно скрываться? Ты не справишься!

– Между прочим, брат твоего мужа считает иначе!

– Седрик? Что он сказал тебе? – В голосе Маришки прозвучала тревога.

Я удивилась поспешности, с которой она произнесла эти слова.

– Он сказал, что я все смогу, – коротко ответила я: интуиция подсказывала мне, что не стоило много болтать о Седрике, и я пожалела о том, что вплела его в наш с сестрой разговор. Теперь она отчитает его по полной программе!

– Седрик! Нашла, кого слушать! – жестко отрезала Маришка, явно разозлившись.

– Не понимаю, на что ты сердишься? – удивилась я, чувствуя раздражение от этого разговора.

– Вот именно, что не понимаешь! Все, на сегодня нравоучений хватит. А сейчас я позвоню родителям и скажу, чтобы они никуда тебя не отпускали! С ума они там сошли, что ли?

– Ты не посмеешь! – вскрикнула я, но она уже бросила трубку.

Отбросив смартфон на кровать, я вскочила с кровати и побежала в комнату родителей, чтобы хоть каким-нибудь образом не дать им передумать насчет моего поступления.

«Ну, Маришка! Это невообразимо! Моя родная сестра хочет подложить мне такую свинью!» – с обидой думала я, стуча в комнату родителей.

Но ответа не было. Я прислушалась: нигде в доме не были слышны их голоса. Значит, они куда-то уехали.

«Что же делать? Ведь Маришка все разрушит!» – с отчаянием подумала я.

Я вернулась в свою комнату, села на кровать, обняла свои колени и была готова плакать от обиды на сестру: я была очень расстроена, потеряна, не знала, что теперь делать. Мне было невыносимо горько от собственной участи быть вечно привязанной к родительскому дому, как каторжник к камню, не позволяющему ему сбежать. Вся моя радость была убита всего лишь одним звонком. И кому? Моей любимой сестре!

Но, как только с моих глаз скатились первые слезы, я поспешила стереть их и взять себя в руки, чтобы никто из братьев или Мария не прибежали утешать меня.

Вот, в чем неудобство быть вампиром: находясь среди сородичей и родных, невозможно было чувствовать себя свободной, ведь они слышали каждое мое слово, каждый вздох, даже шепот. И это было еще одной из причин моего желания уехать из дома: я мечтала просто сесть в своей комнате или закрыться в туалете и тихо поплакать. В родном доме я не могла позволить себе эту роскошь, ведь была как на ладони.

Я снова набрала номер Маришки, молясь, чтобы она взяла трубку.

– Да, Миша? Что-то случилось? – услышала я ее голос.

– Да, случилось! Я прошу, умоляю тебя! Не звони родителям! – отчаянно взмолилась я.

– А, ты об этом... Хорошо, что ты позвонила еще раз: хочу тебя обрадовать – наш разговор услышал Маркус и уговорил меня не лезть в твою жизнь, чтобы не случилось, как... – Тут она громко прочистила горло, явно что-то не договаривая.

– Твоя привычка не договаривать все до конца немного раздражает, – сказала я, заинтригованная ее словами.

– Да так, ерунда. Я хотела сказать, чтобы ты сама куда-нибудь не сбежала. Только прошу, будь осторожной и ни в коем случае не соприкасайся с людьми, никогда, помимо учебы. Не заводи себе друзей-смертных, и вообще, не общайся с ними, потому что смертные – самое настоящее зло.

«Интересно, почему Маришка так невзлюбила людей?» – удивилась я, ведь раньше она говорила, что люди – это пища, но никак не зло.

– В таком случае, тоже могу тебя успокоить: я и не собираюсь этого делать! С тех пор, как... – я чуть было не сказала: «Седрик посоветовал мне», но вовремя исправилась, – как Мартин рассказал мне о том случае в Чикаго, у меня нет ни малейшего желания с ними общаться. И я готова к тому, что меня будут считать заносчивой дурой или занудой.

Маришка рассмеялась.

– Если хочешь, чтобы с тобой точно никто не общался, будь истеричкой: к занудам тянутся такие же зануды, а истерички ненавидят себе подобных, – сказала она.

С моей души словно свалился огромный камень. И я так растрогалась, что приложила правую руку к грудной клетке. Конечно, это плохая привычка – так прямо высказывать свои эмоции, но я ничего не могла с этим поделать, поэтому рука сама собой ложилась на грудную клетку, когда я чувствовала нежность, видела прелестных животных, смотрела цепляющие за души фильмы или слушала такую же музыку.

– Что ж, роль истерички мне всегда хорошо удавалась, – усмехнулась я. – Не беспокойся обо мне, я знаю, что делаю. Передай от меня привет Седрику и скажи ему, что я поступила в Оксфорд!

Маришка ничего не ответила.

– Эй, ты еще там? – спросила я, не слыша ее ответа в течение минуты.

– Да, да. Просто задумалась. Хорошо, поезжай в свою Англию, но смотри мне! И учись хорошо!

– Ну, этого я пообещать не могу, ведь это – первый университет в моей жизни, – сказала я. – Но я постараюсь!

– И звони мне почаще! А сейчас извини, но меня ждет неотложная бумажная морока.

– Тогда не буду тебе мешать. И спасибо за понимание.

– Только прошу тебя, Миша, не сделай так, чтобы потом мы все пожалели об этом.

– Ты не пожалеешь. И никто не пожалеет. А когда у меня будет свободное время, я прилечу к тебе в Прагу.

– Хорошо, мы еще поговорим об этом. Пока!

– Пока! И Седрику от меня привет!

Я отключилась и быстро побежала в комнату Марии, чтобы попросить ее рассказать мне о своей жизни и учебе в Оксфорде.

Мир снова обрел краски, и я уже мечтала о том, как заеду в свою университетскую квартиру и познакомлюсь со своими соседками. Конечно, я не наврала насчет того, что не буду общаться (ну, постараюсь) с людьми, но ведь соседки – это совсем другое дело! Нельзя спокойно жить в одной квартире и не разговаривать и даже не здороваться с ними!

А вещи? Какие вещи мне нужно с собой взять, чтобы жить в этом женском муравейнике? Я плохо знала о том, что такое «университетская квартира» и как она функционирует: мои знания об этом были почерпнуты из молодежных фильмов и сериалов. Какую одежду носят в Оксфорде? Как студенты добираются до университета? Нужна ли там машина или можно будет обойтись велосипедом? Все эти вопросы занимали меня, доставляя мне моральное удовольствие и трепет: ведь это будет абсолютно другая жизнь!

Я постучалась в комнату Марии и без разрешения вошла к ней. Сестра собирала одежду в большой черный чемодан: она и наши братья скоро уезжали туда, где жили. С тех пор, как им исполнилось сто лет, каждый из них покинул родительский дом и уже много раз переехал с места на место. Сейчас Мария жила в Оттаве, Мартин – в Хорватии, а Мсцислав уже третий год совершал экспедицию в Гималаи со своими друзьями-вампирами, которые любезно согласились подождать его возвращения со свадьбы нашей сестры Маришки. И теперь, когда эта свадьба прошла, а мне было разрешено отправиться в Англию, Мария и братья готовились к отъезду.

У меня дух захватывало от мысли, что вместе с ними этот дом и наших родителей покину и я.

– Милая пташка, желающая покинуть родное гнездышко! – весело сказала Мария, увидев меня. – Слышала твой разговор с Маришкой.

– Сначала она была категорически против моего поступления! – тоже весело воскликнула я.

– Не волнуйся, Маришка всегда была нудной.

– Ну, может, она чрезмерно меня опекает. А насчет пташки: ты сама была такой же! – парировала я, подойдя к кровати сестры, с ногами залезла на нее.

– А зачем тебе в Оттаве будет нужно это платье? – спросила я, увидев что-то черное в кружевах. – Я взяла кусок атласа, который, на мой взгляд, еле прикрывал хоть что-то, и стала вертеть его в руках.

– Это не платье, а пеньюар! – со смехом сказала Мария, забрала у меня свой атлас и кинула его в чемодан. – Но тебе еще рано носить такие вещи, поэтому не увлекайся.

– И не собираюсь! – фыркнула я в ответ.

– Я как раз собиралась поинтересоваться: как ты умудрилась поступить в Оксфорд, не выезжая из Польши? – спросила сестра, садясь рядом со мной.

Я смотрела на нее и не могла поверить в то, что она была старше меня почти на двести лет, а ведь для окружающих мы были ровесницами.

– Это было нелегко. Ты же знаешь, на собеседование нужно приезжать лично, и я боялась, что мое предложение пройти его по скайпу будет отвергнуто. Но я подстраховалась и прислала им справку о том, что болею тяжелой формой бронхита и по состоянию здоровья...

– Откуда же ты ее взяла, негодница? – рассмеялась Мария.

– Подделала, конечно! Но ведь я не так уж и наврала: мне запрещено выходить за пределы нашего сада, если со мной нет родителей или кого-то из вас. Ну, рассказываю дальше: со мной провели собеседование по скайпу, задавали вопросы, иногда глупые и нелогичные, но я на все ответила, а это далось мне нелегко... Я так разволновалась, что позабывала многие английские слова! Но меня похвалили за интересные ответы и сказали, что у меня очень забавный английский: правильный, но с польским акцентом. А документы я выслала по интернету, и теперь осталось только перевести деньги за учебу, но Мартин сказал, что берет это на себя!

– Умница. И в какой колледж ты поступила?

– Колледж Святого Иоанна, на факультет философии.

Мария подперла подбородок ладонью и вздохнула.

– И я когда-то там училась... Но это было лет пятьдесят назад, – сказала она, мечтательно закрыв глаза. – Ах, какие вечеринки там устраивались!

– Лет пятьдесят назад? Но Мсцислав посоветовал мне... – удивленно начала я, не понимая логику моего брата.

– Правильно сделал! Да, я училась в Святого Иоанна лет пятьдесят назад, но всего три года назад закончила другой колледж – Всех Святых. Между прочим, твоя сестра имела там громкую славу!

– Тогда, может, расскажешь мне о том, как нужно жить в университетской квартире? – спросила я.

– Что? – Мария с недоумением посмотрела на меня. – Я слышала об этом, но думала, что ты пошутила.

Я молча пожала плечами.

– Моя маленькая наивная сестренка, ты не будешь жить в университетской квартире! Знаешь что? Я найду для тебя хорошую семью, которая будет сдавать тебе квартиру – это намного лучше, чем жить среди смертных девчонок. Тем более, круг твоего общения должен быть строго ограничен только преподавателями и тьюторами.

– Почему ты так считаешь? – недовольно спросила я, ведь в мечтах уже благополучно устроилась в университетской квартире.

– Потому что тебе не место в кругу смертных. Тем более, среди девчонок. Жить в женском коллективе – ужасно. Это совсем не то, что ты видела в фильмах, поверь мне. Я прожила в университетской квартире год, а потом переселилась на частную. Я не смогла там ужиться, а ты тем более не сможешь.

– Спасибо за поддержку! – язвительно воскликнула я.

Мария мило улыбнулась и продолжила собирать одежду в чемодан.

– Я не имею в виду, что ты – слабая. Я говорю о том, что, живя в университетской квартире, ты не сможешь нормально питаться, – объяснила она.

Питаться? Я совсем забыла об этом... Хотя, нет, просто не подумала, ведь всегда питалась дома, не забывая о том, каким образом кровь попадала на наш стол и в наши бокалы. Точнее, на мой стол, потому что родители питались только на охоте.

– Там ведь никто не будет подавать тебе свежую кровь в красивой бутылке, – добавила Мария, наверно, заметив мое замешательство.

– Но... Как тогда я вообще буду питаться? – нахмурилась я.

– Если будешь снимать квартиру, то найдешь способ. А вообще-то, я считаю, что тебе пора добывать кровь самостоятельно.

– То есть, убивать людей? – уточнила я.

– Да, убивать. Но я беспокоюсь о том, как ты будешь это делать: тебя никто не научил охотиться. Вот оно – родительское упущение!

– Не думаю, что убивать – это так сложно, – спокойно ответила на это я. – Мартин тысячу раз рассказывал мне о том, как убивал. Особенно случай с немецким почтальоном: я слушала о нем десятки раз и в самых ярких красках.

– Слушать Мартина – одно, а убивать – совершенно другое. Убивать – тяжело и морально и физически. Особенно в твоём возрасте

– Но ты ведь как-то этому научилась, – возразила я.

– Научилась. Точнее, меня научили родители.

– И я научусь, со временем. Я же вампир, и это – моя судьба, и ведь я такая же сильная и ловкая, как и вы?

– Почти. Чтобы контролировать свои возможности, нужно много тренироваться. Этому нельзя научиться за один раз. – Мария серьезно посмотрела на меня. – Так что, подумай, Миша, подумай.

Я смотрела на сестру и думала, что прекрасно справлюсь со всем этим. Ведь я – Миша Мрочек. Вампир. Я ничуть не хуже своих сестер.

Но я промолчала.

– Я сниму тебе квартиру в Восточном Оксфорде, на Коули-роуд, где жила сама. Ни о чем не беспокойся, я все улажу, – вдруг заявила Мария.

Я рассеяно кивнула: до меня все еще не доходило, что теперь мне нужно будет питаться самой. Нужно будет охотиться на людей и убивать их.

«Все будет хорошо, ведь это – очередная ступенька в моем развитии. Мне нужно взрослеть и становиться настоящим вампиром» – успокоила я себя, но смутно почувствовала страх будущей неопределенности.

Но Мария стала рассказывать мне о своей учебе в Оксфорде, и этот страх исчез. Слушая ее, мое сердце горело от желания как можно скорее уехать туда. Я представила, как буду носить строгую черно-белую форму, ездить в колледж на велосипеде, сидеть на лекциях... А насчет питания... Никто никогда не узнает, почему я не питаюсь в столовой колледжа, ведь в моей голове созрела замечательная история, которая станет самым естественным моим оправданием.

– Чему ты улыбаешься? – удивленно спросила Мария.

Я очнулась от своих мыслей.

– Я просто рада, что, наконец-то, стану свободной. Думаю, с вами родители не носились так, как носятся со мной. Понимаешь, ты рассказываешь мне о своей жизни там, а я вижу все это перед глазами, – объяснила я. – Но мне нужно, чтобы ты рассказала как, где и когда лучше убивать.

– О, это само собой. Поэтому сиди и запоминай. Хотя, лучше отметить все на карте. Я побежала в свою комнату и вернулась к сестре с картой Оксфорда.

– Ну что ж, начнем! Давай карандаш, – сказала Мария.

Мы сели на кровать, и сестра начала свой инструктаж, который я совсем не поняла и даже не запомнила.

На следующий день Мария улетела, оставив мне список советов, написанных от руки ее красивым каллиграфическим почерком. Перечитывая его, я невольно смеялась над описываемыми глупейшими и банальными, но такими нелепыми ситуациями. Например: «Если на тебя нагадит голубь – не злись и не выдавай свое недовольство ни словами, ни жестами, ни мимикой, иначе, все решат, что ты ненавидишь голубей и птиц вообще. Для того, чтобы избежать подобной участи, всегда носи с собой запасную мантию». Или: «Если тебя собьет велосипедист, не вставай с тротуара сразу, а сделай вид, будто чем-то ударилась (лучше всего – рукой), потом побрани его немного, но не переборщи, поднимись и с недовольным лицом уходи, приняв его искренние (и не очень) извинения». Но это были только цветочки – когда я дошла до пункта, как вести себя в женском туалете, то просто не могла унять смех: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не хлопай дверьми, иначе, уборщицу – миссис Риз, хватит сердечный удар. Всегда закрывай двери нежно, спокойно, как леди, даже если за тобой гонится маньяк с огромным ножом».

«Спасибо, Мария, я запомню твои советы. Миссис Риз не должна пострадать!» – подумала я, переворачивая лист, чтобы прочитать еще и вторую его сторону:

«А теперь серьезно. Никогда (никогда!) не нарушай эти правила:

1. Питайся строго по графику.
2. Не применяй свои способности на смертных, даже в условиях самообороны – они все равно ничего не смогут с тобой сделать.
3. На ночь всегда выключай свет, иначе, соседи поймут, что ты вообще никогда не спишь.
4. Пресекай любые попытки контактов со стороны смертных. Общайся с ними только в крайнем случае.
5. Никакого флирта со смертными парнями.
6. Веди себя как человек, но не забывай о том, кто ты есть.
7. Подавляй в себе чувство жалости к смертным.
8. Не ешь человеческую пищу.
9. Никогда не общайся с Фредериком Харальдсоном. Никогда.
10. Ни в коем случае не нарушай эти правила.

Я задумчиво сложила листок вдвое и стала обдумывать все эти правила. Итак: не общаться с людьми и Фредериком, не есть человеческой пищи (хотя я и не собиралась – это ведь такая гадость), не нарушать график питания, не привлекать внимание к своей персоне. Не такие уж сложные правила.

Вспомнив о том, что Мария арендовала для меня квартиру, я пробежала взглядом адрес и широко улыбнулась: сестра уверила меня в том, что хозяева, сдающие эту квартиру, были очень интеллигентными смертными и никогда не нарушали покой квартиросъемщика, что будет замечательно для меня, вампира.

Теперь мне оставалось только собрать вещи и ждать назначенной даты моего вылета из Варшавы в Лондон. Мартин благородно вызвался доставить меня прямо до дверей моей квартиры в Оксфорде, но я отговорила его от этой затеи, чтобы почувствовать себя взрослой и не выглядеть глупо в глазах моих возможных сокурсников по колледжу. Поэтому я лично заказала билет на обычный рейсовый самолет, чтобы не лететь на нашем личном. Я уже просмотрела, как добраться из аэропорта Лондона до Оксфорда и с нетерпением зачеркивала числа в календаре.

Наконец, настал долгожданный для меня день. Я помню, каким ясным и синим в этот день было небо, как мертвые листья деревьев в нашем саду шелестели и словно говорили мне: «До свидания, Миша!». Мягкое осеннее солнце скользило золотыми лучами по моей бледной коже. Воздух – свежий, пахнувший опавшими листьями, запомнился мне навсегда.

Родители сели в машину еще в гараже, чтобы не попасть под солнце, а я окинула взглядом дом, мысленно попрощалась с ним и только тогда села в машину, ожидающую меня во дворе.

Иногда я думала: как это странно... Неужели и я со временем стану прятаться от солнца? Как я смогу перенести разлуку с ним?

И вот, наша машина выехала к аэропорту. Мои вещи с трудом уместились в большом багажнике, потому что я не смогла выбрать что-то особенное для жизни в Англии и взяла с собой почти половину своего огромного гардероба.

В аэропорту я обняла родителей (с братьями и Марией мы попрощались уже давно, потому что они уже разъехались). Конечно, они с беспокойством в глазах смотрели на меня, будто я уезжала навсегда жить в Африку, и их поведение немного раздражило меня, поэтому я поторопилась пойти на контроль.

– Позвони, когда прилетишь. И не стесняйся пользоваться своей кредитной картой, – напоследок, сказал мне отец.

Мама молча улыбалась, но в ее глазах блестели слезы.

– Вислав, ну почему она плачет? Я же скоро прилечу, на Рождество! Я позвоню вам, но предупреждаю – долго прощаться не будем, иначе, Стефания зальет своими слезами весь аэропорт! – предупредила я. Так как для людей мы выглядели ровесниками, вне дома я называла родителей по именам.

– Она всегда была очень чувствительной, – улыбнулся отец и обнял ее за плечи.

– Ага, я заметила это на свадьбе Маришки! – недовольно сказала я (тогда мама только и знала, что всхлипывала). – Ну, перестань, Стефания, я же не умираю!

– Ладно, иди на посадку, иначе, она тебя непустит, – шутливо сказал отец.

Я поспешно отошла от родителей.

– Я позвоню! – крикнула я им, а затем быстро прошла контроль, нашла свой рейс, села в самолет и заняла свое место.

«Уважаемые пассажиры, пожалуйста, пристегните ремни безопасности» – в скором времени услышала я и невольно улыбнулась в предвкушении полета.

Все вокруг было для меня новым, абсолютно неизвестным, интересным, и я во все глаза смотрела на пассажиров, на стюардесс, обстановку. Я наблюдала за людьми, ведь раньше никогда не была в человеческом обществе, да еще и в самолете: я всегда летала только на личном самолете родителей, и теперь огромный реальный мир ошеломил меня.

К сожалению, с соседкой мне не повезло: ею оказалась пожилая полная брюнетка, которая спала всю дорогу и тихо похрапывала, иногда пожевывая губами, но это смешило меня, и я даже не включала музыку, чтобы понаблюдать за ней.

Полет прошел быстро, а может, это мне так показалось. После посадки все вдруг начали хлопать в ладоши, ну и я не отставала, хотя недоумевала, для чего было все это действие. А когда люди стали выходить из самолета, у меня дыхание перехватило от мысли, что я уже была в Англии. Я выходила на ватных ногах, понимая всем своим существом, что попала в другой мир, в мир, принадлежащий людям... Да еще и в другую страну, другую культуру, другую языковую среду!

Благодаря моему усиленному наблюдению за людьми, я успешно забрала свой багаж, но для этого мне пришлось нанять грузчика – мои многочисленные сумки были мне «не под силу». Конечно, я бы с легкостью понесла их сама, но в глазах людей была всего лишь хрупкой девушкой, и чувствовала на себе восхищенные взгляды. Мне было неловко от такого внимания.

Я вышла из здания аэропорта, чтобы нанять такси (грузчик катил за мной на тележке мои сумки), но, как назло, на стоянке не было ни одной машины. Я растерялась, не ожидая такого поворота событий и ранее считая, что меня ждет целая толпа жаждущих моих денег таксистов.

– Мисс Мрочек! – вдруг услышала я незнакомый мужской голос недалеко от себя.

«Это зовут меня? Не может быть, ведь меня здесь никто не знает!» – пронеслось в голове, но я машинально обернулась на голос, назвавший мое имя.

– Мисс Мрочек... Миша Мрочек... Это ведь ты? – Ко мне подошел довольно высокий темноволосый парень и, конечно, он говорил по-английски.

Моему удивлению не было предела.

– Да, – ответила я. – Разве мы знакомы?

Парень усмехнулся и оглянул меня с головы до ног. Его бестактность неприятно зацепила меня.

– Мои глаза, вообще-то, здесь! – строго сказала я ему.

– О, прошу прощения... Нет, мы пока не знакомы, но я ждал твоего появления больше часа, – сконфуженно сказал он. – Меня зовут Гарри Смит: это моя семья сдает тебе квартиру.

– Приятно познакомиться, Гарри, но я не понимаю, зачем ты меня ждал? – еще больше удивилась я.

– Я отвезу тебя на квартиру, – ответил он.

– Спасибо, конечно, но я могла бы добраться сама.

– Охотно верю, но, надеюсь, ты не будешь настаивать на одинокой поездке в Оксфорд: я просто подумал, что тебе будет удобней, если я заберу тебя с аэропорта, к тому же, у тебя не будет дорожных хлопот и дополнительных расходов на такси.

Я растерялась: этот Гарри полностью разрушил мои планы и мой самостоятельный, тщательно продуманный маршрут. Сначала я хотела отказать ему, но потом подумала, что он нарочно приехал за мной, и мне стало даже жаль этого парня, за то, что ему пришлось ждать меня больше часа. Меня – абсолютно незнакомую ему девчонку.

– Ну, хорошо, Гарри. И спасибо за то, что приехал за мной, мне очень приятно, – наконец, сказала я.

– Рад помочь. Ну, и где же твои сумки? – весело сказал он.

Я кивнула в сторону грузчика.

Гарри усмехнулся.

– Четыре огромные сумки?

– Да.

– Ты что, весь шкаф с собой привезла?

– Почти, – серьезно ответила я, нахмурившись от его насмешливого тона. – Но мне кажется, что это совсем тебя не касается.

Гарри немного покраснел.

– Извини, не хотел тебя обидеть. – Он смущенно улыбнулся.

– Да ничего, и ты... Извини, – выдавила я, чувствуя себя крайне неловко.

Мы молча подошли к его машине – большому серому «Джипу». Гарри стал закидывать мои сумки в багажник, а я в это время расплатилась с грузчиком и дала ему на чай.

Затем я и Гарри сели в машину.

– Не забудь пристегнуться, – сказал парень, заводя мотор.

Я с усмешкой пристегнула ремень безопасности, Гарри сделал то же самое, и только после этого мы выехали со стоянки на дорогу.

– А как ты узнал меня? – поинтересовалась я.

– Это было просто: твоя сестра сказала моей матери, что ты – красивая, худая, длинно-волосая блондинка, – ответил он.

«Не такая уж я худая!» – недовольно подумала я. Этот комплимент оставил меня в полном равнодушии: я была сыта по горло восхищением окружающих. Оно раздражало меня.

– Студенты уже съезжаются? – спросила я, переводя разговор на другую тему.

– По-моему, да, но, если честно, не знаю, так как редко бываю в Оксфорде.

– Почему? А я думала вы там живете.

– Почти. Мы живем там только летом, а на учебный год сдаем квартиру и переселяемся в Лондон, – ответил парень. – Могу я кое-что у тебя спросить?

– Пожалуйста. – Меня очень забавлял его чопорный английский.

– Почему Оксфорд?

Этот вопрос, часто задаваемый мне моими родителями, заставил меня улыбнуться.

– Потому что Оксфорд – моя мечта, – честно призналась я, взглянув на Гарри.

Он улыбнулся, и я подумала о том, что он был довольно хорош собой. Но потом стукнула себя раскрытой ладонью по лбу.

– Ой, забыла! – вырвалось у меня по-польски.

– Что? – спросил Гарри, удивленно подняв брови: он явно не знал польского.

– Я вспомнила, что забыла в Польше кое-что очень важное! – пробормотала я по-английски.

Забыла то, что должна была взять в первую очередь – список правил Марии.

– С кем не бывает, – улыбнулся Гарри. – Кстати, тебе не нужно будет покупать велосипед – будешь ездить на велосипеде Мэри.

– Мэри? – переспросила я.

– Да, это моя сестра. Ей семнадцать. Она уехала к нашему дяде в Шотландию, и ее велосипед полностью в твоём распоряжении.

– Здорово, – сказала я, однако не чувствуя никакой радости.

– А вы с сестрой очень похожи. На сколько лет она тебя старше? – вдруг спросил парень.

– На семь, – не задумываясь, ответила я.

Довольно бестолковый банальный вопрос.

– А я бы не сказал: вы как будто ровесницы. И волосы у нее такие же – золотистые.

Я усмехнулась от его комплимента моим волосам.

– Сестры всегда похожи, – сказала я.

– Да, наверно.

Мы замолчали.

Я решила воспользоваться тишиной и позвонить домой, как и обещала, и попросить маму прислать мне список Марии.

Достав свой голубой смартфон, я набрала номер мамы.

– Привет, я уже в Англии. – Я перешла на польский, чтобы Гарри не понял моего разговора с мамой.

– Привет, как долетела? – спросила мама усталым голосом.

– Классно: рядом со мной сидела тетка и храпела прямо мне на ухо, – с улыбкой ответила я. – Мам, я кое-что забыла дома, не могла бы ты выслать мне это по почте?

– Что именно?

– В моей комнате, в одном из ящиков стола, лежит лист бумаги – это советы, которые написала Мария, чтобы облегчить мою многострадальную жизнь в Оксфорде.

– Да, нашла. Забавно, у Марии явный талант сатирика.

– Вышли мне его сегодня, ладно? Обычной почтой, заказным письмом. Адрес скину сообщением.

– Хорошо. Где ты сейчас?

– Еду в Оксфорд. Наняла машину.

«Хорошо, что этот смертный паренек не знает польского! Я ведь не могу при нем сказать, что еду на такси. И не могу сказать маме, что еду в машине с «левым» человеком!» – с облегчением подумала я

– Хорошо. Я сейчас работаю, давай созвонимся вечером.

– Это необязательно, но позвоню, как буду свободна.

– Тогда жду твоего звонка, милая.

– Пока, мам.

Я отключила звонок и заметила, что Гарри улыбается.

– Что такое? – спросила я его.

– Польский язык – несколько странный и смешно звучит для английского уха, – ответил он. – Но, думаю, это очень красивый и оригинальный язык.

– Спасибо. Но, знаешь, не многие иностранцы так думают, – искренне сказала я.

– Почему?

– Считают, что в нем слишком много смешных звуков, шипения и тому подобное.

«Ну, вот, я уже около получаса нарушаю самое главное правило: не общаться с людьми. Но так и от скуки умереть можно!» – насмешливо подумала я.

Мы болтали всю дорогу до Оксфорда: Гарри рассказывал мне о своей сестре, о семье, о том, какой была Мария, когда он видел ее. Что касается меня, я ничего о себе не рассказывала, а старательно переводила разговор на нейтральные темы.

Наконец, мы приехали в город моей мечты. В Оксфорд.

Как только мы стали подъезжать к нему, несмотря на недовольство Гарри, я высунула голову в окно, чтобы рассмотреть улицы: люди шли куда-то, с сумками и без, огромное количество велосипедов пересекало дороги, и я всей душой чувствовала, что, наконец-то, была свободна. Моя мечта воплотилась в реальность: я была в Оксфорде!

Гарри остановил машину около двухэтажного каменного дома, довольно старинного вида, который почему-то напомнил мне замок Морганов в Праге.

– Добро пожаловать в новый дом! – сказал парень, выходя из машины.

Я тоже вышла и зачарованно уставилась на это чудо.

– По-моему, я заказывала квартиру, а не дом! – с искренним восхищением воскликнула я.

– Ну да, это и есть твоя квартира. Просто все жилые комнаты находятся на первом этаже, а на верхнем хранятся вещи, которые мы оставляем до следующего лета, – объяснил мне Гарри.

– Да, но я все равно буду хозяйкой целого дома! – рассмеялась я.

Англичанин пристально посмотрел на меня.

– Квартиросъемщицей, – напомнил он.

«Какой же он нудный и дотошный!» – с насмешкой подумала я, закрывая глаза ладонью.

– Тебе плохо? Голова разболелась?

Я отвела ладонь от глаз: Гарри участливо смотрел на меня.

– Нет, что ты. Просто ты очень нудный, – не удержалась я и опять насмешливо усмехнулась.

– Нудный? – удивленно переспросил он.

– Очень нудный, – уточнила я. – Только не обижайся.

– Не волнуйся, кажется, я понимаю, почему ты так решила. – Он вытащил из багажника одну из моих сумок и поднялся по невысокой лестнице к совершенно современной, но покрытой старинными узорами, двери. – Мы, англичане, называем это не «чем-то нудным», а «любовью к порядку».

Я не нашла, что ответить, поэтому просто поднялась за Гарри и остановилась у него за спиной, ожидая пока он откроет дверь.

– Здесь ключ немного заедает... Нужно сильнее поднажать... Сейчас, минутку. – Гарри стал ковырять ключом в замке.

Мы простояли так минуты три.

– Дай я попробую, – предложила я после очередной неудачной попытки Гарри открыть дверь.

– Думаешь, что, если я не могу открыть этот проклятый замок, то ты сможешь? – чуть насмешливо спросил парень, глядя на меня.

– Спорим? – спокойно предложила я, заранее зная результат.

– Спорить – глупо.

– Боишься проиграть девчонке? – усмехнулась я.

Он тихо рассмеялся довольно приятным смехом.

– Ну, сама напросилась. На что спорим?

– На желание, – ответила я, решив проучить его за «любовь к порядку».

Парень с самодовольным видом протянул мне руку. Я пожала ее.

– У тебя руки холодные. Замерзла? – заботливо спросил он.

– Да, замерзла, поэтому хочу поскорее попасть в дом, – поспешно сказала я и забрала у него ключи.

А замерзнуть по-настоящему в удивительно-солнечную погоду было бы глупо.

Приложив немного усилий, я с легкостью открыла дверь и победно посмотрела на Гарри.

Он был удивлен: его брови чуть не касались корней волос.

– Это какое-то чудо, – с улыбкой сказал он.

Вместо ответа я демонстративно зашла в дом.

– Скажи, как ты это сделала? Еще никому не удавалось открыть этот замок с первого раза, – спросил Гарри, заходя за мной.

– И Марии тоже? – усмехнулась я.

– При твоей сестре замок был еще жив, – отозвался парень.

Гарри затащил в прихожую еще три сумки и насмешливо усмехнулся.

– Интересно, как бы ты сама тащила все эти сумки? – спросил он.

– Хорошо, что хоть с чувством юмора у тебя все в порядке, – парировала я, прохаживаясь по комнатам.

Я была счастлива, ведь находилась в своем собственном... Ну, ладно, арендованном на год доме, где начну взрослую самостоятельную жизнь и буду делать то, что хочу: например, плакать.

– Здесь есть все, что нужно: кухня, прихожая, зал, гостиная, ванная комната, две спальни...

– Две спальни? – удивилась я.

– Две спальни, – повторил Гарри. – Свет, отопление. На верхних этажах нет ничего интересного, если только тебя не заинтересует старый хлам на чердаке. Кстати, там твой велосипед. – Он пошел вверх по лестнице, а я продолжила осматривать свой маленький замок.

Моя квартира или, лучше сказать, дом был очень чистым и уютным. Я с умилением подумала о том, как приятно было находиться здесь, намного приятнее, чем в моем собственном доме в Варшаве, в стиле модерн. Я чувствовала себя так, словно вернулась домой из длинной поездки, и все вещи в доме были рады моему возвращению. Все вокруг: окна, шторы, мебель, паркетный пол, устланный бежевым мягким ковром, лампы, абажуры – все это было пронизано истинно-английским стилем и спокойствием, а в спальнях даже были камин, но, к сожалению, электрические.

Я сняла свой синий жакет и повесила его на вешалку в гардероб, находящийся в прихожей.

– А вот и твой велосипед! – послышался голос Гарри и его шаги по скрипящей лестнице.

Парень спустился в прихожую и поставил передо мной очень милый темно-синий велосипед со звонком.

– Он подходит под цвет моего жакета! – весело сказала я и щелкнула пальцем по звонку. Весь дом тут же откликнулся высоким звоном.

Гарри как-то странно посмотрел на меня.

– Ты очень красивая, – сказал он и смутился.

– В человеке главное не внешность, а душа, – с каменным лицом ответила на это я, но затем смягчилась. – Спасибо, что подвез меня. Мне очень понравился ваш дом: здесь очень уютно. А куда я буду ставить велосипед?

– Около крыльца. Не бойся: его никто не заберет, – ответил Гарри. – Открой дверь.

Он поднял велосипед, я придержала входную дверь, мы вышли из дома, спустились по лестнице, и Гарри прислонил к ней двухколесного друга.

– Это так удивительно! А люди, оказывается, не такие уж плохие, как я раньше думала, – сказала я, приятно поразившись словами Гарри.

– Откуда у тебя такая нелюбовь к людям? – спросил Гарри, подходя ко мне.

– Потому что большинство людей смотрят не на душу, а на внешность: как ты одет, какая у тебя прическа... Красив ты или нет... Это тяжело объяснить. Наверно, тебе уже пора? – Я хотела как можно скорее избавиться от его присутствия и теперь жалела о том, что нарушила правило: «не общайся с людьми».

Гарри, видимо, все понял и улыбнулся.

– Вообще-то, да. Кстати, продукты можешь купить в магазине за углом – там дешевле, чем в других магазинах. Холодильник на кухне... Вроде все. А ты ведь выиграла наш спор – за тобой желание.

Я нахмурилась: сейчас мне не особо хотелось смеяться над бедным пареньком, оказавшим мне столько любезностей. Должно быть, спокойствие и тишина дома отбили у меня охоту проучить занудство этого англичанина.

– Я подумаю об этом: сейчас ничего в голову не приходит. – Я пожала плечами.

– Тогда я поехал. Да, и, когда придумаешь что-то или, если тебе что-нибудь понадобится, позвони. Вот. – Гарри достал из кармана пиджака визитку и протянул ее мне.

Я колебалась.

«Он что, решил со мной пофлиртовать?» – недовольно подумала я, но все же, взяла визитку, подумав, что, может, мне и вправду придется позвонить ему насчет дома.

– Хорошо, – сказала я.

– Ключи от дома я оставил в гостиной. И еще забыл сказать: если замерзнешь, в твоей спальне есть электрический камин. Знаешь, как включать? Могу показать.

– Нет, спасибо, у меня дома стоит такой же, – поспешно солгала я, в душе посмеиваясь над его заботой: мне уж точно никогда не замерзнуть!

– Тогда все. Я поехал, – нерешительно сказал он, пристально глядя на меня.

– Езжай, тебя, наверно, уже заждались. – Я хотела, чтобы Гарри уехал и оставил меня в покое.

– Да... Кстати, горячая вода идет круглосуточно, и наш дом обслуживает почтальон. – Гарри, наконец-то, начал подходить к своей машине.

– Спасибо, я разберусь. До свидания, Гарри. – Я быстро зашла в дом и закрыла за собой дверь.

«Какой нудный тип! Однако, очень любезный» – подумала я.

Тут я вспомнила о визитке и пробежала по ней взглядом: «Гарри Смит. Юрист».

«Юрист? Не похож» – Я небрежно бросила визитку на стол и начала разбирать свои сумки.

Когда я извлекла из сумок все свои вещи и в относительном порядке разложила их по новому дому, то сразу вспомнила насмешливые слова Гарри насчет количества этих сумок. Он был прав: мои одежда и обувь не поместились в большой шкаф спальни, которую я выбрала для себя, но я не растерялась и перенесла невестившиеся вещи в шкаф соседней спальни, которая размещалась сразу за моей, так что далеко бегать мне не пришлось, а обувь рядами выстроилась в прихожей. Когда сладостная распаковка вещей подошла к концу, я взглянула на маленькие часы, больше напоминавшие висящую на стене вазу, и оказалось, что я провозилась до глубокой ночи – маленькая стрелка указывала на три часа.

Вдруг в мою голову пришло правило Марии: «На ночь всегда отключай свет» и поочередно выключила все горящие в доме лампы и абажуры. В доме стало темно, но не для меня: мое зрение позволяло мне увидеть даже иголку в самой крошечной тьме, а так как желтый свет фонаря за окном освещал улицы и – через окна, часть дома, в нем было достаточно светло.

Развалившись на большой двуспальной кровати, я погрузилась в размышления: завтра нужно будет сходить к швее и заказать себе мантию для колледжа, несколько белых блузок, черных юбок и черную ленточку на шею, такой себе «оксфордский галстук». А потом все это нужно будет закинуть домой и сходить на почту (а вдруг письмо смогло дойти до Оксфорда за такой короткий срок?). И необходимо не прозевать посылку из Варшавы, такую важную для меня – мои родные снабдили меня «гуманитарной помощью» и послали мне большой контейнер с донорской кровью, которой я буду питаться до тех пор, пока не выйду на первую в моей жизни охоту. А насчет этого... Я решила, что в ближайшее время точно не буду охотиться: для начала, нужно было привыкнуть к образу жизни смертных.

А пока мне оставалось только сидеть в темной комнате, стораю от желания поскорее встретить утро, чтобы выйти из дома и пройтись по городу, осмотреться и почувствовать вкус свободы.

Как неудобно быть вампиром в ночные часы! Как неудобно не спать, а постоянно бодрствовать и скрываться в доме, не смея включить свет, и умирать от скуки.

Я подошла к окну и посмотрела на соседние дома: они стояли молчаливые, несколько угрюмые в желтых лучах фонаря, и ни в одном из окон не горел свет. Люди спали.

Чтобы хоть чем-то занять себя, я решила переглядеть все вещи, которые сильно измялись в сумках, но гладильной доски в доме не нашлось, поэтому я переглядела все прямо на своей кровати, не включая свет. Это занятие забрало у меня около трех часов, но и тогда город еще спал.

Я с нетерпением поглядывала на стрелки часов, ожидая увидеть, как они покажут шесть часов утра: в моих планах было взять плеер и сделать пробежку по просыпающемуся городку.

Наконец, свет фонарей побледнел на фоне туманного английского рассвета.

«Наконец-то! Какая же скука ожидает меня по ночам!» – подумала я, переодеваясь в льняные шорты, майку и тонкую голубую пайту. В прихожей я быстро надела кеды, воткнула в уши наушники, включила плеер, вышла из дома, закрыла дверь, спустилась по лестнице и медленно побежала вдоль красивой улицы, вымощенной большими камнями, не встречая никого на своем пути, словно людей в этом городе не было вообще.

Английское утро даже пахло по-другому: чем-то незнакомым, оно было не таким, как дома, и я остро чувствовала удовлетворение собой.

Я бежала по улице, улыбалась и внимала любимым мелодиям, игравшим в наушниках.

Скоро мне попался первый за все это утро человек – пожилой мужчина, выгуливавший таксу в одном из парков: собака лениво и сонно шла за ним, важно переваливаясь с одной лапы на другую. Вслед за мужчиной я встретила двух девушек, бегущих мне навстречу и тоже совершающих пробежку.

«Как, наверное, это классно – бежать и болтать с подругой!» – подумала я, провожая их взглядом.

Постепенно город оживал: люди выходили из домов, здоровались, махали друг другу руками, кивали, куда-то шли. Открывались кафе (я знала, что магазины в Оксфорде не открываются раньше десяти часов), а на дорогах появлялось все больше машин и велосипедистов.

Утро было в разгаре.

Посмотрев на часы, я обнаружила, что бегала уже полтора часа без перерыва, поэтому остановилась и нарочно тяжело задышала, как люди после пробежки. Осмотревшись вокруг, я поняла, что оказалась в незнакомом месте, без денег, и, чтобы оказаться дома, мне нужно было бежать обратно полтора часа. Но делать было нечего: я развернулась и побежала домой, благо, у меня была отличная память. У меня никогда не было особого желания бегать по утрам, но сегодняшняя утренняя пробежка по просыпающемуся городу так мне понравилась, что я дала себе слово, совершать ее каждое утро в любую погоду.

Домой я прибежала к девяти часам, поднялась по лестнице к двери, достала из кармана шорт ключ и стала открывать дверь, однако ключ упрямо не хотел проходить в замок.

«Что за ерунда? Видимо, придется менять замок!» – недовольно подумала я, безнадежно пытаюсь побороть его, и так старалась, что погнула ключ. – Ну, замечательно! А утро было таким приятным!»

Я задумчиво села на ступеньку и вдруг услышала скрип проворачивающегося замка: он прозвучал так громко, что его было слышно даже сквозь музыку.

Это заставило меня вскочить на ноги, поспешно снять наушники и уставиться на дверь.

Кто-то там, в доме, открывал дверь с другой стороны!

Вдруг дверь широко распахнулась, едва не ударив меня, и передо мной появилась худенькая черноволосая девушка с короткой стрижкой под мальчика и с пирсингом в носу.

– Привет, а ты, наверно, Марша? – спросила она меня по-английски, приятным, немного высоким голосом.

Я опешила.

«Это еще что такое?» – пронеслось в моей голове.

– Миша, – поправила я. – А вы, прошу прощения, кто?

– Я Мэри Смит – хозяйка дома, но ты не пугайся, я не займу много места.

Глава 3

«О чем это она? Она собирается жить здесь? Со мной?» – Я нахмурилась.

– Но я снимала ваш дом с условием, что буду жить совершенно одна, – лукавая, сказала я: на самом деле, дом арендовала Мария, и мне не было известно, на каких условиях. Но я точно знала, что моя сестра никогда бы не позволила мне жить в одном доме с человеком!

– Да, я знаю, но, надеюсь, ты войдешь в мое положение, – извиняющимся тоном сказала Мэри. – О, проходи, пожалуйста!

Я машинально вошла в дом и сняла кеды. Мое утро было испорчено.

Мы вошли в гостиную.

– Где ты была? – спросила меня девушка.

– Бегала, – коротко ответила я и села на широкий коричневый диван.

– Правда? А ты совсем не вспотела.

«Все ясно: это – сестра Гарри. Такая же нудная, как и он!» – с неприязнью подумала я.

– Просто я профессионально занимаюсь бегом, – соврала я, и только сейчас до меня дошел весь ужас моего положения: она будет жить здесь? Нет, это невозможно! Как я буду скрывать от нее свои странные, на ее взгляд, привычки? А что она скажет насчет холодильника, полного крови?

– Марша, я хочу извиниться... – начала она, сев рядом со мной.

– Миша, – еще раз мрачным тоном напомнила я, чувствуя раздражение оттого, что Мэри не запомнила моего имени.

– Да, прости, Миша. Ты сейчас думаешь о том, что я здесь делаю? Просто у меня нет другого выхода. Мне некуда больше идти. – На ее лице показалась горечь.

– Что с тобой случилось? – поинтересовалась я из вежливости: на самом деле, мне было абсолютно плевать, и меньше всего я хотела слушать о ее проблемах.

Девушка придвинулась ко мне и тяжело вздохнула.

– Дело в том, что... Я сейчас должна быть в Шотландии, но там скука смертная... Ну ладно, на самом деле я приехала не потому, что мне взбрела в голову сумасшедшая идея вернуться в Оксфорд, поразвлечься. Дело в том, что... – Она запнулась. – В общем, там я связалась с одной плохой компанией, чуть было не стала наркоманкой... Нет, ты не думай! Я не принимаю наркотики и никогда не принимала. Я иногда покурываю травку, но ведь это совсем не вредно...

Я слушала ее и поражалась своей фатальной неудаче: и как меня угораздило приехать в Оксфорд? Жить рядом с девицей, которая курит травку! Хуже и не придумаешь!

– И еще, я там одолжила много денег. Вернуть не могу, поэтому вполне возможно, что здесь появятся мафиози... – Вдруг Мэри замолчала и громко рассмеялась.

«Да она психопатка! Ужас, какое невезение!» – пронеслось у меня в голове.

– Да ладно, не волнуйся ты так! Я пошутила! – сквозь смех сказала она. – Ты бы видела свое лицо!

Эта девица вызывала у меня жуткую антипатию.

– Миша, я пошутила! – Наконец, девица успокоилась и серьезно, но с улыбкой, смотрела на меня. – Да не хмурься ты, это была шутка!

– И насчет травки? – уточнила я.

– Да. И насчет мафиози тоже. На самом деле, мне просто предложили здесь работу, в детском приюте, вот я и приехала.

– У меня просто нет слов! – недовольно сказала я. – Извини, конечно, но я думаю, что мы не сможем жить в одном доме вместе. Это не совсем удобно!

– Ну почему «не совсем удобно»? Я – девушка, ты – девушка, мы подружимся! Будем болтать, смотреть фильмы и сериалы. Бегать по утрам!

«Бегать вместе. Это было бы здорово» – подумала я, вспомнив о двух подругах в парке. Эта мысль расположила меня к этой странной особе.

– Я займу вторую спальню и совершенно не буду тебе мешать, – сказала Мэри.

«Ну, это вряд ли!» – усмехнулась я про себя.

Даже живя в Варшаве, среди семьи, я постоянно чувствовала дискомфорт оттого, что слышала все происходящее на десятки метров вокруг. А жить с ней и слышать все, что она будет делать? Нет. Увольте!

– Мэри, давай я сниму тебе где-нибудь квартиру, хорошо? Думаю, так будет лучше, – все же сказала я, пытаясь избежать ее навязчивой компании.

– Но ты меня совсем не знаешь! Я не такая дурочка, как кажусь. Ну, насчет шутки, согласна – она была глупой. Но прошу тебя, дай мне хоть один шанс доказать, что я совсем не такая, какой ты меня сейчас видишь! Ну, пожалуйста! – умоляющим тоном попросила девушка, сложив руки в мольбе.

Я окинула ее взглядом: короткие крашенные в ядерный черный цвет волосы, в носу – серебряный, в виде цветка, пирсинг, но довольно приятный неброский макияж, милое личико, добрые глаза. Да и одежда на ней была приличная: длинный шерстяной желтый свитер и узкие черные джинсы, на ногах – домашние мягкие тапочки.

«А что, если Мэри тоже вынуждена скрывать свое «Я»? Вдруг она просто жертва обстоятельств, а я так категорично пытаюсь от нее отделаться? Может быть, она и в правду совсем

другая? Ведь Седрик дал мне шанс, а родители – возможность стать собой. Седрик дал мне потрясающие советы, которые привели меня на истинный путь. Наверно, стоит дать шанс и ей!» – подумала я.

– А еще, я очень вкусно готовлю и могу убирать в доме, – добавила Мэри. – И насчет пирсинга: я еще давно задумала его снять, вот сегодня и сделаю. Новая жизнь – новые привычки.

– Например, бег по утрам? – с улыбкой спросила я.

– Да, это было бы здорово!

Я улыбнулась еще шире: улыбка Мэри была такой искренней, что мне стало стыдно за свои слова и мысли, очерняющие ее.

И тут до меня дошло, что Мэри была почти моей ровесницей: ей было семнадцать лет! Она могла бы стать моей подругой, о которой я мечтала! Но она – человек, а Мария сказала...

«Минутку, Миша, если ты будешь с ней общаться, это еще не значит, что это – опасно» – подумала я, переубеждая себя. – А насчет холодильника... Придумаю что-нибудь. Зато, как нам будет весело вдвоем!»

– Ну, хорошо, Мэри. Оставайся! – весело сказала я.

Она радостно взвизгнула и обняла меня.

– Спасибо! Спасибо! Ой, ты такая холодная! Замерзла? Давай я сделаю тебе горячий чай? – Она бросилась на кухню.

– Нет, не нужно! Лучше скажи, где я могу сшить форму для колледжа! – поспешно крикнула я ей.

– Конечно, скажу! Наша соседка держит швейную мастерскую. А ты что, в Оксфорде учишься? – Мэри вышла из кухни и принесла мне кружку дымящегося горячего чая.

Я растеряно взяла ее.

– Спасибо, не стоило, – пробормотала я, не представляя, что буду с этой кружкой делать. Уж точно не пить чай! Я не пила и не ела ничего человеческого после того, как в Карловых Варах попробовала мороженое. В тот день я люто возненавидела человеческую еду.

– А мы можем пойти туда прямо сейчас? – спросила я, чтобы отвертеться от проклятого чая.

– Сейчас? Но ведь ты только пришла.

– Я совсем не устала. Пойдем?

– Хорошо, только переоденься: на улице довольно холодно.

– Я мигом!

Поставив кружку на стол, я побежала в свою спальню, там быстро переоделась в джинсы и теплую на вид тунику, чтобы выглядеть как люди в это время. Я захватила с собой кошелек, положила его в любимую черную сумочку через плечо и вышла в прихожую.

– Ничего себе, ты такая красивая! – услышала я голос Мэри за своей спиной.

Мне стало неловко: моя внешность не впечатляла меня.

– Спасибо, ты тоже, – ответила ей я.

– Наверно, за тобой парни так и бегают! – хихикнула Мэри, возясь со своими сапогами.

«Может, тоже стоит пойти в сапогах? Кажется, я совсем не знаю, как люди одеваются осенью!» – подумала я, но все же, надела свои кеды, а на тунику – свой синий жакет.

– Ты ошибаешься. И давай не будем об этом? – попросила я, смущаясь от слов Мэри.

– Скажи, а Гарри с тобой заигрывал? – Она как будто не услышала меня.

Хорошо, что я не краснею, иначе, стала бы красной как рак.

– Нет, не заигрывал. Я же попросила тебя! – укоризненно сказала я. – Мне неприятны эти разговоры!

– Но почему? Я просто... – Она осеклась, взглянув на меня.

Мы молча вышли из дома. Я закрыла дверь.

– Ого, с первого раза! А я сегодня минут двадцать ее открывала, – воскликнула девушка. – Да у тебя талант!

– Тут просто нужно поднажать на замок и все. Ну, води меня к своей швее, – сказала я, уже остыв от раздражения.

Мэри весело рассмеялась и, взяв меня под руку (чего я совсем не ожидала), повела меня в мастерскую.

– А откуда ты приехала? – спросила Мэри.

– Из Варшавы. Это столица Польши. Может, ты была там? – ответила я.

– Значит, ты полячка? Ну да, у тебя странный акцент. Нет, если честно, я вообще никуда не выезжала с острова, да и не хочу. Я хочу просто обитать в Оксфорде, работать, гулять, развлекаться... Жить, одним словом.

Она споткнулась, но я вовремя удержала ее от падения.

– Ого, спасибо... А ты хоть и худая, но сильная! – с удивлением произнесла Мэри. – Только давай выйдем на солнце: ты совсем холодная, как мертвец.

«И почему она постоянно акцентирует на этом внимание?» – раздраженно подумала я.

Мы вышли на середину дороги, и нас окутали еще рассеянные лучи утреннего солнца. Мне стало очень приятно, и я зажмурилась. Я любила солнце.

Как круто поменялась моя жизнь! Еще вчера я собиралась жить в одиночестве и не общаться с людьми. Гарри ни в счет – это был просто эксперимент. А сейчас я шла под руку с этой странной смешливой девчонкой, почти пацанкой, с которой буду делить свой дом. Если родители или кто-то из моих узнает об этом, меня просто убьют!

– Гарри сказал, что ты учишься в Шотландии, – сказала я, решив узнать о Мэри побольше.

– Гарри не знает о том, что я здесь. Да, я там училась в школе, а потом хотела поступить в колледж, но не прошла собеседование, а знаешь, почему? Я забыла снять пирсинг из носа, а это такой строгий колледж! Там такие ужасные порядки! – Мэри даже покачала головой.

– Тогда почему ты хотела поступить именно туда? Ты ведь такая свободолюбивая, – сказала я, не желая обидеть ее словом «легкомысленная».

– Это не я, это Гарри – он страшно настаивал на моем перевоспитании. Он считает меня сорванцом. Но это не так.

Я промолчала, потому что думала то же, что и Гарри.

– А у тебя есть братья или сестры? – спросила Мэри.

В этот момент мимо нас проехали двое велосипедистов с криками: «Привет, девочки!».

Я нахмурилась, а Мэри крикнула им вслед: «Привет!».

– Да: у меня есть два старших брата и две старших сестры. Одна – замужем и живет в Чехии, а вторая – Мария, снимала ваш дом три года назад. Ты ее помнишь? – поинтересовалась я.

– Нет, меня тогда не было в Англии: я училась в школе в Эдинбурге, – ответила она, закрывая ладонью глаза от солнца. – Ну, вот мы и пришли!

Мы остановились у маленькой витрины, на которой красовались женские и мужские манекены в форме Оксфордского университета. Меня тут же наполнили волнение и радость: как приятно будет носить эту красивую строгую форму!

Мы вошли. На двери зазвенел колокольчик.

– Между прочим, тетя Мэл считается лучшей швеей в Оксфорде. Знаешь, сколько у нее людей одеваются? – сказала мне Мэри. – Эй, тетя Мэл, я вам клиентку привела!

– Иду, иду! – Из боковой двери вышла полная пожилая женщина с абсолютно седыми волосами. – Мэри, девочка моя, ты вернулась?

– Да, тетя Мэл! Буду работать в конторе преподобного Чарльза! – Мэри обняла швею.

– «Контора»? Ну и слово ты подобрала! Между прочим, детский приют – святое место! – со смехом заметила на это тетя Мэл.

– Ой, вы опять за свое! – рассмеялась Мэри. – Как вам нравится меня поучать!

– А ты не смейся: я уже шестьдесят пять лет живу на этом свете и знаю побольше твоего! – проворчала швея.

«Ей – шестьдесят пять? И она так ужасно выглядит? Слава Богу, я никогда не стану такой уродливой!» – подумала я, оглядывая грузную тетю Мэл и удивляясь контрасту между ней и моими прекрасными молодыми родителями.

Как удивительно: люди принимают эту уродливую старость как должное, а мы принимаем как должное нашу вечную молодость и красоту. Насколько же мы разные создания!

– А тебя как зовут, девочка моя? – обратилась ко мне швея.

– Марша, и она – полячка, – сказала Мэри, не дав мне даже рта раскрыть.

– Не Марша, а Миша, – спокойно поправила я.

– Да, извини, просто эти имена очень похожи, – извинилась Мэри, а потом обратилась к швее. – Ей нужна форма в Оксфорд.

– В Оксфорд? Какая ты умница, Миша! – похвалила меня тетя Мэл. Я фальшиво улыбнулась. – Тогда идем в примерочную. Сними свой жакет и свитер, и будем измерять твои параметры.

Я прошла за ней в примерочную, сняла жакет и тунику и осталась в лифчике и джинсах.

– А польские барышни тоже красивы, как и наши, – сказала швея. – Очень интересно: ты такая высокая и в то же время худенькая. Не модель, случайно?

– Нет, просто у меня плохой аппетит, – ответила ей я.

– Фигуру соблюдаешь? – спросила Мэри, зайдя к нам. – Ну, ты и худая! Ну, ничего, я тебя откормлю! Удивляюсь, откуда у тебя грудь-то при твоей худобе!

– Мэри, не болтай чепуху! – одернула ее тетя Мэл. – Смотри, так и обидеть можно. Миша, не обращай на нее внимания – у тебя замечательная фигура.

– Ну, что вы, это совсем необидно, – улыбнулась я, давно придумав оправдание своей худобе. – Просто у меня аллергия почти на все продукты, поэтому я очень мало ем.

– Бедняжка. А что тебе можно кушать? – спросила швея, измеряя мою талию.

– Ну, мало чего: помидоры... Огурцы... Иногда яблоки, – придумала я, растерявшись, так как раньше не думала, что кто-то спросит еще и об этом.

– Жить на одних помидорах и яблоках... Так и сдохнуть можно! – воскликнула Мэри. – А я-то удивилась, увидев, что наш холодильник пуст!

– Я привыкла, – скромно ответила на это я.

Тетя Мэл завершила свою работу.

– Вот и все. Форму сошью к пятнице. Сколько экземпляров?

– Два... Или три. Да, три и еще три мантии, – сказала я, надевая тунику и жакет.

– Я сошью все в разных фасонах. Какой материал?

– Обычный, как у всех. Буду премного вам благодарна, – улыбнулась я.

Мы попрощались с тетей Мэл и пошли домой. По дороге Мэри предложила зайти в супермаркет и купить продуктов, а я даже немного испугалась, потому что никогда раньше не была в таких магазинах – у меня просто не было нужды там бывать, поэтому я вежливо отказалась.

– Тогда, давай сходим в парк и покатаемся на роликах, – предложила Мэри, опять схватив меня под руку.

– Боюсь, я не умею на них кататься, – честно призналась я.

– Я тебя научу. Это совсем нетрудно: главное – сохранять равновесие. Кстати, насчет велосипеда: можешь пользоваться им, когда вздумаешь, я все равно буду ходить на работу пешком.

– Отлично, буду знать. А где ты работаешь? – поинтересовалась я.

– В приюте для бездомных детей, – ответила она. – Конечно, платить будут немного, но это не важно: мне всегда было очень жаль этих бедных, никому ненужных детишек, потому что... Если бы не Смиты, я была бы одной из них. – Мэри грустно улыбнулась.

– Почему ты так говоришь? – удивилась я, однако понимая, о чем она.

С первой же нашей встречи с Мэри, когда она чуть не ударила меня дверью, я не увидела в ней ни одной общей с Гарри черты – они были абсолютно разными, но тогда я совсем не задумывалась о том, что она может быть неродной его сестрой.

– Они меня удочерили, когда мне было два года, из этого самого приюта. Конечно, они скрывают это от меня и относятся ко мне как к родной, и я никогда не чувствовала разницы в их отношении ко мне и к Гарри. Они любят нас одинаково. Я знаю, что Смиты неродные мои родители, но для меня это не имеет никакого значения: они взяли меня к себе, воспитали, вырастили и никогда не делали различий между мной и их родным сыном.

– Как ты узнала? – тихо спросила я, проникнувшись ее словами и грустью.

Мне казалось, что все это было похоже на какой-то голливудский фильм, но Мэри – живая, настоящая Мэри, шла со мной и держала меня под руку. Мне было жаль эту девушку, а после ее слов об искренней родительской любви и заботе Смитов, я испытала к ним огромное уважение, ведь не каждая семья согласится взять чужого ребенка в свой дом и посвятить ему жизнь.

«Они – замечательные люди! Мэри попала в очень хорошую семью. Но это так ужасно: родные родители отказались от нее, бросили ее... Как это бесчеловечно и низко! Как мне повезло родиться в моей семье! Как сильно моя семья любит меня!» – невольно пронеслось в моем разуме.

– Я была трудным подростком, а когда мне было пятнадцать – особенно: хамила, грубила, покуривала, прогуливала школу, сделала этот дурацкий пирсинг, потому что думала, что это круто. Как-то раз, когда никого не было дома, я залезла в мамины документы: она специально прячет их от меня, но однажды я подглянула, куда она их прячет, и, когда все ушли, достала их. И тогда я узнала о том, что я – не их родная дочь, а они – не мои родные родители, и что Гарри – не мой брат... Знаешь, я ничего не почувствовала: ни горечи, ни разочарования. Это была какая-то пустота. Я не могла свыкнуться с этой новой правдой, а потом мне стало так обидно за свою судьбу! Но я положила документы обратно и ничего не сказала родителям. Помню, закрылась в туалете и плакала весь день. И когда я там сидела, то поняла, что не могу и не должна обижаться на Смитов. Я думала, как мне повезло, что они меня удочерили! Какое право я имею на них злиться? – Мэри сильно сжала мою руку, видимо, разволновавшись от собственного рассказа. – С тех пор я испытываю к ним безграничную благодарность и не перестаю любить их. Даже наоборот. Ради них я перестала прогуливать, курить, грубить, в общем, стала примерной девочкой и получила в школе довольно хороший аттестат. Кстати, и в колледж я не поступила специально. Я нарочно не сняла сережку из носа, чтобы мне отказали. Просто не хочу, чтобы они платили за меня такие большие деньги. Я специально это сделала, чтобы иметь возможность работать.

В моей душе появилась сильная симпатия к этой девушке с такой трудной судьбой, но благородной душой.

– Поэтому я попросила место в этом приюте... Не подумай, что я рассказываю все это, чтобы разжалобить тебя! Я не буду долго тебе надоедать и, как только получу зарплату, съеду на квартиру.

– Что ты, Мэри! Живи, сколько тебе угодно! – поторопилась сказать я, не желая, чтобы такая благородная девушка испытывала такие неудобства. Теперь я всей душой хотела, чтобы она жила со мной. – Ты абсолютно мне не мешаешь!

– Правда? – с надеждой в голосе спросила Мэри. – Понимаешь, у меня реально нет денег.

– Конечно, ты ведь сама сказала: нам будет весело жить вместе! – улыбнулась я. – Как здорово, что ты приехала!

– Это так любезно с твоей стороны! Спасибо, Марша! Мы станем хорошими подругами! – Она крепко обняла меня.

Я почувствовала себя неловко, но, чтобы не сконфузить Мэри, обняла ее в ответ, стараясь не сдавливать слишком сильно. Это было новое, странное чувство: я обнималась с человеком. Разве это правильно? Зачем я это делаю? Мне нельзя дружить с людьми, а она сказала: станем подругами!

Что скажет моя семья, если узнает? А Маришка? Меня просто-напросто заберут домой!

«Но ведь им необязательно знать. Думаю, одна подруга-человек не навредит мне. Тем более, она хорошая добрая девушка, и, может, живя с ней, я быстрее вольюсь в человеческий мир, быт и окружение. Мэри поможет мне стать человеком в глазах общества. И, да, это будет весело» – твердо решила я.

«А ты покажешь мне этот приют?» – хотела спросить я, но потом передумала: мне не хотелось видеть бездомных детей.

– Только, пожалуйста, не называй меня Маршей, – вместо этого попросила я. – Меня зовут Миша. Ми-ша.

– Извини, я опять назвала тебя Маршей? – Мэри наморщила нос. – Обещаю, это был последний раз.

Я улыбнулась.

– Миша, ты такая хорошая! – вдруг тихо сказала Мэри, глядя мне в глаза. – Я даже не ожидала, что ты, такая красивая, будешь еще и такой доброй!

«Это она обо мне? Я – хорошая? Забавно. Если бы она только знала о том, что вместо огурцов и помидоров я питаюсь человеческой кровью... Ой, и мне должны привезти ее сегодня! Нужно срочно бежать домой!» – с умилением подумала я.

– Но ты меня совсем не знаешь! – удивилась я.

– Да, мы познакомились только сегодня, но я чувствую, что ты хорошая. Поверь, я разбираюсь в людях, – серьезным тоном ответила на это Мэри.

«Ох, Мэри, как ты ошибаешься на этот раз!» – подумала я, но не стала возражать против ее убеждения.

– Сегодня мне должны прислать посылку, так что, думаю, нужно срочно идти домой, – поспешно сказала я.

– Тогда вперед! Ускорим шаг!

Мы быстро зашагали на Коули-роуд, дошли до поворота на нашу аллею, и вдруг Мэри остановилась.

– Знаешь, что? Ты иди домой, а я схожу в приют, поговорю с преподобным Чарльзом. Мне нужно узнать, когда выходить на работу, – сказала она. – А насчет продуктов не переживай: я зайду в супермаркет на обратном пути. Так что тебе купить?

Я задумалась: человеческая еда мне была абсолютно не нужна, но необходимо было чем-то питаться в глазах Мэри.

– Не хочу беспокоить тебя своими проблемами. Я сама все куплю, – ответила я, чтобы отбить у нее желание следить за моим питанием.

То обстоятельство, что из-за Мэри мне придется возиться с ненужной мне человеческой едой, немного раздражало меня, но я была готова потерпеть это неудобство.

«Как вовремя она уходит: ей незачем видеть мою «гуманитарную помощь!» – с облегчением подумала я.

– Ну, как хочешь, если что, супермаркет на той стороне – ты его точно не пропустишь. Ну, я пошла! Встретимся дома! – Мэри стала уходить.

– Я перенесу свои вещи из твоей комнаты! – крикнула я ей вдогонку.

– У тебя клеваая одежда! – крикнула она мне в ответ.

Эта фраза заставила меня нахмуриться: она пересматривала мои вещи, лежащие в шкафу ее спальни? Это весьма неприятно...

Я направилась домой.

К полудню Коули-роуд превратился в настоящий поток энергии повседневной жизни: по обеим сторонам улицы пестрели витрины магазинов, пабов, кафе, и я с интересом рассматривала всю эту новую информационную картину.

Оксфорд понравился мне с первого взгляда: такой уютный, с теплой атмосферой городок, и с безумно красивой готической архитектурой, наплывающей со всех сторон. Она была так многочисленна и разнообразна, что для того, чтобы осмотреть все ее богатство, потребовалось бы не менее трех месяцев ежедневного созерцания.

Солнце стояло высоко в небе, и асфальт тускло блестел под его, наверно, теплыми лучами: люди вокруг были одеты почти так же тепло, как и я, а значит, с обликом я не прогадала.

А сколько было вокруг молодых лиц! Девушки, парни, наверно, тоже студенты, шли по тротуару, сидели в кафе, болтали, мимо проносились велосипедисты... И все они смотрели на меня. Я чувствовала на себе их взгляды. И всему виной была моя яркая вампирская красота: я была высокой, худенькой (а не худой, как говорила Мэри), у меня прекрасная бледная чистая кожа, красивые ногти, длинные, волнистые, спускающиеся ниже пояса золотистые волосы, большие серо-голубые глаза...

Когда я жила дома, то не задумывалась о том, что в человеческом обществе буду очень красивой. Я никогда не ценила свою внешность, и теперь это всеобщее восхищение этой самой внешностью вызывало у меня лишь одно желание – как можно скорее прийти домой, чтобы люди перестали на меня пялиться. Это было безумно тягостное чувство.

«Как мои сестры это терпят? Это так противно – вызывать всеобщее внимание!» – недовольно подумала я, опустила взгляд на дорогу, ускорила шаг и постаралась подавлять мысли о том, что стала выставочной собачкой дорогой породы.

«Кто эта девушка? Я ее раньше здесь не видел» – вдруг услышала я, когда проходила мимо двух молодых людей. – «Наверно, студентка. Интересно, где она живет?» – ответил другой голос. – «Меня больше интересует, как она сюда поступила. Вряд ли своими мозгами» – ответил ему первый.

Услышав это обидное для меня и моего интеллекта предположение, я была сильно оскорблена этими людишками.

«Надо же, они думают, что если я – красивая, то, значит, не настолько умна, чтобы самостоятельно поступить в Оксфорд? Неужели все люди вокруг такого же мнения?» – с отчаянием подумала я.

Мое прекрасное настроение было подавлено: я шла к дому и думала только о плохом. Мое негодование не проходило: мне было обидно за те долгие многочисленные часы, проведенные мною за учебой на дому. А самообразование? Я так старательно занималась им, просиживая за ноутбуком целые дни!

«Люди – ужасные, глупые и узколобые! Будь моя воля, я бы убивала таких, как те парни, в первую очередь! – думала я. – Нужно будет спросить у Мэри о том, что происходит с этими людишками! Почему, черт побери, меня считают дурой?»

И тут я поняла, почему раньше не заметила этого всеобщего внимания к своей персоне – Мэри занимала мои мысли, отвлекала меня, а когда она ушла, мое сознание переключилось на окружающий мир.

«Мой вампирский слух – настоящий враг! Ну, почему я слышу все, что происходит вокруг? Это просто невыносимо!» – нахмурилась я.

Наконец, я стала подходить к дому, и мое внимание привлек мужчина в странной форме, стучащийся в двери моего дома.

«Должно быть, это почтальон! А вот и моя посылка!» – догадалась я и, ускорив шаг, подошла к почтальону.

– Добрый день. Вы ко мне? – вежливо спросила я его.

– Наверное, к вам. Вы – мисс Миша Мрочек? – с улыбкой спросил он.

– Совершенно верно. Вам нужны подтвердительные документы? – Я поднялась по лестнице и открыла дверь.

– Я бы и так отдал вам посылку, но правила есть правила, – сказал мужчина, добродушно улыбаясь.

– Тогда вам придется подождать, пока я найду паспорт.

Я зашла в дом, не пригласив почтальона войти, и нашла паспорт. Почтальон просмотрел документ, убедился в том, что я его не обманываю, отдал мне паспорт и спустился к своему фургону за посылкой.

Когда он зашел в прихожую с большой коробкой в руках, я не смогла сдержать улыбку: как это забавно! Человек помогает мне с доставкой крови своих же сородичей!

– Куда поставить? – спросил он, с покрасневшим лицом: должно быть, коробка была очень тяжелой.

– Можно прямо здесь, – ответила я, пожалев его.

– Она очень тяжелая... Не уверен, что такая хрупкая девушка сможет поднять ее и перенести в другое место. – Он все не отпускал коробку.

– Ставьте здесь, я живу не одна, – настойчиво сказала я, чтобы этот галантный мужчина не вздумал стоять так и дальше.

Почтальон со стуком поставил коробку на пол, дал мне подписать документы, пожелал приятного дня и вышел. Я закрыла за ним дверь, подождала, пока его машина уедет от моего дома, и только тогда открыла коробку. В коробке лежал стальной прямоугольный контейнер с интерактивной панелью, а рядом с ним – записка от мамы с кодом от замка. Я ввела цифры и открыла крышку: внутри контейнера, в густой массе колотого льда, лежала моя «гуманитарная помощь» в виде двухлитровых пакетов из-под томатного сока. Я пересчитала их: всего восемь пакетов, значит, на ближайшее время у меня было шестнадцать литров крови. Закрыв крышку, я перенесла контейнер на кухню, разложила пакеты с «соком» в холодильнике и поставила температуру в нем на четыре градуса по Цельсию.

«А как быть с Мэри? Вдруг она решит попробовать этот «сок»? Что ей сказать? Вот это дилемма! Надо что-нибудь придумать, пока она не вернулась!» – задумалась я.

Ведь это так естественно: Мэри может увидеть пакеты на которых нарисованы толсто-щекие красные помидоры, с польской надписью «Sok pomidorowy», решит попробовать его, откроет один из пакетов, станет наливать сок в стакан, а вместо него польется...

Что же придумать?

Я постучала ногтями по холодильнику, придумывая что-нибудь правдоподобное: нельзя было допустить, чтобы Мэри увидела эту кровь и узнала о том, что я пью ее. В конце концов, после долгих размышлений я решила, что просто любезно попрошу ее не открывать мои пакеты с «соком» – она ведь порядочная девушка и не будет совать свой нос куда не следует.

А пока Мэри отсутствовала, я решила перенести свою одежду из ее шкафа в свою комнату, но это не заняло у меня много времени, поэтому мне пришлось около часа просидеть у окна, дожидаясь прихода соседки и слушая, что происходит вокруг: все эти разговоры на английском вызывали у меня приятное чувство чего-то нового, необычного.

Наконец, я увидела Мэри, торопливо идущую к нашему дому, и с облегчением вздохнула: очень скучно кого-то ждать.

Дверь открылась, послышалась возня в прихожей, и затем в гостиную зашла Мэри с большими пакетами в руках.

– Я дома! Зашла в супермаркет, спросила, была ли ты, но мне ответили, что нет, – сказала она, ставя пакеты на пол. – Я все купила!

– Ой, кажется, я действительно забыла туда зайти! – Я притворилась сконфуженной, но была безгранично удивлена энтузиазмом Мэри: она сама купила продукты! Как неловко получилось! Ведь я совершенно не собиралась ничего покупать!

– Я так и думала, поэтому сама все купила. Не переживай, тебе тоже: помидоры, огурцы и яблоки, только за это тебе нужно отдать мне деньги.

– Спасибо за заботу, Мэри! – воскликнула я, а в душе недовольно вздохнула.

Я достала из кошелька сто фунтов стерлингов и положила их на стол.

– У меня не будет сдачи, – удивилась Мэри.

– Сдачи? – переспросила я.

– Ну да, здесь намного больше, чем ты мне должна.

– А сколько я тебе должна?

Она улыбнулась.

– Девять фунтов! – Мэри весело рассмеялась. – А я совсем забыла о том, что ты приехала из Польши! Неужели там все так дорого?

– Да, очень дорого, – поддакнула я, хотя понятия не имела, правда ли это.

Я никогда не покупала продукты и не знала даже примерную их стоимость. Да и с бумажными деньгами почти не имела дела, а просто переводила деньги на банковские счета.

– Отдашь, когда разменяешь. – Мэри схватила пакеты и направилась на кухню.

Я пошла за ней.

– А что за пустая коробка в прихожей? – спросила она, вынимая из пакета продукты и складывая их на стол.

– Я как раз хотела сказать тебе о ней: это родители прислали мне посылку с очень важным для меня лекарством, – сказала я, помогая ей вынимать продукты.

– С лекарством? – Мэри на секунду застыла с булкой багета в руках. – Ты чем-то болеешь?

– Да, я же говорила, что у меня аллергия почти на все продукты. Поэтому я пью специальное лекарство, и оно очень противное.

– Как мне тебя жаль! Меня в детстве поили касторкой, и это было отвратительно!

Я подошла к холодильнику и открыла дверцу.

– Вот видишь, в этих пакетах – мое лекарство, – объяснила я Мэри.

– А почему они похожи на упаковки томатного сока? – удивилась она.

Она подошла к холодильнику и взяла в руки один из пакетов.

«Какое зрелище! Мэри вертит этот пакет в руках и даже не представляет, что в нем – человеческая кровь и что ее соседка – вампир!» – усмехнулась я.

– Я попросила, чтобы мне его так присылали. Это простая психология: я пью лекарство из этого пакета, и мне становится не так уж противно, – серьезным тоном соврала я.

– Правда? А я и не знала, что так можно. – Мэри положила пакет в холодильник и вернулась к продуктам из магазина.

– Да, проверено мной с шести лет, – вздохнула я.

– Это очень печально, когда на Рождество не можешь есть праздничное угощение, – задумчиво сказала девушка. – Наверно, тебе очень обидно смотреть на то, как все едят вкусности, а тебе самой нельзя к ним притрагиваться?

– Сначала было обидно, но со временем привыкаешь ко всему, – отчаянно лгала я. – Мэри, могу я тебя кое о чем попросить?

– Конечно, о чем? – Она посмотрела на меня.

– Не открывай эти пакты даже из любопытства. Никогда, – с улыбкой сказала я.

Лицо Мэри вытянулось: конечно, я так «вежливо» попросила ее об этом!

– Хорошо, как скажешь, – сказала Мэри и пожала плечами.

– Прощу тебя, не обижайся, просто я очень щепетильна в таких вещах, – поспешила оправдаться я.

– Я? Обижаюсь? Ни капельки! – фыркнула она. – У меня тоже есть маленькие бзики. Например, я мою голову только одним шампунем, а когда его нет, я вообще не мою голову, пока не куплю его.

– Ничего себе! Ну, ты даешь! – воскликнула я, из вежливости удивляясь ее «бзику».

– Да, или другой бзик: иногда у меня бывает бессонница, и мне становится страшно быть в комнате одной, и тогда я бужу кого-нибудь. Так что будь к этому готова.

– О, ну это всегда пожалуйста: у меня тоже часто бывает бессонница – Я даже обрадовалась ее словам.

Мы стали раскладывать продукты, но все это время я чувствовала себя неловко. Однако Мэри и не думала обижаться: она стала рассказывать о том, какие фокусы выделявала в школе.

– А теперь что-нибудь приготовим! – Мэри открыла кран, помыла руки и достала из холодильника кусок мяса.

Представив, какие запахи будут стоять в доме, я поспешила ретироваться, сославшись на срочный поход в магазин за тетрадами и ручками для учебы. Я схватила кошелек, быстро надела кеды и пиджак, и вылетела из дома, даже не спросив у Мэри, где могу найти такой магазин. Но нашелся он быстро: на нашей улице оказался большой книжный магазин. Я взяла там несколько блокнотов, две записные книжки, восемь ручек разного цвета, чтобы писать ими названия тем и разделов, несколько простых карандашей, линейку, точилку, ластик, и понесла все это на кассу. Кассиром оказался приятный молодой человек, приветливо мне улыбнувшийся.

Я положила вещи на кассу и попросила дать мне пакет.

– Вы, наверно, только поступили? В Оксфорд? – вдруг спросил кассир, окинув взглядом то, что я принесла.

– Да, – коротко ответила я, не глядя на него: мне не хотелось с ним разговаривать.

– В какой колледж? – опять спросил он.

– Святого Иоанна, – нехотя ответила я, все же взглянув на него, но совсем не понимая, зачем он спросил меня об этом.

– Я тоже там учусь. На втором курсе. Отличный колледж! – сказал он, складывая мои вещи в пакет и улыбаясь мне.

– Здорово. – Я открыла кошелек. – Сколько с меня?

– Двенадцать фунтов, – ответил парень.

Я протянула ему злосчастные сто фунтов, которые не приняла Мэри. Парень отсчитал сдачу и отдал ее мне вместе с пакетом.

– Знаешь, что... – Он запнулся. – Если тебе что-то понадобится или будет непонятно, то спрашивай меня: первокурсникам всегда приходится достаточно тяжело – проверено на собственной шкуре.

– Спасибо, буду знать. – Я взяла пакеты и быстро вышла из магазина, чтобы избежать дальнейшего бессмысленного разговора с этим нагловатым продавцом.

В этот момент я вспомнила о том, как окружающие реагируют на мою внешность. Внешность, черт побери! Как будто я – красивая обертка! Красивая кукла с пустотой вместо мозга! Я даже была готова терпеть жуткие запахи еды Мэри, лишь бы не сталкиваться с вниманием окружающих людей.

Я вернулась домой, сняла кеды и пиджак, положила пакет с канцелярскими принадлежностями на кровать в своей комнате и зашла на кухню, чтобы задать Мэри терзающий меня вопрос.

– Мэри, как ты думаешь, я – дура? – без обиняков спросила я, едва зашла на кухню.

– Ого, какой вопрос! Нет, не думаю, что ты – дура. Наоборот, я считаю, что ты – очень умная девушка, раз поступила в Оксфорд, – ответила мне Мэри и провела тыльной стороной ладони по своему лицу, оставив на нем следы от муки.

– Тогда почему все вокруг считают иначе? – с обидой спросила я.

– Кто именно?

– Не знаю... Я не могу утверждать... Просто сегодня я слышала разговор двух парней, и они решили, что я поступила в Оксфорд не потому, что я – умная.

– Поменьше слушай всяких дураков. Мало ли идиотов на свете? – Мэри открыла крышку сковородки и посмотрела на мясо. – Открою тебе один большой, но банальный секрет: в нашем городе есть много неудачников, которые не смогли поступить ни в один колледж, тем более, в Оксфордский, поэтому злятся и вымещают обиду на всех вокруг, особенно на красивых девушках, ведь их обидеть – легче всего. По их мнению, все девушки с кем-то переспали, чтобы поступить сюда.

– Так все дело в моей внешности? – Я расстроилась от этой мысли.

– Именно так: ты очень красивая и производишь на людей просто ошеломляющее впечатление... Ой, кажется, мясо подгорает! – Мэри стала переворачивать кусок мяса на другую сторону. – Даже Гарри сказал, что ты безумно красивая, а ведь он очень объективно относится к женской красоте... Он сказал, что, если бы ты была не такой худой, то он бы в тебя влюбился.

– Не стоит об этом, – попросила я, чувствуя неловкость и какой-то необъяснимый стыд: мне было стыдно слышать о том, что подумал обо мне брат Мэри. Мне было даже неприятно оттого, что Гарри так отозвался обо мне да еще и худой обозвал.

– Просто не обращай внимания. Люди скоро привыкнут к тебе и перестанут восхищаться, а когда ты начнешь учиться, твои сокурсники поймут, что ты еще и очень умная, – посоветовала мне Мэри.

– Что-то сомневаюсь в том, что я умная, – отозвалась я. – Мне кажется, что все они просто гении по сравнению со мной! Ты не представляешь как, мне неприятно оттого, что все глазят на меня, как на манекен в витрине! Я самый обычный человек!

– Терпи! – бросила на это Мэри.

– Со мной только что флиртовал парень из книжного магазина, – усмехнулась я, вспомнив об этом.

– Парень? Высокий? Светленький? – спросила Мэри. Ее глаза загорелись.

– Да, кажется. А ты что, его знаешь? – удивилась я.

– Как не знать? Это Эндрю: я встречалась с ним этим летом.

– И он флиртовал со мной! – Я поморщилась. – Господи, как это противно! Фу!

– Зря ты так: он очень хороший парень. – Мэри открыла кран и стала мыть руки. – Мы с ним расстались очень хорошо, друзьями. Просто поняли, что не подходим друг другу.

– Все равно, мне очень неприятно, – нахмурилась я.

– Но ведь Эндрю не знает о том, что мы – подруги, а когда узнает, ему станет неловко, и он будет долго извиняться, вот увидишь. Мясо готово! Буду накрывать на стол. Составишь мне компанию?

– Хорошо, только переоденусь и вернусь, – ответила я и пошла в свою комнату.

Сев на кровать, я подумала: каким насыщенным стал второй день моего пребывания здесь! Я уже второй день жила вдали от дома и своей вампирской среды. Второй день в мире людей.

Переодевшись в старенькие джинсы и футболку, я вернулась на кухню.

– Я приготовила тебе салат: там только помидоры и огурцы, – сказала Мэри, садясь за стол.

Я посмотрела на стол, стоящий у окна: на нем были разложены тарелки, вилки, большой чайник, две кружки... И глубокая тарелка с салатом.

– Мэри, не стоило! – Мне стало жутко неловко, а потом я испугалась, что мне придется есть эту гадость.

– Мне нетрудно! – отозвалась Мэри, разрезая на кусочки жареное мясо в своей тарелке. «Она так хочет мне угодить! Это так трогательно!» – пронеслось у меня в голове

– Спасибо, что позаботилась обо мне, но я могу есть только свежие овощи, – нашла я, увидев, что салат был полит подсолнечным маслом.

– Как жаль! Черт, не нужно было спешить! – с досадой сказала Мэри. – Но я сейчас достану свежие...

– Нет, не надо! Я не голодна! – торопливо воскликнула я.

Она удивленно подняла брови и села обратно на стул, с которого уже успела подняться.

– Ты ужасно странная! – сказала моя соседка. – Но не буду настаивать.

– Спасибо. – Я села напротив нее.

Пока Мэри ела свой обед, я сидела на стуле, положив руки на стол, и смотрела в окно. Это было непередаваемое ощущение – сидеть рядом с человеком, который ел жареное мясо и картофель, запивая все это чаем. А ведь это будет частенько.

– Когда у тебя начинается учеба? – спросила Мэри.

– С понедельника, – ответила я. – И я немного волнуюсь.

– Ну, естественно! А у тебя есть там кто-то из знакомых?

– Нет, совсем никого. Но это не проблема.

Мэри отпила глоток чая.

– Наверно, это так классно: новые люди, новые знакомства! Ты будешь заниматься в каком-нибудь кружке по интересам?

– Еще не знаю, – призналась я. – Мне сейчас нужно...

Вдруг послышался настойчивый громкий стук в дверь.

– Кто это? Ты кого-то ждешь? – спросила меня Мэри.

– Я никого здесь не знаю, кроме тебя! – ответила я, тоже удивившись неожиданному гостю, и прислушалась: кто-то переступал с ноги на ноги, стуча каблуками о ступеньки.

Глава 4

– Я открою, а ты кушай, – сказала я, поднимаясь со стула.

– Спасибо, – отозвалась Мэри.

Открыв дверь и увидев гостя, я очень удивилась – это был Гарри Смит.

– Добрый день, мисс Мрочек, – любезно сказал он.

– Добрый день, – ответила я. – По-моему, вчера ты называл меня не так официально. Зачем пожаловал?

– Я приехал из-за Мэри. Приношу искренние извинения от всей нашей семьи за причиненные неудобства, – ответил он.

– Какие неудобства? – не поняла я.

– Приезд Мэри: она не должна была приезжать и мешать тебе, ведь ты арендуешь... – начал Гарри.

– Это пустое! Мэри не причинила мне никаких неудобств! – перебила его я. – Мне даже приятно, что мы будем жить вместе. Ваша сестра – удивительная девушка.

– А я думал, что ты очень недовольна из-за ее приезда. Тогда следует снизить для тебя цену за аренду дома.

– Нет, что ты! Не стоит! Мэри не тяготит меня, и снижать цену не нужно, – торопливо сказала я, подумав, что Мария очень удивится, увидев, что ей возвратили некоторую сумму денег за аренду, и станет расследовать почему.

– Но...

– Это мое последнее слово. Но почему мы стоим на пороге? Проходи, мы как раз обедаем. Я зашла в дом, Гарри зашел тоже, снял с себя серый пиджак и блестящие черные ботинки, и прошел в кухню.

– Братишка! А что ты здесь делаешь? – радостно воскликнула Мэри: она мыла посуду. – Я бы обняла тебя, но у меня руки мокрые!

– Привет, Мэри, я приехал узнать, как ты здесь оказалась, – сказал Гарри, сев на стул.

– Будешь чай? Миша сейчас сделает тебе.

«Я? Сделаю ему чай?!» – Мои глаза широко распахнулись от этого заявления.

– Нет, Миша не нужно: я ненадолго, – сказал мне Гарри.

Фух! Я, конечно, хотела приобщиться к человеческой жизни, но делать людям чай точно не собиралась!

Меня охватило огромное желание покинуть их, чтобы они поговорили наедине. К тому же я чувствовала себя лишней – это была их человеческая семья и их человеческие отношения, и все это меня не касалось.

Тихонько выйдя из кухни, я спряталась в своей спальне. Теперь мне казалось, что жить с Мэри в одном доме было не лучшей затеей, и что я поторопилась с этим решением. Мэри было слишком много. Слишком.

Через минут десять Гарри уехал.

Мэри постучала в мою дверь.

– Миша, можно? – спросила она.

– Да, заходи, – ответила я.

Мэри вошла и села рядом со мной на кровать.

– Почему ты ушла? – поинтересовалась она.

– Вещи разбирала. – Я кивнула на пустой пакет.

– Ты не разозлилась, что Гарри приехал?

– Нет. О чем вы разговаривали?

– Он сказал, что я поступила очень некрасиво, приехав, не предупредив об этом ни семью, ни тебя.

– Как же он узнал?

– Тетя Мэл ему позвонила.... Ты что, подкрашиваешь брови? – вдруг спросила Мэри, пристально глядя в мое лицо.

– Да. Увы, их почти не видно, – с улыбкой ответила я.

– Неправда, все видно! Это глупо – подкрашивать брови!

– Ну, у тебя-то их точно видно! – со смехом заметила я. – Ты же брюнетка!

– Слушай, я сейчас иду на встречу со старыми друзьями. Не хочешь пойти со мной? Я вас познакомлю! – предложила Мэри.

Я испугалась ее предложения: никаких новых знакомств! Хватит с меня людей!

– Нет, спасибо, я лучше схожу на почту: жду письмо от мамы, – ловко отговорила я.

– Ну, как хочешь! Пойду собираться! – Мэри вышла, и я услышала, как она стала рыться в своем шкафу и напевать какую-то детскую песенку.

Я быстро надела кеды, схватила пиджак, взяла паспорт, кошелек и ключи от дома, положила все это в сумочку и вышла из дома. Немного поразмыслив, я села на синий велосипед, решив опробовать его, и поехала по ровной аллее, озираясь по сторонам, чтобы не пропустить почтовое отделение.

Благодаря советам прохожих, я успешно добралась до почты, где меня ждало заказное письмо от мамы. Но, выйдя из здания, я обнаружила, что велосипед, заботливо прислоненный мною к фонарю, бесследно исчез. Я была обескуражена: вот это да! Неужели у меня украли велосипед?

Я осматривалась по сторонам, надеясь увидеть свой велосипед, но он пропал, и мне оставалось только стоять у почтового отделения и удивляться. С одной стороны, это было даже смешно: у меня украли велосипед! Как это по-человечески!

«Но ведь это не мой велосипед, а Мэри! Что делать?» – Эта мысль вызвала во мне досаду: я здесь всего второй день, а у меня уже угнали велосипед! – Что в таких случаях делают люди? Идут в полицию!» – сказала я себе.

Благодаря все тем же любезным прохожим, я нашла полицейское отделение. Полисмены очень хорошо ко мне отнеслись и даже предложили довезти меня до дома, так как он находился достаточно далеко от участка, но я отказалась в пользу обычного автобуса.

Я была очень довольна собой, ведь вела себя разумно, осторожно, совсем как настоящая юная леди, и даже побывала в полицейском участке.

Дома я обнаружила, что Мэри ушла.

«Нужно было взять номер ее телефона. И почему я не подумала об этом раньше?» – с досадой подумала я.

Моя соседка вернулась около десяти часов вечера – веселая и покрасневшая. Она думала, что я уже сплю, поэтому постаралась не шуметь в прихожей, и тихо пошла в свою комнату. По пути Мэри на что-то наткнулась и выругалась себе под нос незнакомым мне словом.

Я зашла к ней.

– Ой, я разбудила тебя? – нахмурилась Мэри, снимая с себя теплую серую кофту.

– Нет, я не спала. Ну, как провела время?

– Отлично! В следующий раз тебе обязательно нужно пойти со мной! Я сняла пирсинг, видишь?

Я взглянула на ее нос: действительно, сережка с него исчезла, зато осталась небольшая, но довольно отталкивающая дырочка. Мне стало неприятно, и я отвела взгляд.

– Мэри, я хотела сказать... Только не ругайся... У меня украли велосипед, – извиняющимся тоном сказала я.

Мэри хихикнула, чем сильно меня удивила: у нас украли велосипед, а она смеется!

– Это не страшно! У меня его раз шесть воровали, а все потому, что на нем нет замка! – весело сказала она. – Не расстраивайся! Завтра сходим в полицию и заявим об этом.

– Я уже заявила, – сказала я, чувствуя гордость за свой поступок.

– Тем более. Оксфорд – город велосипедов, и они пропадают часто, но их всегда находят. Ты ведь оставила им номер телефона?

– Да, и адрес тоже... А я-то думала: почему полисмен так улыбался! – рассмеялась я: когда я назвала ему свой адрес, он с улыбкой посмотрел на меня, – видимо, он уже не раз принимал заявление о краже именно этого велосипеда.

– Ты не против, если я займу ванную на пару часов? – спросила Мэри, вытаскивая из шкафа большое пушистое полотенце.

– Нет, конечно. Пойду спать. – Я поднялась на ноги. – Только дай мне номер твоего телефона, на всякий случай.

– Хорошо, записывай.

Мэри продиктовала мне свой номер, и я записала его на смартфон.

Мэри стала рыться в тумбочке.

– Черт, да где этот гель? Неужели я забыла его в Шотландии? Миша, одолжишь мне свой?

Я немного опешила, но принесла ей свой гель для душа.

«Нужно обязательно выпить крови сегодня ночью, когда Мэри уснет, ведь это – уже третий день» – подумала я, закрываясь в своей спальне.

Вдруг за дверью послышался голос Мэри:

– Миша, открой! Я включу тебе камин, а не то ты замерзнешь ночью: на улице ужасно холодно!

Я открыла дверь, Мэри вошла, включила камин, пожелала мне спокойной ночи и ушла. Через минуту послышался шум воды в ванной. Чтобы не слышать, как Мэри принимает водные процедуры, я засунула в уши наушники, открыла ноутбук, включила музыку и зашла в социальную сеть, чтобы пообщаться с кем-нибудь из своих. Онлайн была только Мария, и я с удовольствием наврала ей с три короба: что я живу одна, ни с кем не общаюсь, что меня считают стервой и заносчивой девчонкой, и что люди – нудные, и у меня нет ни малейшего желания с ними общаться. Я наврала, ведь не могла рассказать ей правду, чтобы она не примчалась и не увезла меня обратно под родительское крыло.

В четыре часа утра я отключила музыку и ноутбук, прислушалась и услышала ровное дыхание Мэри: она спала. И я, бесшумно, не включая свет, пошла на кухню, вытащила из холодильника один из пакетов с «соком», налила кровь в стакан и начала медленно, смакуя, пить ее, ощущая, как по телу разливается удовольствие, наполняя мой разум легким туманом. Я выпила все два литра крови, скомкала пустой пакет в маленький шар, выбросила его в мусорное ведро, тщательно помыла стакан, пошла в ванную комнату, почистила зубы и, ощущая в теле бешеный прилив энергии и приятное чувство сытости, наполнила ванну водой и лежала в ней несколько часов.

В шесть часов утра я собралась на пробежку, оделась, даже накинула теплую кофту, чтобы не выглядеть странно, и зашла к Мэри, ведь она сказала, что будет бегать со мной.

Мэри спала, вытянувшись почти поперек кровати и с заложенными за голову руками. Она тяжело дышала во сне. Я легонько потрясла ее за плечо.

– Мэри, просыпайся, – тихо сказала я, но она недовольно промычала и отвернулась от меня на другой бок. – Ты идешь бегать? – Я вновь потрясла ее, уже сильнее.

Мэри открыла глаза, повернулась ко мне и недовольным сонным взглядом взглянула на меня.

– А, это ты? Что случилось? – спросила она сиплым голосом.

– Я иду бегать. Ты со мной? – спросила я.

– Бегать? М-м-м... Который сейчас час?

– Шесть утра.

– Шесть? Еще так рано... Наверно, я не пойду с тобой сегодня. Завтра – обязательно. Не обижайся, ладно? – Она потерла пальцами свои закрытые глаза.

«Так я и знала! Одни только слова!» – с неприязнью к ней подумала я.

– Хорошо, спи! – недовольно сказала я.

– Спасибо. С меня завтрак, – пробормотала Мэри и перевернулась на другой бок.

И почему я поверила в то, что она будет со мной бегать? Нашла кому доверять! Человеку!

Я надела кеды, засунула в уши наушники, включила музыку и с удовольствием пробежала два часа, встретив рассеянное солнце. Когда я вернулась домой, Мэри еще спала.

В пятницу мы сходили к тете Мэл, забрали заказ, погуляли по городу, и Мэри показала мне мой колледж. Последние дни прошли так насыщенно, что я даже стала забывать о том, что нахожусь одна в чужом городе, среди людей, и стала чувствовать свободу, которая сначала давила на меня, а потом стала душить счастьем. Но это была не моя заслуга – Мэри во многом помогла мне адаптироваться к новому окружающему миру, а главное, живя и общаясь с ней, я понемногу начала понимать, как устроен человеческий организм, как живут, чего хотят люди, и как с ними общаться.

Мэри вела себя так просто и естественно, словно мы были знакомы уже сто лет, и сначала это удивило меня – я не привыкла к таким откровенным разговорам и рассказам о чей-либо чужой личной жизни, но потом сама стала рассказывать о себе, конечно, скрывая то, что я – вампир и что моя семья не должна была знать о нашем проживании с Мэри под одной крышей. Мэри как-то странно влияла на меня. В четверг вечером она уговорила меня посмотреть какую-то мелодраму с незатейливым сюжетом: парень и девушка постоянно видят друг друга, но никак не могут встретиться в большом городе. А в конце фильма выяснилось, что этот парень – призрак, а девушка – это та, что сбила его насмерть машиной и уехала с места преступления. Фильм так себе – я смотрела и лучше, но конец, все-таки, не оставил меня равнодушной: девушка, терзаемая мыслями и совестью за убийство того парня, в призрака которого уже успела влюбиться, покончила жизнь самоубийством, спрыгнув с крыши своего многоэтажного дома. И вот, она упала на асфальт, ее мозги разлились по дороге, и тут ее призрак встал на ноги, а перед ней – тот парень, которого она убила. Он подал ей руку, она приняла ее, и они вместе пошли прочь от ее мертвого тела, вокруг которого собралась куча народу. Ах да, призрак простил ее и тоже был в нее влюблен.

И вот, после просмотра этого фильма я сидела на кровати и думала: зачем? Я совсем не собиралась его смотреть! Но, как только Мэри сказала: «Давай посмотрим классный фильм!», я тут же ответила: «Давай!», а впрочем, мне было не жаль потраченного на просмотр времени: это был новый опыт – просмотр фильма с человеком, с подружкой. Ведь люди часто так делают: им почему-то постоянно нужно, чтобы с ними кто-то был во время просмотра.

Наш велосипед нашелся быстро: мне позвонили на следующий же день, как я подала заявление о краже, и оказалось, что велосипед был угнан местным шалопаем по имени Фрэнк, любящим угонять чужие средства передвижения, особенно – двухколесные. Кроме велосипеда, мы получили от полисменов «супер-надежный замок», чтобы кражи больше не повторилось, видимо, им надоело постоянно разыскивать наш велосипед.

Как ни банально, Мэри так и не стала бегать со мной по утрам: она просыпалась около восьми часов, быстро принимала душ, ела, одевалась, убегала на работу и возвращалась часов в шесть вечера. Но в эту пятницу ей дали выходной, и мы смогли совершить нашу экскурсию по Оксфорду и моему колледжу. Благодаря тому, что я прочла книгу об истории Оксфорда еще до приезда сюда, мне не потребовался повторный рассказ, который так и хотела поведать мне Мэри.

«Город задумчивых шпилей» – так называл Оксфорд в Англии какой-то певец Мэтью Арнольд в одной из своих песен. Изысканная архитектура и величественные постройки – все здесь хранит историю. От Мэри я впервые услышала информацию о том, что даже Адольф Гитлер во времена Второй мировой приказал не бомбардировать город, в то время, как Лондон постоянно подвергался воздушным атакам. Все потому, утверждала моя соседка, что именно этот город Гитлер хотел превратить в столицу Англии в случае ее завоевания.

Легенда гласит, что Оксфорд в Англии появился благодаря принцессе Фрайдсвайд. Прекрасная девушка мечтала стать монахиней, но преградой этому стал король, желавший жениться на ней. Чтобы избежать этого, она убежала в маленький поселок, а когда король поехал за ней, в дороге он потерял зрение и приобрел его лишь после того, как принцесса простила его преследование. За это он пообещал девушке свободу, и Фрайдсвайд основала монастырь, вокруг которого появились первые коллегиальные колледжи, а потом и город.

История Оксфорда начинается в девятом веке, когда король Альфред Великий приказал построить фортификации в нескольких английских поселках для обороны от завоевателей. Вскоре крепость, построенная саксами, превратилась в цветущий город, и залогом этому стало удачное его расположение между двумя реками, что благотворно повлияло на торговлю.

Город периодически подвергался нападениям датчан, а в одиннадцатом веке был полностью уничтожен в пожаре. После реконструкции городом завладели норманнские завоеватели,

которые построили здесь первый замок. В то время город был вторым в Англии по количеству населения сразу после Лондона.

В 1117 году был обоснован самый старый университет Англии, с целью дать священнослужителям более полное образование. Лишь при Генрихе Втором Оксфорд стал настоящим университетским городком. Его студенты получили много привилегий от правительства, что, конечно, вызвало недовольство местного населения. Между студентами и жителями постоянно возникали конфликты, и, чтобы решить ситуацию, руководство университета перенаправило студентов в Кембридж, что стало основанием второго по старине университета в англоязычном мире.

В эпоху Тюдоров экономика города вращалась вокруг учебного заведения: студенты стали основным источником дохода для местных мануфактур и промышленников. Вскоре Оксфорд превратился из маленького городка в большой богатый город.

Во времена Первой мировой войны количество студентов заметно уменьшилось, так как большинство из них было призвано к службе в армии. Сам же университет отдал часть своих помещений под военные госпитали. После войны город был быстро восстановлен и стал центром индустрии. Во Второй мировой войне разрушения обошли Оксфорд стороной, так как в городе не была развита тяжелая промышленность, и особого смысла тратить на него ресурсы у нацистской Германии не было.

Массовая трудовая миграция после войны превратила Оксфорд в мультикультурный город. Таким он остается и сегодня: число иностранных студентов со всего мира растет с каждым годом. Этот старый красивый город стал своеобразным центром интеллектуального потенциала с технологическими и научными базами, которые привлекают молодые умы, и все так же остается городом с большим научным потенциалом.

Самый большой и старинный университет города – Оксфордский, в который я и поступила: он насчитывает тридцать восемь колледжей, а также шесть общежитий – закрытых учебных заведений, принадлежащих религиозным орденам без статуса колледжа. Заведение делится на девять факультетов: английского языка и литературы; истории; лингвистики; филологии и фонетики; средневековых и современных языков; музыки; философии, теологии и религии; античных наук; восточных языков и культуры. В него входят и научные центры, где работают ученые и студенты. Каждый год более двадцати тысяч студентов со всего мира выбирают это учебное заведение своим «alma mater».

Архитектура города заслуживает целых томов описания, но, не буду остроумной, если скажу: «Здесь царствует готика!». Готика, ежегодно привлекающая миллионы туристов. Много колледжей Оксфордского университета тоже расположены в зданиях средневековой постройки. Например, мой – прекрасный старинный колледж Святого Иоанна, основанный в 1511 году леди Маргарет Бофорт – матерью короля Генриха Седьмого.

Таким образом, я стала частью этого прекрасного, одного из самых известных и старинных университетов в мире, и была несказанно счастлива от этой мысли.

В понедельник наступил первый учебный день. Меня охватывало невероятное волнение, а ночь воскресения я провела бестолково: до утра выбирала себе костюм и остановила выбор на белой рубашке с узкими рукавами, черной юбке, классического покроя, черных колготках, туфлях на удобном каблучке, и, конечно же, черной шелковой повязке на шею. Мантия, новенькая и аккуратно проглаженная, весила на спинке стула.

Утром я пробежалась, сократив время пробежки до часа, приняла душ, помыла голову, высушила волосы феном, надела костюм, убрала волосы в узел на затылке, надела туфли, осторожно сложила мантию в сумку, покрутилась перед зеркалом, надела осеннее коричневое пальто, вышла из дома, села на велосипед и поехала к колледжу. Я была так взволнована, что почти не слышала окружающего шума, хотя он постоянно преследовал меня, но в этот раз волнение заглушило вечный гул в моей голове.

Подъехав к стоянке, я прицепила велосипед к столбику и в нерешительности застыла на месте: что-то сдерживало меня, сковывало мои действия. Когда я терялась, то становилась очень нерешительной. Поэтому сейчас я молча глазела по сторонам, наблюдая за тем, как сотни студентов смело шагали к колледжу.

«Что за трусость!? Эти люди смелее меня?» – раздраженно подумала я, и эти мысли сдвинули меня с места.

Я зашла в колледж и, наблюдая за действиями других студентов, сдала в гардероб свое пальто и надела мантию. Но тут у меня сдали нервы, и я спряталась в угол, не зная, что дальше делать. Моя смелость угасла, оставив меня наедине с отвратительным чувством неловкости: все знали, что делать, кроме меня! Я забилась в угол, понимая, что веду себя как последняя дура, но боялась покинуть это убежище.

– Девушка из магазина! Это ты? – вдруг услышала я рядом с собой знакомый мужской голос.

Это был Эндрю – бывший парень Мэри.

– Привет, – растерянно отозвалась я.

– Привет! Ты почему здесь спряталась? – приветливо спросил он: на нем тоже была черная мантия.

– Наверно, это покажется тебе глупым и смешным, но я совсем потерялась! Не знаю, что делать и куда идти! – воскликнула я, обрадованная его появлением: как вовремя он подошел! Нет, не то... Как замечательно, что он подошел!

– Тогда позволь я отведу тебя, куда нужно: скоро первокурсники будут давать клятву, – сказал парень.

– Что бы я без тебя делала? – с искренней благодарностью сказала я. – Кстати, я – Миша.

– Миша, – повторил он. – А меня зовут Эндрю. Пойдем, нужно забрать твое пальто.

И точно: сейчас я увидела, что его мантия была надета поверх черного пальто.

Я забрала в гардеробе свое пальто, надела его, затем мантию, на голову – шапочку, и мы с Эндрю вышли во двор, на котором уже стояли сотни студентов. Парень провел меня к организованным стройным рядам первокурсников и ушел. Первокурсники, стоявшие рядом со мной, весело болтали, а я лишь сильно волновалась, совсем не понимая, что происходит и должно произойти.

– Привет, ты тоже только поступила? – вдруг спросила меня соседка слева – приятная улыбчивая девушка.

– Привет, да. И если честно, я безумно волнуюсь! – вырвалось у меня.

– О, я прекрасно тебя понимаю: сама такая же. Откуда ты? У тебя странный акцент.

– Из Польши, – ответила я и улыбнулась: мне было очень приятно оттого, что она заговорила со мной.

– Далеко отсюда... А я – из Шотландии. Меня зовут Элли.

– А меня Миша. Знаешь, я совсем растерялась.

Элли тихо рассмеялась.

– Я тоже. Мы можем... – Она не договорила, так как в это время на трибуну взошел пожилой седовласый мужчина в мантии (но не в такой, как у нас) и шапочке, и поприветствовал студентов. В ответ ему раздался гром рукоплесканий. Я машинально повторяла за студентами все их действия, но все равно чувствовала себя невообразимой тупицей.

– Давай дружить, Миша! Я здесь совсем никого не знаю! – шепнула мне Элли, когда наступила минутная пауза.

– С удовольствием, потому что я тоже ни с кем здесь не знакома! – ответила я ей.

– А тот парень, что тебя привел?

– Он просто помог мне, – объяснила я.

– Ага, понятно! Черт, я так волнуюсь! – Элли тихонько рассмеялась.

– Я тоже! – с улыбкой отозвалась на это я.

Вскоре я немного успокоилась и смогла сосредоточиться на происходящем: вокруг меня были сотни мантий и восторженных счастливых лиц, молодых и приветливых. Все улыбались.

«Вот, каковы люди, когда они счастливы! Но они отдадут этому месту часть своей молодости. Это грустно» – подумала я, наблюдая за студентами.

Не помню, что происходило дальше: мне запомнился какой-то нестройный порядок, выход на трибуну профессоров, которые что-то говорили, рукоплескания студентов... Хаос, непонимание и туман в голове. Потом первокурсники произнесли клятву. Много шума, хлопков, речей, улыбок, но я почти ничего не запомнила и была сильно разочарована.

«И это то, что я должна запомнить на всю жизнь – первый день в первом университете в моей жизни? Этот хаос? Разве я смогу потом тешить себя этими воспоминаниями, если почти ничего не поняла, а только волновалась и смотрела по сторонам? Какое разочарование!» – недовольно подумала я, когда все действия завершились, и можно было уезжать домой.

Но одно я запомнила точно: в тот октябрьский день было пасмурно, и иногда моросил мелкий противный дождь, но никто не обращал на него внимания – все были целиком увлечены происходящим. Все, кроме меня.

Мне было обидно и горько: не таким я представляла этот знаменательный и долгожданный день!

Когда все начали расходиться, мы с Элли пошли вдоль аллеи и разговорились. Оказалось, что девушка приехала из небольшого шотландского городка: выиграла какой-то грант, поступила в Оксфорд и поселилась в университетской квартире. Элли оказалась простой умной девушкой, и рядом с ней я чувствовала себя глупой, хотя, наверно, так оно и было. Мы обменялись номерами телефонов, договорились встретиться завтра перед занятиями, чтобы побродить по колледжу и поискать аудитории, попрощались и расстались.

Я пошла к своему велосипеду, сняла шапочку и мантию, положила их в сумку и стала отстегивать свой велосипед. Он был мокрым, но мне было плевать на это.

Мое настроение было жутким, и мне казалось, что еще одна мелочь, – и я устрою истерику. Буду кричать, рвать и метать.

Сев на велосипед, я медленно и осторожно, насколько мне позволяла моя раздраженность этим днем, поехала домой.

Самый обыкновенный английский серый день. Я мог бы спокойно остаться дома, так как никогда не ходил на подобные мероприятия, но пошел на него, потому что мне стало скучно в своем большом старинном каменном особняке на Эбингтон-роуд. Я купил его четыре года назад, когда только поступил сюда, и уже четвертый год как скучал здесь. Конечно, со своей неприхотливостью я мог бы снять квартиру или жилье попроще, но мне необходимо было быть как можно дальше от соседей – только так меня настигали комфорт и спокойствие. Благодаря тому, что мой дом находился в уединении, мне не приходилось постоянно слышать, что делают соседи, хотя блокировать посторонние шумы в своем сознании я давно умел.

Скука съедала меня заживо, и я уже сто раз проклял себя за то, что зачем-то поступил в магистратуру, а ведь не сделай я этой глупости, то был бы сейчас где-нибудь в Скандинавии: построил бы себе двухэтажный деревянный домик на берегу лесного озера, покрасил бы его в красный цвет, смастерил деревянную лодку, завел собаку и жил бы себе спокойно и уединенно. Питался бы в ближайшем городе или моими жертвами были бы браконьеры. Но вместо этого я почему-то вновь поступил в Оксфорд, в магистратуру. Зачем? Меня самого удивлял этот дурацкий поступок: очередной диплом был мне не нужен, и я не собирался становиться всемирно известной публичной персоной. Ну да, вампиру только и не хватало публичности, и

мозолить глаза смертным, которые не должны знать о нашем существовании. Миссия человечества проста – питать нас своей кровью.

Погода была прямо как на заказ, и я подумал, что, все-таки, нужно выбраться из своего прокуренного дома на свежий воздух.

Я выкурил сигарету, надел чертову форму, на шею – оксфордскую черную «петлю», черное, как у многих студентов, пальто, сверху – мантию магистра. Затем – перчатки и ботинки, хотя такой официальный стиль был мне противен. Захватив с собой шапочку, я закинул ее на сиденье машины и поехал к своему колледжу Церкви Христовой, где уже четвертый год возился с ненужным мне правом.

Вообще-то, Оксфорд – город велосипедистов, и большинство студентов приезжает к своим колледжам именно на этих двухколесных, очень удобных для таких узких улочек игрушках. Но я не мог позволить себе подобного, ведь был уже в том возрасте, когда солнце выдавало мой истинный возраст – недавно мне исполнилось сто восемьдесят восемь лет, и я уже сто пятьдесят лет жил в тени. Поэтому, в отличие от нормальных студентов, я приезжал в колледж на раритетном «Мустанге» 1975 года с тонированными стеклами.

Мой энтузиазм к учебе пропал еще на первом курсе. Тем более, я учился здесь уже в третий раз: скука смертная, но я намеренно мучил себя, чтобы не отставать от современной жизни – так делают большинство вампиров. Мне важно было оставаться в курсе развития права, науки, техники и искусства. Я всегда должен быть в курсе всего, что происходит в мире, хоть иногда отчаянно желал бросить все к чертовой матери и жить уединенно, вдали от цивилизации.

Я подъехал к колледжу, поставил машину на стоянку, надел оксфордскую шапочку и пошел на церемонию. Все произошло рутинно: приветствия профессоров и руководства, подбострастные лица студентов, которые, чуть что, поднимали шум аплодисментов, оглашение надежд канцлера на то, что мы будем достойны звания студента Оксфорда, такого старинного, консервативного и авторитетного университета, и так далее и так далее. Потом была церемония клятв, всеобщая радость, щебетание, крики: «А теперь в паб!». Все банально. Я пребывал в унынии, не разделяя со смертными их радость: конечно, поступить в Оксфорд, было для них счастьем, божьей благодатью, но для меня – рутиной и обязательством, в первую очередь, перед самим собой.

С тех пор, как мне исполнилось сто лет, я жил без присмотра семьи, один, считая, стыдным надоедать родителям, ведь свою задачу – вырастить меня и научить всему, они выполнили, так пусть живут в свое удовольствие.

Так как день не принес мне никаких новых эмоций, я сел в машину и поехал домой. Выезжая в центральную часть города, я оказался позади синего велосипеда и сидящей на нем девушки – она ехала прямо по проезжей части, а не по велосипедной дорожке.

«Что за дурочка?» – Я посигналил ей, чтобы она съехала на свою часть дороги, но девица и не подумала этого сделать.

Я вновь посигналил. Безрезультатно.

И я ехал со скоростью черепахи, поминутно вскипая от раздражения: за мной уже выстроился длинный ряд машин, которые сигналили мне. Мне! Как будто это я был виноват в том, что тащился как мертвый ленивец! Немного погодя я решил проучить упрямицу на велосипеде, чтобы она, в конце концов, съехала на свою чертову велосипедную дорожку, и резко надавил на педаль газа, полагая, что лязг колес напугает девицу, и она съедет, но, вместо этого, она вдруг резко остановилась, и я просто-напросто сбил ее.

Девушка упала с велосипеда.

«Дерьмо! Только этого мне не хватало!» – мрачно подумал я, хотя редко употреблял это выражение, однако этот момент был подходящим для подобного высказывания, точно передающего мои эмоции.

Я резко остановил машину, так что машина позади моей чуть было не поцеловала бампер моего «Мустанга», и вышел посмотреть, сильно ли ударилась девчонка. Хотя, я знал, что сильно – должно быть, она что-то себе сломала.

Девушка сидела на дороге, видимо, не понимая, что произошло: ее высокая прическа распалась, и длинные, красивые золотистые волосы упали на ее спину и грудь. Велосипед с погнутым задним колесом лежал рядом с ней.

Я подошел к девушке.

– Прошу прощения, мисс. Надеюсь, с вами все в порядке? – спросил я, нагибаясь к ней. Она подняла на меня горящий яростью взгляд.

«Мария?» – пронеслось в моем разуме, едва я увидел чудесные, знакомые мне черты.

– Мария? – невольно вырвалось у меня вслух.

– Он еще и прощения просит! Как благородно! Думаешь, я не знаю, что ты сбил меня нарочно!? – с гневом воскликнула девушка. – Стоп! Откуда ты знаешь мою сестру?

Пристально глядя на нее, я убедился в том, что ошибся – это была не Мария.

«Она – сестра Марии? Но Мария никогда не рассказывала мне о том, что у нее есть еще одна сестра. Маришку-то я знаю!» – подумал я, разглядывая девушку.

Конечно, она была сестрой Марии: те же черты, те же глаза, те же брови и волосы... Но эта девушка была другой – какой-то нежной, неразвитой, в ее взгляде не было страсти, которой всегда пылал взгляд Марии. Сбитая мною девушка была похожа на совсем еще юную вампиришу.

«Интересно, сколько ей лет? И какой дурацкий ярко-голубой лак на ее ногтях» – насмешливо подумал я.

– Мы с ней когда-то дружили, – ответил я, совершенно сбитый с толку: передо мной была сестра Марии, и я только что сбил ее. Надо же, какое совпадение. – Что ты здесь делаешь?

– Учусь, конечно! А ты сбил меня и помял мой велосипед! Я сижу на дороге, как дура, и все вокруг глазят на это! – вдруг закричала девушка и быстро поднялась на ноги.

Если бы на велосипеде была смертная, она бы точно что-нибудь себе сломала, но эта золотоволосая истеричка не получила даже царапины, и я знал почему.

– Это случилось по твоей вине: кто заставлял тебя останавливаться в тот момент, когда я нажал на газ? – Несмотря на свое ледяное спокойствие, я стал выходить из себя.

Ситуация напоминала глупый фарс.

– Я остановилась на светофоре! – взвизгнула девушка, поправляя свою юбку. – А ты, если не умеешь водить, сначала научись, а потом езжай, иначе, собьешь кучу народу! Если уже не сбил, как меня только что! И кто тебе только права выдал?

Я с презрением посмотрела прямо ему в лицо, но тут же поразились и нахмурились одновременно: очень бледная, бледнее, чем моя, идеальная кожа, бледные губы, красивые, но холодные, почти синие глаза, темные волосы. Да и голос у него был приятный: низкий, но тоже какой-то холодный. Слишком идеальный облик для такого негодяя.

«Он – вампир? Да, должно быть... Слишком красив для человека» – невольно подумала я, не веря своим глазам.

– Ты... – протянула я, но вовремя спохватилась, чтобы не ляпнуть лишнего при людях.

– Нет, маленькая истеричка, не я, а ты нарушила правила дорожного движения, рассекая по проезжей части на своем велосипеде. Как ты думаешь, для чего здесь намечена эта велосипедная дорожка? Из-за тебя образовалась огромная пробка! – Незнакомый вампир повысил голос.

«Интересно, он понял, что я тоже вампир?» – подумала я, но, услышав его последнюю фразу, вскипела от гнева, как чайник Мэри на нашей кухне.

– Да как ты смеешь! – взорвалась я. – Видимо, моя сестра ошиблась, когда выбрала тебя в друзья! Грубиян несчастный!

– Научись ездить по правилам, истеричка. – Мерзавец даже не удосужился помочь мне с велосипедом.

Я оглянулась: вокруг нас образовалась толпа зрителей, наверняка, не очень довольных тем, что мы загородили дорогу. Прямо как в том фильме: девушка спрыгнула с крыши, а соседи по дому очень опечалились тем, что теперь придется терпеть некоторые неудобства из-за ее самоубийства – теперь им нужно было отмывать тротуар!

У меня было еще много чего сказать этому нахалу, но я решила, что сражаться с ним было бесполезно: он даже «истеричкой» меня назвал! Чурбан неотесанный, а не вампир! Еще и в оксфордской мантии!

– А не пошел ли ты? – все-таки сказала я напоследок, затем подняла велосипед и, несмотря на погнутое заднее колесо, села на него, собираясь с гордым видом покинуть эту несмешную комедию.

Но вдруг незнакомый вампир схватил меня за предплечье.

– Подожди минуту. Ты – сестра Марии? – спросил он.

– Какая тебе разница? У тебя со слухом проблемы? – недовольно ответила я. – И вообще, кто тебе разрешал меня трогать? Немедленно убери от меня руки!

– Но Мария никогда не рассказывала о тебе. – Он будто не слышал моих слов и не убирал руку.

– Убери свои руки или я закричу! – сказала девушка таким убедительным тоном, что я понял: она исполнит свою угрозу.

Я посчитал ее дурой и истеричкой, но все же хотел узнать, кто она такая. Сестра Марии! Здесь! В Оксфорде!

– Послушай, меня зовут Фредрик Харальдсон. Мария рассказывала тебе обо мне? – спросил я, надеясь, что все-таки рассказывала, но, конечно, не все.

Глава 5

Серо-голубые глаза истеричной девушки округлились.

– Тем более не смей хватать меня за руки! И вообще, не смей меня трогать! И разговаривать со мной тоже не смей! – Она одернула свое предплечье и уехала. Погнутое колесо ее велосипеда жалобно поскрипывало.

Невольно глядя вслед сестре Марии, я отчетливо понимал, что она точно никогда не заговорит со мной.

«Неужели она знает?» – подумал я, не отрывая взгляд от ее прямой узкой спины, удаляющейся от меня. От падения на мокрый асфальт пальто девчонки намокло.

Не знаю, почему, не знаю, откуда, но у меня возникло непреодолимое желание проследить за сестрой Марии, и я бросился к машине, но вдруг увидел лежащий на дороге белый конверт, уже успевший покрыться моросью, – наверно, он выпал из сумки истерички, когда она слетела с велосипеда.

Я поднял конверт, сел в машину, игнорируя недовольные крики водителей, и осторожно, соблюдая большую дистанцию, поехал за девушкой, зная, что она вряд ли подумает о том, что стала объектом слежки. Наконец, я увидел, как она свернула на Коули-роуд и остановилась около двухэтажного старинного на вид домика с деревянными белыми окнами, поставила велосипед у лестницы, нацепила на него замок и зашла в этот дом.

Теперь, зная, где она живет, я решил, что обязательно заеду к ней в гости: мне хотелось поговорить с ней, узнать, что она знает обо мне и Марии. По пути домой, я размышлял о том, как эта девушка оказалась здесь, в этом городе, ведь если бы Мария рассказала ей о том, что между нами было, эта истеричка никогда не приехала бы в Оксфорд, где живу я. После того неприятного случая мы с Марией дали друг другу слово, что никогда больше не встретимся. И вот, в Оксфорде, я только что встретил ее сестру, о которой Мария ничего мне не рассказывала.

Приехав домой, я сбросил с себя мантию и одежду, и пошел в душ: мне хотелось смыть неприятное чувство, вновь охватившее меня после встречи с сестрой Марии, но я с обреченностью понял, что теперь точно не смогу забыть о том позоре, ведь живое напоминание о Марии будет мелькать перед моими глазами. Выйдя из ванной комнаты, я надел чистую одежду, взял одну из свежих газет, устроился в кресле, стал читать, но никак не мог сосредоточиться на чтении, так как мысленно возвращался к моей сегодняшней встрече с истеричной девицей.

«Сестра Марии. Еще одна Мрочек. А я даже не знаю, как ее зовут. А эта девчонка за словом в карман не лезет!» – усмехнулся я и попытался продолжить чтение, но статья: «Современные экономические системы мира» заканчивалась для меня на третьей строчке – дальше смысл терялся.

Я отшвырнул газету и достал пачку сигарет.

Конечно, вампиры не курят, точнее, могут, но курение считается плебейской привычкой, однако меня это совершенно не волновало: я курил часто, и на то, считают меня плебеем или нет, мне было наплевать. Все равно я никогда не подходил под шаблон обычного аристократичного вампира, хоть по праву рождения и был аристократом, но не придавал этому никакого значения.

Я вытащил из пачки сигарету и закурил ее, глубоко вдыхая терпкий дым – это была вторая сигарета за день. Тут я вспомнил о конверте, который потеряла юная вампирша, сходил за ним к машине и, поднявшись обратно в кабинет, вольготно раскинулся в кресле, закинул ноги на стол (плохая привычка) и пристально, задумчиво смотрел на конверт. Пробежав взглядом адрес получателя, я нашел имя: «Миша Мрочек».

«Миша? Ей подходит: необычное имя для истеричной девицы» – подумал я, рассматривая конверт: он был вскрыт, значит, Миша уже прочла его содержимое.

Стоило ли читать мне? Нет, благовоспитанные персоны так не делают, но я был всего лишь раком-отшельником, вампиром-одиночкой, да еще и курящим, поэтому достал письмо и прочитал его, посмеиваясь про себя. Это был почерк Марии.

«Да, Мария как всегда в своем репертуаре: только она может писать так остроумно даже о самых серьезных вещах» – невольно подумал я.

Советы Марии ее сестре были такими строгими и пояснительными, что я легко сделал вывод о Мише: она была младшей сестренкой, которую все носили на руках, она первый раз в жизни приехала учиться, первый раз находилась среди смертных, в общем, была совсем еще невинной овечкой.

А потом я увидел правило №9, которое гласило: «Никогда не общайся с Фредериком Харальдсоном. Никогда», и решил, что девчонка точно хоть что-нибудь да знает. Интересно, сколько ей лет? Восемнадцать? Двадцать? Она выглядела еще совсем юной, юной по-настоящему, и ее кожа еще не стала такой бледной, как моя. Надо же, и она была так похожа на ту, которую я когда-то любил. Любил? Вряд ли – это было какое-то затмение. У нас был короткий, но бурный роман со всеми из него вытекающими, что бросило тень на репутацию Марии, однако жениться на ней я не собирался – был не настолько влюблен в нее, влюблен, но не по-настоящему: просто своей страстной натурой она вскружила мне голову. А когда я сказал ее отцу, что не намерен становиться его зятем, между нами все было кончено, как и дружба между моими и ее родителями.

Когда все это случилось? Три года назад: Мария экстернатом закончила учебу, сдала за один день все экзамены и уехала. А я остался: у меня не было причин уезжать, как и не было пятен на моей совести. Ну, так себе – противное маленькое пятнышко.

Я аккуратно сложил письмо, положил его обратно в конверт, затушил сигарету и закурил новую.

Даже странно, что я так задумался о том, знает ли обо всем этом Миша. Хотя, это естественно: она – сестра Марии. И все же, я удивлялся тому, как Мария отпустила сюда свою младшую сестру, и как это сделал их отец – ведь он ненавидит меня лютой ненавистью.

Докурив сигарету, я затушил ее о свою ладонь: еще одна плохая привычка.

Вечером я стал маяться: меня охватило желание сесть в машину и поехать к Мише, чтобы поговорить, познакомиться с ней, ведь она была совершенно незнакома мне, видимо, Мрочки прятали ее. Я слышал о том, что другая сестра Марии – Маришка летом вышла замуж за Маркуса Моргана, – я знал его, но мы с ним мало общались. Его брата Седрика я тоже знал – мы с ним даже как-то учились на одном курсе в Гарварде. Веселая семейка: консервативная, чопорная, надутая. А Миша – сущая истеричка.

Я курил уже шестую сигарету за день, хотя никогда не курил больше четырех. Подойдя к окну, я стал всматриваться в освещенную фонарями улицу, затем потянулся за новой сигаретой, но пачка оказалась пустой.

«Не зря мне запретили общаться с этим хамом! Только подумать: он сбил меня и даже не извинился! А что я скажу Мэри? «Мэри, извини, но твой велосипед испорчен машиной одного идиота-вампира!»» – с кипящей в душе злостью думала я по дороге домой.

Меня охватила такая ярость, что я едва не сбила парочку людей, да и ехать с погнутым задним колесом было очень неудобно, а мои длинные распущенные волосы лезли в глаза и мешали обзору дороги. Добравшись до дома, я прицепила велосипед к перилам, открыла дверь, разулась и с силой бросила туфли на остальную обувь.

– Ты уже вернулась? Ну, как прошел день? – раздался голос Мэри из кухни. – Ты голодна? Я помою тебе пару огурцов и помидоров. И яблочко!

«Опять она со своими овощами! Я же просила не лезть ко мне!» – со злостью подумала я, вешая в гардероб свое пальто. В этот момент забота Мэри раздражала меня как никогда.

Я ничего не ответила, зашла в свою комнату, стянула с себя тщательно подобранный костюм и разбросала вещи на полу (я всегда вымещала на них свою злость). Но уединиться мне не удалось: через минуту зашла Мэри.

– Ого, а что с настроением? – спросила она, поглядывая на одежду, раскиданную на полу.

– Хуже не бывает! Меня сбила машина! А точнее, это был один идиот! – вырвалось у меня.

Я сидела на кровати, в одном нижнем белье.

– Сбил? Да ладно! – усмехнулась моя соседка.

Усмехнулась!

– В этом нет ничего смешного! Я полетела вниз головой, а моя юбка задралась выше колен! И еще этот идиот помял заднее колесо твоего велосипеда! Думаешь, я шучу? Мне совершенно не до шуток! – вспыхнула я.

– Ты упала вместе с велосипедом?

– Ну да! И теперь мое пальто в грязи!

– Но на тебе нет ни царапины.

Я посмотрела на Мэри, мысленно проклиная ее наблюдательность.

– Я просто очень удачно приземлилась. А этот мерзавец даже не помог мне встать! Вот какие они, эти мужчины! – горячо оправдывалась я.

– Но вещи-то здесь ни при чем, – спокойно сказала Мэри и стала собирать с пола разбросанную мною одежду.

Мне стало жутко неловко.

– Нет, Мэри, оставь! Я сама все уберу, когда немного остыну. Это уже как ритуал, – сказала я ей.

– Лучше оденься, а не то замерзнешь, – ответила она, не прекращая своего занятия.

– Мэри, прекрати: мне неловко, когда кто-то собирает то, что разбросала я сама. – Я подошла к ней. – Ну, хватит, право!

Она молча отдала мне уже собранную ею одежду.

– А это твои настоящие волосы? – вдруг спросила соседка.

Раньше она не видела меня с распущенными волосами, так как я всегда собирала их в высокий узел или хвост, чтобы не мешали при ходьбе.

– Да, конечно, – ответила я, ожидая, что она, как и все, будет восхищаться ими.

– Представляю, сколько времени уходит, чтобы высушить их. Ты никогда не думала о короткой стрижке?

Этот вопрос поломал все мои представления о Мэри. Клянусь, раньше никто не говорил мне подобное: все только восхищались и советовали никогда не притрагиваться ножницами к моим волосам. А она предложила мне сделать короткую прическу!

– Что? Зачем? – Моему удивлению не было предела.

– По длине твоих волос я поняла, что ты остригаешь их очень редко, – сказала Мэри. – Мне кажется, тебе пошла бы челка, только не густая, и что-то типа каре.

В последний раз я стригла волосы шесть лет назад: тогда мама случайно отрезала огромный клоч моих волос у самых корней, когда пыталась ножницами распутать на них узел, поэтому пришлось обрезать все мои волосы, и я ходила с короткой мальчишеской стрижкой, обиженная на весь мир.

– Нет уж, волосы – это то, что я никогда не стану трогать, – твердо ответила я на предложение Мэри, бросила вещи на кровать и полезла в шкаф за одеждой.

– Но надо же как-то меняться! Ладно, если ты не можешь пополнеть из-за своей аллергии, но волосы-то всегда отрастут! – недовольно воскликнула Мэри.

– Кажется, на кухне начался пожар, – сказала я, вдруг ощутив неприятный дым.

– Мои котлеты!

Мэри побежала на кухню, а я тихо рассмеялась: люди такие забавные! Когда у них что-то подгорает на плите, они бегают не медленнее, чем мы, вампиры.

Я достала из шкафа старенькие джинсы, теплые носки (не знаю, до какой степени теплые, но довольно плотные) и длинную большую майку с названием какого-то футбольного клуба (ее мне отдал Мартин, который заказал ее по интернету и обнаружил, что она на него мала, и после этого майка стала моей, но носила я ее только дома). Собрав волосы в высокий хвост, я аккуратно сложила вещи в шкаф и пошла на кухню, чтобы поболтать с Мэри.

– А почему ты сегодня дома? – поинтересовалась я, сев у окна, чтобы не мешать подруге готовить.

Весь дом был пропитан запахом жареного мяса.

– Отпросилась: почувствовала себя неважно, наверно, это из-за погоды, – ответила Мэри, а потом повернулась ко мне, уперев руки в бока. – Кстати, мамзель, ты что, совсем ничего не ешь? Все помидоры, огурцы и яблоки на месте: я специально пересчитываю их каждое утро!

«Ну, зачем она это делает? Ей скучно жить, что ли?» – с тоской подумала я.

– Я ем! – только и смогла сказать я, теряясь в догадках, что бы такое ловкое придумать в свое оправдание.

– Ага, я вижу, как ты ешь! – недовольно буркнула Мэри.

– Я ем, – еще раз, но более настойчиво сказала я. – Просто небольшими порциями, поэтому тебе кажется...

– Не верю.

Я просто-напросто опешила.

– Ну, это твое дело! Не буду доказывать обратное! – Я нахмурилась и скрестила руки на груди.

Мэри отвернулась и стала возиться со сковородкой.

– Ты обиделась? – с тревогой спросила я, не зная, как истолковать ее поведение.

– Нет, сериал смотрю, – отозвалась Мэри. – Мой любимый. Уже третий раз пересматриваю.

Увидев у раковины свой ноутбук, я даже не удивилась.

– Я тоже смотрела его пару лет назад, – сказала я, радуясь тому, что можно было сменить тему.

– Правда? Кто твой любимый герой? – спросила Мэри, обернувшись ко мне. Ее глаза сияли.

– Салли, – ответила я, подходя к подруге.

– Салли? – воскликнула она и поморщилась. – Но почему? Она же такая скользкая!

– Какая? – с улыбкой переспросила я.

– Скользкая: никогда не знаешь, что у нее на уме. И чем только она тебе нравится?

– Она – сильная личность. Да, иногда Салли делает подлости, зато не слушает дурацких советов, как Джейн.

«Господи, какую ерунду мы обсуждаем!» – пронеслась в моей голове нотка веселья.

– Иногда делает подлости? Да она только и знает, что делает их на каждом шагу! И, кстати, Джейн – моя любимая героиня: она единственная добрая девушка в этом сериале, – серьезно сказала Мэри.

– Да, и поэтому она подставила Салли во время поездки в Детройт, – усмехнулась я.

– Это было случайно! Она же не виновата в том, что Сэм по уши в нее влюблен!

– Но это не давало ей права настраивать его против Салли.

– Что бы ты не говорила, я буду настаивать на своем: Джейн – умница, а Салли – настоящая змея!

– Ладно, остынь, это всего лишь сериал, – рассмеялась я, увидев, как Мэри завелась от нашего бессмысленного спора.

– Да уж... Слушай, если не лень, вынеси мусор, – попросила Мэри. – Ну ты и странная... Салли... Хм.

Но я промолчала, достала из мусорного ведра большой черный пакет, закрыла его на специальные тесемки и понесла на улицу: мусорный бак находился в двух десятках метров от нашего дома. Стоит сказать, я уже знала, как и куда нужно положить мусор: Мэри научила меня этому.

– Классная футболка! – сказал мне соседский рыжий подросток с веснушками по всему лицу, когда я возвращалась домой. Билл, по-моему, школьник.

– Спасибо! – отозвалась я.

– Не холодно? – улыбаясь, спросил он.

– Я мусор выносила, – ответила я и улыбнулась ему в ответ.

Теперь люди казались мне милыми и забавными.

Дома я решила почитать какую-нибудь умную книгу и взяла из личной библиотеки Смитов первый том «Гения христианства» Шатобриана. Мне захотелось прочесть его размышления для общего развития: я никогда не задумывалась о Боге и о том, нужно ли ходить в церковь, и нужно ли это мне, однако Шатобриан в первых же главах так высокопарно расхвалил

христианство, что я почувствовала интерес к этой религии. В Польше царит католицизм, и мои родители нередко ходят на службу в какой-то костел, но я выросла атеисткой. Хотя, нет, у меня были свои мысли насчет Вселенной.

Шатобриан вскоре мне наскучил: я прочитала несколько глав, оставила закладку и стала слушать в своем плеере музыку. Иногда я лежала так почти целыми днями, а сейчас мне нужно было расслабиться после утреннего разочарования и ссоры с этим Фредериком. И еще мне было очень жаль велосипед.

Положив руки под голову, я закрыла глаза и погрузилась в мир своего любимого инди-рока. Через какое-то время я вдруг почувствовала на себе что-то мягкое и открыла глаза: Мэри укрыла меня пледом. Я была просто поражена ее добротой.

– Спасибо, – пролепетала я, сбрасывая наушники: мне было приятно оттого, что Мэри специально взяла плед и укрыла меня им, чтобы мне не было холодно.

– Ты будешь кушать? – спросила она.

– Нет, попозже, – ответила я.

– Ну, ладно.

Мэри ушла.

Я подгрела под себя концы пледа, чтобы свернуться как кокон – это была привычка с детства – лежать, закутавшись в одеяло. Я не чувствовала тепла, но мне было очень уютно морально лежать в этом мягком, приятно пахнущем пледе.

Мэри болтала по телефону с каким-то парнем, а потом включила на моем ноутбуке слезливую мелодраму.

Это была самая неприятная часть нашей совместной с ней жизни: я слышала все, что происходило в доме, включая звуки, исходящие из туалета, и сопение Мэри по ночам. Я пыталась заблокировать эти звуки, но у меня это не получалось, и это доставляло мне большие неудобства в моральном плане. Поэтому и сейчас я лежала и невольно слушала, о чем говорили герои фильма: жена бросила мужа, и тот остался на улице, без денег и документов, но его подобрала добрая бизнес-леди и устроила у себя парковщиком.

Вдруг кто-то громко постучал во входную дверь.

«Пусть Мэри откроет» – подумала я.

Стук повторился.

Я недовольно вздохнула: мне не хотелось покидать свое уютное гнездышко, но пришлось идти открывать дверь.

«Кого это принесло так поздно? По-моему, даже люди не приходят в гости в восемь тридцать две вечера» – удивилась я, взглянув на часы.

Открыв дверь, я застыла от удивления. Нет, не то: я была поражена и ужасно недовольна: на крыльце стоял сбивший меня нахал.

– Кажется, ты ошибся домом хотя, нет, улицей, – ледяным тоном сказала я и собралась захлопнуть дверь перед его носом, но он придержал ее рукой. – Это еще что такое? – вырвался у меня возглас негодования.

Вампир не убрал свою руку.

– Не нужно сразу так горячиться, – сказал он и насмешливо усмехнулся, словно гордясь своей наглостью.

Сейчас он был одет как поклонник стиля «casual». Его темные волосы были взъерошены, словно их владелец нарочно привел их в настоящий беспорядок.

– Кто сказал, что я горячусь? Да и с чего бы это? – тоже насмешливо сказала я, а потом нахмурилась. – Отпусти дверь и уходи. Тебе здесь не рады.

– Тебе не кажется, что ты чересчур нервная? – спросил вампир, все так же нахально улыбаясь.

– Наверно, это оттого, что я ударилась головой об асфальт, когда какой-то идиот сбил меня сегодня! – парировала я. – И, кстати, этот идиот сейчас передо мной! Поэтому убирайся! – Я вновь попыталась закрыть дверь, но наглец опять помешал мне. Его самоуверенность выводила меня из себя.

«Нет, ты посмотри, каков нахал!» – со злостью подумала я, желая стукнуть его по руке или прищемить ее дверью.

– Ты серьезно думаешь, что сильнее меня? – с интересом спросил я, в душе посмеиваясь над нервным состоянием девицы.

Она была в какой-то непонятной пестрой мужской футболке, джинсах и с зализанными наверх волосами, в общем, выглядела как американская школьница из группы поддержки.

– Я позову полицейских, – серьезно сказала девчонка.

Ее глаза метали молнии. Как легко она взрывается!

– Тогда тебе нужно идти в участок: сейчас у них большое совещание, и они вряд ли приедут только для того, чтобы вышвырнуть меня, – подтрунил я на ней.

Она закатила глаза. Как театрально, ей-богу.

Вдруг я услышал, как пронзительный женский голос в доме Миши прокричал ее имя.

«Что за черт?» – пронеслось у меня в голове.

– Кто это у тебя? – нахмурившись, спросил я, не имея даже представления о том, кто мог быть там с ней, с вампиром.

– Тебя это не касается! – раздраженно отрезала девица.

Через секунду за спиной золотоволосой истерички предстала коротковолосая девушка. Смертная.

Я недовольно нахмурился: с каких пор молодые вампиры приглашают к себе в гости смертных девчонок?

Гостья вампирши, судя по ее домашней одежде, находилась у нее уже долгое время. Что за идиотизм?

– Миша, кто это? – спросила эта девушка истеричку.

«Значит, Миша» – довольно подумал я.

Юная вампирша стояла передо мной с таким полным злости лицом, будто ее руки чесались задушить меня.

– Никто. Просто этот оборванец зашел спросить дорогу в центр, – ледяным тоном ответила ей Миша. – Надеюсь, вы все поняли, мистер? Спокойной ночи!

– Нет, кажется, опять забыл. Может, повторите инструкцию еще раз? – Я решил играть по ее же правилам.

Она так просто от меня не отделается.

При моих словах Миша плотно сжала губы и пронзила меня яростным взглядом.

– Давайте я объясню, – вдруг предложила девушка, стоящая за спиной вампирши. – Я здесь родилась и живу всю жизнь. Почти. Значит, вам нужно...

– Нет, Мэри, я сама, а ты можешь наполнить для меня ванну? – настойчиво сказала ей Миша, затем вышла на крыльцо, закрыла дверь прямо перед носом этой Мэри и теперь стояла передо мной без тапочек, в одних носках.

– Ты бы хоть обулась, ради приличия, – спокойно заметил я.

– Послушай, ты! Не знаю, чего ради ты притаился и как узнал, где я живу, но больше никогда не смей приходить сюда! – тихим, дрожащим от волнения голосом, сказала она.

– Кто эта девушка? – настойчиво спросил я, желая выяснить, что происходит за дверью этого дома.

– Не твое дело! – огрызнулась Миша. – И вообще, я же сказала: не смей даже разговаривать со мной, понял? Никогда!

– Да что ты обо мне знаешь, чтобы разговаривать со мной в таком тоне? – возмутился я.

– Ты прав, ничего не знаю! Но моя семья запретила мне общаться с тобой, и, думаю, у них было достаточно причин на этот запрет! Не знаю, что ты натворил, но я не собираюсь с тобой разговаривать!

– Интересно, а что ты делаешь последние две минуты? – усмехнулся я: она была просто смешна в своей истерике. – И сколько же тебе лет, раз ты до сих пор слушаешься родителей?

– Не твое собачье дело! – вновь отчеканила Миша, повысив голос, видимо, я здорово зацепил ее вопросом о возрасте: она кипела от гнева.

– Ладно, угомонись уже. Не люблю иметь дела с истеричками, – устало вздохнул я.

– Сам ты истеричка!

– Если бы ты умела нормально разговаривать и не стала бы орать, то я отдал бы тебе вот это, – я протянул Мише ее конверт, – и мы бы разошлись.

Девушка удивленно и недоверчиво посмотрела на конверт, но забрала его, а затем взглянула на меня с такой злостью в глазах, что я понял: Миша поняла, что я слегка полюбопытствовал.

– Ты читал его!

– Не отрицаю, – улыбнулся я, забавляясь ее реакцией.

– Да как ты... У меня просто нет слов! – возмутилась девушка, сотрясая конвертом перед моим лицом. – Ну и нахал! Все! С меня хватит!

Она зашла в дом, захлопнула за собой дверь и заперла замок на два щелчка.

– Очень по-взрослому! – тихо рассмеялся я, зная, что Миша прекрасно меня слышала.

– Пошел вон! – так же тихо ответила она.

– До встречи, истеричка, – сказал я, садясь в машину.

– Иди к черту! – последовал ее возмущенный ответ.

«А не так она беззащитна, как кажется с первого взгляда, – с улыбкой подумал я. – Мы еще встретимся, Миша. Хоть это и бессмысленно».

Теперь я окончательно убедился в том, что по внешности она была очень похожа на свою сестру, но в то же время была другой – настоящей, немного наивной, еще не умеющей находить нужные слова и аргументы: даже ругательства из ее уст были совсем необидными. Должно быть, девушка насмотрелась фильмов, и все ругательства взяла из них.

Когда Миша открыла дверь, я сразу заметил, что она держала левое плечо немного выше правого: почти незаметно, всего на пару миллиметров.

Но что делала в ее доме смертная? Кто она? Гостья? Или, что еще хуже, соседка? Что за каприз? Миша не должна сблизиться с людьми, тем более, не должна делить с ними жилплощадь. Какая-то ерунда, нужно будет разобраться в этом. Хотя, зачем? Ну, напоминает она мне Марию, ну, живет с этой смертной, мне то что? Пусть себе живет, учится, развлекается. В конце концов, у нее есть куча родственников, которые должны опекать ее. Интересно, сколько ей, все-таки, лет? И как она питается: до сих пор пьет донорскую кровь или уже охотится?

Но, раз Миша не хотела со мной общаться, нет, не то – раз ей это запретили, значит, она ничего не знала обо мне и Марии – это было очевидно: она злилась на меня из-за мелких пустяков, а не за то, что я «сотворил» с ее сестрой.

«Если эта девушка не желает видеть меня, зачем мне видеть ее? Но вдруг она попросит моей помощи? Кто? Она? Эта недотрога? Да она скорее съест собственную голову, чем соизволит это сделать. Отлично, пусть живет, как хочет. Но раз я сломал ее велосипед, то я его и почию» – думал я, направляя свой «Мустанг» на Эбингтон-роуд.

– Что случилось? Ты просто огнем дышишь! Кто это был? – спросила Мэри, едва я вошла на кухню после того, как выгнала этого невежду Харальдсона.

«Невоспитанный грубиян! Любитель читать чужие письма и сбивать на дороге девушек! Как хорошо, что Мария предупредила меня о нем, иначе, кто знает, может, я могла бы обмануться внешностью и действиями этого наглеца, и принять его за нормального вампира, который даже мог бы что-то мне посоветовать!» – со злостью думала я.

– Это был тот тип, который сбил меня и помял твой велосипед! – ответила я Мэри. – А еще мои родители запретили мне с ним общаться, сказали: «ни слова, ни полслова».

«Зачем я рассказываю ей о таких личных вещах?» – вдруг пронеслось у меня в голове, но в душе мне очень хотелось поговорить с Мэри о том, каким гадом был этот Харальдсон. Я хотела облить его грязью от его шикарной шевелюры до подошв его ботинок.

– А он симпатичный, я бы даже сказала, очень красивый, но его белая кожа портит все впечатление... – Мэри осеклась, потому что я тут же кинула на нее строгий взгляд. – Я приготовила тебе ванну, как ты просила.

Да, он был красив, но не красивее моих братьев: мне всегда нравились блондины, а его очень бледная кожа, темные волосы и яркие почти синие глаза делали его облик холодным и отчужденным как айсберг. Такой себе – настоящий викинг, идеальный представитель нордического типа. Ха! А Мэри посчитала его красивым, но не очень!

– Что-то я не понимаю: твои родители запретили тебе с ним общаться... А каковы причины?

– Не знаю. Понятия не имею! – честно ответила я.

– Тогда почему ты считаешь его негодяем? Ты же абсолютно ничего о нем не знаешь, я права? – спросила Мэри.

Ее слова сконфузили меня своей правотой: я не знала, кто и что он, моя семья ничего о нем не рассказала, а я уже заведомо настроила себя против него. Хотя, нет, я точно знала, что он сбил меня и помял мой велосипед. И даже не извинился!

– Думаешь, мое мнение ошибочно? – спросила я: мысли Мэри были на удивление трезвыми и ломали мое предубеждение против этого вампира, но я всеми фибрами души цеплялась за свои убеждения. Я хотела за них цепляться, потому что мне было легче думать, что виноват был он, а не я.

– Вы хоть раз общались? – спросила Мэри.

– Нет, – тихо ответила я.

– Ну, смотри, что получается: вы ничего друг о друге не знаете и никогда не общались, но твои родители сказали игнорировать его... А они сказали, почему ты должна так поступать? Они сказали, плохой он или, может, хулиган?

– Нет, ничего подобного. Мне вообще ничего не объяснили, а просто категорически запретили. Но неужели для этого мало причин? Ведь не обязательно, что все, с кем нам запрещают общаться, должны быть хулиганами! – возразила я.

«Но она права: откуда я знаю, что он – негодяй? Может, он вообще не делал ничего плохого. Да, он сбил меня, но и тут нужно быть объективной: это я была виновата в аварии – сама не захотела ехать по велосипедной дорожке. А когда он пришел сегодня, я сразу на него накричала и начала обвинять. Зачем? Почему? Потому что узнала, что он – именно тот вампир, с которым мне запретили даже разговаривать? – задумалась я. – Как это странно и глупо! И ведь он имел право подумать, что я – истеричка, как Седрик тогда... Нет, не нужно оправдывать его: он прочитал мое письмо! Просто открыл чужой конверт, на котором черным по белому написано мое имя, и прочитал его. Он не смел этого делать! Это не его личная вещь, а моя!»

– Ты злишься на него только потому, что психологически тяжелое слово «запрет» было сказано о нем. Очень глупо, на мой взгляд, – уверенно заявила Мэри.

Я тут же захотела рассказать ей о том, что он прочел мое письмо, а права на это не имел, но отказалась от этой идеи: Мэри несколькими предложениями поубавила мою злость на этого Фредерика.

«Ладно. Я действительно ничего о нем не знаю, и у меня нет причин считать его подлецом, и, тем более, ненавидеть его. Вот когда он сделает в мой адрес какую-нибудь гадость, тогда и буду его ненавидеть. Буду иметь право, – решила я. – А сейчас это бессмысленно и глупо – ненавидеть его только потому, что мне это приказали. Мэри права: слово «запрет» всегда становится психологическим фактором несознательной неприязни. И он, как и Седрик, прав: я веду себя как ребенок, а ведь мне казалось, что я переросла эту роль. Должно быть, я только льстила себе, опьяненная всего одним шагом – поступлением в Оксфорд... А на самом деле, мои рассуждения и поступки так и остались детскими и наивными!»

Эти мысли душили меня, и я опять поступила как ребенок и сделала то, о чем давно мечтала: закрылась в туалете и плакала там до тех пор, пока Мэри не попросилась зайти по нужде.

Когда наступило утро, я посмотрела на улицу и увидела свой погнутый синий велосипед.

«Ехать в колледж на этом инвалиде? Нет уж! Лучше пешком пройду!» – недовольно подумала я.

Я умылась, совершила утреннюю пробежку, быстро приняла душ, высушила волосы, надела форму, собрала волосы в высокий хвост, взяла сумку, надела туфли и тихо вышла из дома, чтобы не разбудить свою соседку: она опять спала допоздна после того, как всю ночь смотрела фильмы и легла только в три утра.

Спустившись к велосипеду, я остановилась. Меня объяла тоска: у велосипеда был просто отвратительный и печальный вид, а заднее колесо было погнуто так сильно, что я удивилась тому, как вчера смогла доехать до дома. У меня мелькнула мысль купить новый велосипед, но было очень рано, магазины еще не открылись, да и я не знала ни одного из мест, где продавались велосипеды. Я даже разозлилась на себя за свое легкомыслие, ведь могла легко починить синего инвалида, и нужно было сделать это вчера или ночью, а не просиживать в своей комнате и рыдать! Но делать было нечего, идти пешком было далеко, поэтому я со вздохом села на велосипед и поехала к колледжу. Мне было ужасно стыдно ехать на своем инвалиде, но я тешила себя мыслью, что после лекций отдам его в ремонт. Приехав к колледжу, я прислонила велосипед к забору, надела на него замок (хотя вряд ли кто соблазнился бы им в таком состоянии) и пошла на встречу с Элли.

Она уже ждала меня.

– Ты уже здесь? Извини, что опоздала: у меня проблемы с велосипедом, – извинилась я, подходя к ней.

Элли была очень симпатичной девушкой: длинные, густые, темные волосы, высокий лоб, красивые серые глаза, она держалась очень дружелюбно, и мне было приятно находиться в ее компании.

Мы зашли в колледж, отдали в гардероб свои пальто, надели мантии и шапочки и пошли искать нужные аудитории.

– Ты записалась в какой-нибудь кружок? – спросила меня Элли.

– Нет. Это обязательно? – удивилась я.

– Никто никого не заставляет, – улыбнулась она. – Просто в колледже много кружков по интересам и много спортивных команд и секций по разным видам спорта. Вот ты, например, чем увлекаешься?

Я задумалась: игра в снежки может считаться видом спорта?

– Я люблю много чего, но сейчас не могу выбрать что-то конкретное, – честно призналась я. – Хотя, могу: я люблю играть в бадминтон.

– Вот видишь, ты можешь туда записаться. И не обязательно выбирать что-то одно – одновременно можно состоять хоть в двадцати кружках. Я записалась в кружок театралов, музыки, церковного пения, чтения и еще много чего. Нужно будет взглянуть на расписание всех этих кружков, – поделилась со мной Элли.

– Кружок музыки? Ты играешь на каком-то инструменте? – поинтересовалась я.

– Да, на саксофоне.

– Ух ты, здорово! А я не умею ни на чем играть... Но мой брат всегда говорит, что я виртуозно играю на нервах.

«Все здесь – невероятные таланты! А я даже играть ни на чем не умею! Нервы ни в счет!» – с досадой подумала я.

– Ладно, подумаю на досуге и обязательно запишусь в какой-нибудь кружок, – пообещала я Элли.

Мы расстались и разошлись по своим аудиториям.

Когда я вошла, мне стало неловко: многие студенты тут же повернули ко мне головы. От обилия внимания я разволновалась и села почти на самый первый ряд.

Это была первая лекция в моей жизни, и я безумно волновалась и радовалась одновременно: я сидела в аудитории Оксфорда! Правда, вокруг меня была сотня людей, и это смущало меня: я очень мало знала о людях и парах в колледже, имея представления о них только из фильмов и сериалов.

Все это время я чувствовала на себе чей-то взгляд, но не попыталась обнаружить, кто именно был этой бестактной персоной: мне казалось, что, если я буду вертеться, то буду выглядеть легкомысленной и глупой. Мне и так было весьма неловко: на переменах многие парни не отрывали от меня взгляда и спрашивали, как у меня дела. В эти моменты я мечтала стать невидимкой.

Когда пары подошли к концу, я была так морально утомлена, что хотела как можно скорее убежать подальше от колледжа. Я сняла мантию и шапочку, надела свое пальто и быстрым шагом направилась к своему велосипеду.

– Милая блондинка, подожди минуточку! – вдруг услышала я за своей спиной.

Машинально обернувшись, я увидела, что ко мне направлялся какой-то парень. Я растерялась, но подумала, что, возможно, он хотел спросить меня насчет расписания или передать мне что-то, иначе, не стала бы задерживаться.

Я сразу поняла, что имею дело с мажором: дорогой, тщательно подобранный выглаженный костюм, дорогие, кожаные, натертые до блеска ботинки, дорогое черное пальто. Все это сопровождалось неприятной приторно-сладкой улыбкой и прилизанными гелем волосами.

– Привет. – Он протянул мне руку.

– Привет. – Я хотела, было, пожать ему руку, но он перехватил мою ладонь и притянул ее к своим губам. Я тут же одернула ее.

– Прости, не смог удержаться: ты чертовски красивая, – с лстивой улыбкой сказал мажор, окидывая меня взглядом.

Мне показалось, что он просто ощупывал меня этим пристальным взглядом – это было жутко неприятно и чертовски нахально с его стороны, и я захотела уйти.

– Что ты хотел? – прямо спросила я.

– Узнать, как тебя зовут, красавица. Ты так быстро убежала и даже не оставила свою драгоценную туфельку.

«Ах, вот оно что... Он клеится ко мне» – устало подумала я.

Мне стало даже смешно: я невольно улыбнулась от его пошлого комплимента, а он, должно быть, принял мою насмешку за улыбку благодарности, потому что тут же просиял.

– Было бы странно, если бы я ходила в одной туфле. И вообще, мои туфли очень дорогие, подороже твоих, так что я их не разбрасываю, – язвительно ответила ему я. – Глупая идея, даже не пытайся!

Обойдя мажора, я продолжила путь к своему велосипеду, однако услышала, как парень пробормотал себе под нос: «Это мы еще посмотрим, милашка».

От гадкого разговора с этим мажором, наверняка, считающим себя просто богом, мне стало так противно, как будто на меня вылили ведро грязи.

Я вышла на аллею, на которой оставила свой велосипед и вдруг увидела вчерашнего гостя – Фредерика Харальдсона, возившегося с моим велосипедом.

«Что ему нужно?» – недовольно подумала я, ускоряя шаг.

Подойдя к вампиру, я с недовольством обнаружила, что он снимал с моего велосипеда «супернадежный», как нас с Мэри уверили полицейские, замок.

Харальдсон поднял на меня холодный взгляд.

– Только не начинай истерить – я просто хочу возместить тебе вчерашний ущерб, – строго сказал он.

Его слова задели меня: с чего он взял, что я буду кричать?

– Я и не собираюсь. – Меня съедала обида. – Позволь узнать, что ты делаешь с моим велосипедом?

Миша нахмурилась.

– Я купил тебе новый, – ответил я, снял с велосипеда замок, поднялся и теперь смотрел на девушку сверху вниз: она была довольно высокой, но ее макушка едва доставала до моих плеч. Левое плечо Миши было немного приподнято.

«Опять она прилизала волосы. Неужели ей не противно так ходить?» – подумал я, бросив взгляд на ее уродливую прическу.

– Но я ни о чем тебя не просила, – рассеянно сказала она. – И уж точно не разрешала снимать замок с моего велосипеда. Мне его дали в полиции, потому что он – очень надежный.

– Этот замок и первоклассник откроет, – насмешливо усмехнулся я и отдал ей в руки проклятый замок.

Я хотел подменить велосипед, пока его владелица была в колледже, но, видимо, не рассчитал время. Благо, погода была хорошей. Для меня.

– Этот велосипед я почию, но все равно купил тебе новый, – сказал я, глядя на нахмуренное, но красивое личико Миши.

– И где же он? – осведомилась она. Ее брови поползли вверх.

– Вот. – Я указал на свою машину, к которой был прислонен ее новый велосипед.

Юная вампириша взглянула на него, и ее лицо приняло насмешливое выражение.

– Розовый? Ты смеешься? – насмешливо спросила она, но затем ее голос наполнился обидой. – Меня и так считают тупой блондинкой, а ты еще и купил мне розовый велосипед?

– Не думал, что ты так к этому отнесешься. Честное слово. В магазине были только розовый, зеленый и черный цвета, – совершенно честно попытался я объяснить ей свой выбор.

– Надо было выбрать черный. Даже он лучше... этого. – Ее голос задрожал.

Миша с тоской смотрела на розовый велосипед. Лицо девушки было таким кислым, словно она съела целую корзину лимонов.

– Какая разница, какого цвета велосипед? – искренне удивился я: реакция Миши была мне непонятна.

Я сказал правду: этот розовый двухколесный конь был выбран мной без какой-либо насмешки и задней мысли, просто мне показалось, что раз Миша была еще очень юна (для

вампирского возраста), то розовый цвет придется ей по душе. Ведь были же у нее ногти голубого цвета.

– Большая. Я не люблю розовый цвет: он легкомысленный, – угрюмо ответила девица.

– Опusti плечo, – не удержался я.

– Чтo? – Она перевела на меня удивленный взгляд.

– Ты всегда приподнимаешь левое плечо. – Я коснулся ее приподнятого плеча и легонько нажал на него: оно вернулось в нормальное положение.

– Я и не замечала, что делаю так, – задумчиво сказала Миша.

Меня удивило ее спокойствие: оказалось, она, все-таки, умела разговаривать нормально, без истерики и не повышая голос, а ведь раньше ее поведение утверждало обратное.

– Знаю, отчего это: я люблю лежать на левом боку, когда сижу в интернете, – вдруг сказала она, а потом вновь посмотрела на розовый велосипед. – Раз так, я возьму это отвратительное розовое чудо, чтобы соответствовать твоему мнению и мнению окружающих, но не буду на нем ездить, а отдам его Мэри. Для меня ты отремонтируешь мой синий. Договорились?

Я усмехнулся: какая упертая!

– Хорошо, тогда жди его вечером, – сказал я, приятно удивленный ее спокойным поведением. – Ты опять приподняла плечо. Следи за ним. Знаешь, сегодня ты сама на себя непохожа: слишком спокойная.

Девушка с обидой посмотрела на меня.

– Думаешь, я умею только орать? Ну и думай дальше, мне абсолютно все равно.

Миша подошла к розовому велосипеду, откатила его на обочину дороги, села и уехала, а я с удивлением смотрел ей вслед: она ехала медленно, очень плавно, красиво, а ее связанные в длинный хвост волосы развевались на ветру. В этот момент она показалась мне очень хрупкой.

«Нужно было узнать, сколько ей лет» – спохватился я.

Пронаблюдав за тем, как девушка исчезла за ближайшим углом, я привязал веревкой синий велосипед к крыше своего «Мустанга» и поехал домой, ремонтировать его. Я сдержал свое обещание: выровнял покореженное железо, заменил погнутое колесо на новое, подкрутил все болтики, уже значительно расшатанные, и удивился тому, как Миша могла ездить на этой полуразвалившейся железяке. Вечером я привез велосипед к ее дому, но приняла его не Миша, а ее подруга, вновь оказавшаяся в домашней одежде, и теперь я окончательно убедился в том, что эта смертная жила с юной вампиршей под одной крышей. Сама Миша не только не вышла ко мне, но и слова не сказала.

После этого дня мы не виделись больше месяца.

Я не хотел навязывать Мише свое общество, ведь прекрасно понимал, что она была решительно настроена против меня и общения со мной. Что ж, одной проблемой меньше.

Прошел волнительный, болезненный для меня октябрь и наступил удивительно мягкий, солнечный ноябрь, что стало для Оксфорда большим сюрпризом: я очень любила солнце, но знала, что английская погода была довольно однообразна и дождлива.

Я уже больше месяца жила с Мэри, вдаль от родителей: за прошедшее время я еще несколько раз получила от них «гуманитарную помощь», все так же питаюсь по ночам, в темноте кухни, пока Мэри спала. Один раз она застала меня врасплох, но, к счастью, не за очередным приемом крови: посреди ночи мне стало скучно, и я пошла на кухню, где стала читать Шатобриана, как вдруг передо мной предстала заспанная Мэри. Она очень удивилась тому, что я читала в темноте, но я нашлась и ответила, что у меня жуткая бессонница, а свет фонаря весьма хорош для чтения. Мэри зевнула и пошла спать.

Что касается помидоров и огурцов, я покупала их, и, под видом съедания, отдавала в приют для бездомных, пока Мэри была на работе. Эта система невинного обмана работала как часы, и моя соседка была довольна тем, что я не голодала.

Мажор с прилизанными волосами продолжал докучать мне ванильными фразами и витиеватыми комплиментами, хвастаясь родовитостью своего рода (по его словам, он был дальним родственником королевской семьи), но я лишь с насмешкой отталкивала его: он раздражал меня, думая, что я паду к его ногам, влюбленная в него без памяти. Он был нудным типом – самодовольным и самовлюбленным.

В учебе все было гладко: познакомившись с тьюторами, я обрела сильную поддержку, и мне было интересно выполнять их задания. Мне нравилось учиться. Я даже записалась в кружок богословия, но дальше этого пока не пошло. Мне предложили вступить в какую-нибудь спортивную команду, но я была не готова к этому, к тому же, банально не могла рисковать жизнью людей: в первый же раз, когда мы играли с Элли в сквош, я чуть не сломала ей нос – с такой силой отбила мяч, а когда мы с Мэри играли в бадминтон в парке, она все время жаловалась, что я отбиваю слишком далеко, как «мужик». Но по-другому у меня не получалось: я не умела контролировать свою физическую силу.

Наступил яркий, солнечный, почти безоблачный день, и мы с Мэри пошли в парк, покормить лебедей, плавающих в Темзе, и взяли с собой большое одеяло, чтобы погреться на солнце. Покормив лебедей, мы вышли на середину лужайки, расстелили одеяло, легли на него и стали смотреть на небо, жмурясь от солнечных лучей. Мне никогда не было так хорошо, как сейчас: я лежала под солнцем, рядом со своей подругой, мы молчали и просто наслаждались этим моментом. Я безумно хотела почувствовать тепло солнца и понежиться под ним, но могла всего лишь наблюдать за тем, как оно светило высоко в небе. Мне было грустно от мысли, что уже через двадцать лет мне придется скрываться от милого солнца, и что я никогда больше не смогу лежать так и смотреть на него.

«Неужели так и будет? Неужели я превращусь в такое же чудовище, как мама и сестры?» – с тоской думала я.

Но все это было так далеко и нереально, что мне просто не верилось в то, что наступит день, когда я возненавижу солнце, а оно – меня.

– Иногда мне кажется, что ты – не из этого мира, что ты не человек, – вдруг сказала Мэри. Я открыла глаза и села, удивленная ее словами.

«Неужели она догадывается о том, что я – вампир?» – с ужасом подумала я, а сама фальшиво улыбнулась и весело спросила: – Почему ты так думаешь?

Мэри тоже села.

– Ты словно светишься изнутри: ты красива не только внешне, но у тебя еще и красивая душа. Я не умею говорить о таких вещах: здесь нужно использовать метафоры, а я с ними не дружу, – сказала она, глядя на меня. – Я еще с первого взгляда на тебя поняла: ты – хорошая. И точка.

Я задумалась, не зная, как реагировать на ее утверждение, и не зная, что ответить ей.

Очень трудно найти слова, когда тебя незаслуженно хвалят: такая похвала приводит в замешательство.

Слова так и не нашлись. Я промолчала.

– Ну, что? Ты подумала? – спросила Мэри.

– О чем? – не поняла я.

– О стрижке.

Я невольно улыбнулась: она помнила о таких мелочах, которым я даже не придавала значение.

– Нет, не думала. Я никогда не остригу волосы.

– Зря, конечно, но, с другой стороны, это как раз отлично.

Противоречивость слов Мэри позабавила меня.

– Как это? – усмехнулась я. – Тебя не поймешь!

– Я люблю делать прически и учиться делать новые, так что, раз не хочешь стричь волосы, будешь моей подопытной мышью. Не зря же ты такой хвост отрастила, – заявила она.

– Да это же здорово! Почему ты раньше не сказала? Ты даже не представляешь, как я устала от хвостов и узлов на затылке! – воскликнула я. – Ну, валяй, покажи свое мастерство.

– Прямо сейчас?

– Боишься?

– Еще чего! Распускай свой ужасный хвост!

Я стянула с волос резинку, и они водопадом упали на мою спину.

– Ну, все, ты попала! – серьезно сказала Мэри, садясь за моей спиной и пальцами расчесывая мои волосы. – Если будет больно, не стесняйся – кричи.

– Хорошо. – К счастью, я не чувствовала боли.

Я была идеальным манекеном, но мне было безумно приятно оттого, что Мэри видела во мне не только внешность. Мэри была просто волшебница: она видела то, чего не видят другие. И ведь я сама никогда не думала о том, что имею красивую душу.

Мэри заплетала мои волосы, а я чувствовала удовольствие, когда ее пальцы прикасались к моей голове, и закрыла глаза.

– Твои волосы – находка для парикмахера, – сказала Мэри. – Но, к сожалению, я не профессионал в этом деле. Знаешь, а все-таки у тебя очень красивая шевелюра, такая густая... Я могу кое-что у тебя попросить?

– Что? – спросила я.

– Если уж ты не умеешь делать себе прически или заплетать косы, то ходи лучше с распущенными волосами, но не делай этот дурацкий безобразный хвост. Фух! Давно хотела тебе это сказать! Смелости не хватало.

– Тебе не нравится мой хвост?

– Жутко! Меня так и подмывало порезать все твои резинки для волос! – отозвалась Мэри и сильно потянула одну из моих прядей. – Ой, извини... Больно?

– Ничего, терпимо. И раз тебя так беспокоит судьба моих волос, посвящаю тебя, Мэри Смит, в свои личные парикмахеры: отныне мои волосы – твоя забота.

– Отлично, хоть человеком станешь!

«Стану человеком. Нет, Мэри, это невозможно! Увы» – пронеслось в моем разуме.

– Кстати, справа от нас сидит компания мажоров, – тихо сказала Мэри, почти мне на ухо. – И один из них так и пялится на тебя. Посмотри, только незаметно.

– Да ты шпионка, – усмехнулась я, но сделала вид, будто отряхиваю правый рукав своего пальто, и метнула моментальный взгляд на соседнюю компанию.

«Опять этот льстец!» – с усмешкой подумала я, увидев среди девушек и парней того самого мажора.

– Я знаю этого типа: он клеится ко мне с самого начала учебного года, – тихо сказала я подруге, и она насмешливо рассмеялась. – Он всегда несет такую чепуху!

– Мне он тоже не нравится: какой-то прилизанный, что ли. И у него ужасная прическа. Тот парень, который сбил тебя, намного симпатичнее, а его волосы – вообще чудо! Никогда не видела у парней таких классных волос. И прическа у него крутая, а у этого мажора волосы будто жиром смазаны, – сказала Мэри.

Странно, но я совсем забыла о Фредерике Харальдсоне. К счастью, он оказался совсем ненавязчивым.

– Кстати, как его зовут? – спросила Мэри.

– Кого?

– Того, кто тебя сбил. Все! Шедевр окончен!

Мэри захлопала в ладоши, а я провела ладонью по волосам и обнаружила, что они теперь лежали в необычно-заплетенной косе.

– Мэри, да ты просто талант! – искренне восхитилась я.

– А давай я тебе другую прическу сделаю? Хочешь? – спросила Мэри, тут же ухватившись за мои волосы.

Я не хотела прерывать ее эйфорию.

– Давай, мне очень любопытно, – ответила я.

Она начала расплетать мою косу.

– Так как его зовут?

– Зачем тебе знать?

– Понравился, устраивает?

– Все так серьезно? – подыграла я подруге.

– Нет, конечно: я уже давно и безнадежно влюблена в Эндрю.

– Тогда почему вы расстались?! – спросила я, пораженная этим известием.

– Я была дурочкой, и мне очень не нравилось то, что он – такой умный, а я – просто тупица рядом с ним, – ответила Мэри.

– Но ведь это же здорово: он старше и мудрее, может многому тебя научить, и, если он встречался с тобой, значит, ему было наплевать на разницу в вашем образовании. Разве не так? – со смешком предположила я.

– С чего ты смеешься? – спросила Мэри, тоже засмеявшись.

– Просто я думаю, что ты ужасно противоречива!

– Неправда!

– Правда.

– Неправда!

– Ладно, молчу! – усмехнулась я.

С ней было приятно дурачиться: Мэри всегда легко заводилась. Впрочем, как и я.

Она вздохнула и начала заплетать мне новую косу.

– Так как его зовут?

– Боже, Мэри! Ты опять за свое?

– Да, и не отцеплюсь от тебя.

– Его зовут Фредерик Харальдсон! – наконец, сдалась я.

– По-моему, у него скандинавская фамилия. Не находишь? – заметила Мэри.

– Не знаю, никогда не задумывалась.

– Так ты считаешь, что мне нужно позвонить ему?

– Зачем тебе звонить Фредерику? – удивилась я.

– При чем здесь этот швед? – недовольно буркнула она.

– С чего ты взяла, что он – швед?

– Не знаю, но пусть будет швед. Я говорила об Эндрю!

– Тогда при чем здесь Фредерик?

– Да какой Фредерик?!

– Это ты начала! – со смешком напомнила я. – Так усердно выпытывала его имя!

– Да черт с ним!

– Тогда зачем ты спрашивала?

– Ну, не знаю, просто мне было интересно. Ладно, давай серьезно? – В голосе Мэри прозвучало раздражение.

– А если серьезно, позвони своему Эндрю.

– Ну, допустим. И что я ему скажу?

– Пригласи его погулять. – Я начала вспоминать все, что видела в фильмах.

– Погулять? Ты рехнулась? Нет, я не буду его приглашать! И звонить тоже не буду, – решительным тоном заявила Мэри.

– Тогда зачем ты спрашиваешь моего совета, если уже все решила? – невольно рассмеялась я.

– Потому что ты – моя подруга, и мне важно знать твое мнение! – Мэри потянула меня за волосы. – Хватит уже смеяться! Думаешь, это смешно? Ни капельки!

– Если у тебя возникнет желание еще что-то у меня узнать или посоветоваться на тему отношений, то предупреждаю сразу: я полный ноль в этой области! – честно предупредила я.

– Тебе через месяц будет девятнадцать, а ты еще ни с кем не встречалась? – воскликнула Мэри. – Да ты просто старая дева!

«Значит, ей девятнадцать! Как я и подозревал. Конечно, она еще очень наивна и глупа!» – Я был поражен. Мне стало стыдно за то, что еще недавно в моем разуме проскакивали мысли восхищения ею. Какого черта! Да она совсем еще дурочка! Зеленая смородина! Ей девятнадцать!

Миша впервые назвала меня по имени, но почему-то «Фредериком», через «е», однако без обязательного ранее уточнения «Харальдсон». А что она сказала о разнице в возрасте и интеллектуальном уровне? Волшебно. Но не настолько: она была совсем юной и не преученной к жизни – это было видно по ее дурацкому поведению. Миша глубоко заблуждалась: умная личность не сможет долго выносить глупость другой, какими бы сильными ни были их чувства. К сожалению, глупость одного всегда подавляет мудрость другого.

Миша и Мэри болтали о такой ерунде, о какой болтают только наивные молоденькие девицы, ничего не знающие ни о реальной жизни, ни об окружающем мире.

Меня и двух болтушек разделяло слишком большое расстояние, чтобы Миша, с ее детским зрением, могла видеть мое укромное место, откуда я наблюдал за ними: у людей слух и зрение с возрастом ухудшаются, но у нас, наоборот, только обостряются, а ведь и я был еще очень молодым вампиром. Я делал вид, что читаю, но, на самом деле, слушал разговор двух подружек, а когда Миша распустила свои прекрасные волосы, я захлопнул книгу и стал любоваться ею. Любоваться, а ведь ей было девятнадцать. Будет через месяц. Мне совершенно не стоило думать о ней, кроме как о глупой девчонке, которой требовалась моя помощь. Странно, но когда я не знал, сколько ей лет, то даже не мог поверить в то, что она настолько юна. И теперь, когда мне было известно, что ей даже не пятьдесят... Нет, даже не тридцать, я был сконфужен, но не чувствовал к ней ничего, кроме раздражения ее поведением и, непонятно откуда взявшегося, дружеского расположения.

«Она здесь совсем одна. И как Мрочки додумались отпустить ее из дома? Отпустить одну, в человеческое общество, в таком возрасте! Куда они смотрели? Кто будет учить ее жизни? Куда она ведет себя, общаясь с этой смертной? Почему ей не объяснили, что дружить со смертными – запрещено? Эта девица ведет себя в корне неправильно!» – недовольно думал я, наблюдая за двумя девчонками.

Теперь мне точно не хотелось поддерживать с ней никаких отношений. Сознательно. Поэтому я перестал слушать разговор девушек и захотел уйти. Но что-то удерживало меня.

«Зачем она все это творит? Живет со смертной, гуляет в парке, загорает под солнцем, разговаривает о ерунде! – продолжал размышлять я. – Ведет себя как человек, хотя в письме Марии черным по белому написано: «Не общайся с людьми»! Но Миша игнорирует все правила, кроме одного: «Не общайся с Фредриком Харальдсоном»

Меня охватили противоречивые чувства: с одной стороны, я был невысокого мнения о Мише, но, в то же время, мне было жаль ее. Меня почему-то сильно беспокоило ее будущее: она

была слишком человечна, а это качество – противоестественно для вампира и идет наперекор всем вампирским законам.

«Все это – влияние ее смертной подружки: живя с Мишей, она окружила ее человеческой аурой, человеческим миром, привычками, бытом. Необходимо срочно растолковать польской дурочке, что ее действия и такая жизнь – противоестественны, и что потом дружба со смертной превратится для нее в реки слез, хотя уже сейчас вылилась в ее совершенно не вампирское поведение, – твердо решил я. – Кажется, из ее мозгов напрочь вылетело то, что она – вампир и пьет человеческую кровь»

Я наблюдал за девушками до тех пор, пока они не свернули одеяло и не ушли прочь, но сам продолжал сидеть под огромным деревом: мне крупно не повезло с погодой. И зачем я сидел и слушал глупых девиц, как заказной шпион? В моих планах не было ничего подобного: я шел из колледжа, пользуясь тем, что солнце на минуту спряталось за белую тучу, но увидел Мишу и, сам не зная, зачем и почему, сел под дерево.

С тех пор, как две подружки покинули парк, я просидел под деревом еще три часа, не имея возможности покинуть свою тюрьму на свежем воздухе. Я раскрыл книгу и попытался читать, но внимание отсутствовало напрочь. Мне жутко хотелось закурить, но курение в общественных местах было строго запрещено. Все против меня.

«Дерьмо. Вот так влип!» – с досадой подумал я.

Моя машина стояла далеко на парковке, и я не мог добраться до нее из-за чертовски-яркого солнца, поэтому сидел под деревом до самого заката (к счастью, в ноябре он наступал рано) и только тогда смог уехать домой.

А эта Мэри, сама того не зная, попала в точку – я Фредрик, швед, имеющий типично шведскую мечту: домик на берегу озера в Скандинавии, и гимн Швеции как рингтон на вызовы в телефоне. Типичный швед, отличающийся от остальных шведов лишь тем, что у меня есть клыки и потребность в литрах человеческой крови.

Глава 7

Следующим днем, после окончания лекций, подойдя к велосипеду, я вдруг обнаружила в кармане своего пальто небольшую записку, напечатанную на принтере. Содержание этого тайного уведомления удивило и рассмешило меня: это было приглашение принять участие в какой-то «Охоте на лисичек», и для этого мне следовало прийти к половине десятого вечера к задним воротам колледжа Святого Хьюго, надеть короткую юбку, каблуки, а на голову нацепить «лисы ушки». Здесь же был маршрут по пабам – обязательным остановкам, где я должна буду выпить кучу алкогольных напитков, а затем добежать до финиша – последнего паба. Чушь собачья. Под текстом стоял призыв никому не показывать эту записку и уничтожить ее.

«Какой идиот подложил мне это? Неужели кто-то серьезно надеется на то, что я приду? Ерунда, да и только!» – насмешливо подумала я.

Вопреки призыву к абсолютной секретности я решила показать записку Мэри, чтобы посмеяться вместе с ней.

– Не будь дурой и не иди! Это забавно для мажоров, но опасно для девушек. Эта «охота» – сплошной идиотизм. Неужели ты никогда не слышала о ней? – Мэри нахмурилась, скомкала записку и отдала ее мне.

«Как смешно! Вампиры устраивают охоту на людей, а люди – на девушек, одетых лисичками!» – улыбнулась я про себя, а вслух сказала: – Нет, никогда. И что это за «охота»?

– Это когда визжащие первокурсницы в коротких юбочках и на высоченных каблуках убегают от «охотников» – парнишек в красных пиджаках. Знаешь, кто эти «охотники»?

– Понятия не имею.

– Это – группа мажоров, которые состоят в тайном обществе, а эта «охота» – их главная ежегодная забава. Думаю, не стоит рассказывать о том, что происходит с «лисичками» в конце вечера. Так что не суй туда свой нос, поняла?

– Я и не собиралась: на мой взгляд, все это действие просто смехотворно! – недовольно ответила на это я и выбросила бумажку в мусорное ведро, стоящее под раковиной.

– Кстати, на роль «лисичек» приглашают только самых смазливых девчонок. Значит, ты – в их числе, – сказала Мэри.

– Но я совершенно не рада тому, что меня считают смазливой! Это жутко неприятное слово. Неужели кто-то из девушек добровольно соглашается на это? – искренне удивилась я. – Ведь это такой бред!

– Если бы никто не соглашался, «охоту» бы не устраивали. Да и еще и каждый год. И там всегда много девчонок, – ответила моя соседка. – Ладно, я в ванную!

Она ушла, а я залезла в интернет и нашла развернутую статью об «Охоте на лисичек». Оказывается, ее устраивало тайное мужское общество «Черный лебедь», и в каком-то году всех его участников отчислили из университета. Но с новым набором студентов общество возродилось и опять устраивало это дурацкое развлечение. Ну и пошлость!

Позже ко мне зашла Мэри.

– Кстати, сегодня твой мажор спрашивал меня, не лесбиянки ли мы, – весело сказала она.

– Что? – Моему удивлению не было предела.

– Ага, у меня была такая же реакция.

– И что ты ответила?

– Что он плохо воспитан.

– Умница! – похвалила я. – А он – бестактная свинья!

– Не то слово! Я хорошо отношусь к лесбиянкам, но мне захотелось стукнуть его по голове.

– Теперь моя очередь лежать в ванне! – поспешно сказала я, чтобы уйти от дальнейшего разговора на эту тему. – Гель для душа там?

– Ага. – Мэри села за мой ноутбук.

С тех пор, как она забыла свой гель для душа в Шотландии, мы пользовались моим: Мэри до сих пор не купила себе новый, зато я делала это регулярно, но мне казалось, что это было даже как-то по-дружески, по-соседски.

Я зашла в ванную и тут же услышала, как звонит мой смартфон: так как на всех родных мною были специально поставлены разные мелодии, то я знала: если играет Kaiser Chiefs – мне звонит мама.

– Миша, тебе звонят! – крикнула Мэри. – Я принесу!

Она вбежала в ванную и отдала мне мой смартфон.

– Спасибо! – Я быстро разделась, легла в ванну и только тогда ответила на звонок.

– Добрый вечер, милая, – приветливо сказала мама.

– Привет, мам, – ответила я.

– Ты не занята?

– Немного: лежу в ванной.

– Хорошо, перезвони.

Мама отключилась, и я положила смартфон на раковину.

– Миша, ты еще долго? – послышался крик Мэри.

Ее крик ударил по моим ушам: она могла бы и не кричать, чтобы я услышала ее, но ведь Мэри даже не подозревала о том, что жила под одной крышей с вампиром.

– Не знаю, а что? – крикнула я ей в ответ.

– Давай посмотрим мультик!

– Какой? – тут же оживилась я, ведь любила смотреть мультфильмы почти до безумия.

– Что-нибудь Диснеевское!

– Отлично! «Красавица и Чудовище»! – Я даже хлопнула в ладоши от удовольствия: это был мой любимый мультфильм!

– Нет! Я придумала, давай посмотрим «Ходячий замок»!

– Ты же хотела Диснеевский!

– В другой раз. Ну, я ищу в интернете?

– Давай.

Я уже смотрела этот японский мультфильм, но всего один раз, с Мартином и Мсциславом, и они все время просмотра смеялись, шутили и всячески мешали мне, а я только и делала, что шикала на них и орала, чтобы они успокоились, поэтому идея посмотреть историю о девушке Софи спокойно, с Мэри (она во время просмотра молчала как рыба) пришлось мне по вкусу.

Буквально вылетев из ванной, я надела чистую одежду и пришла в комнату Мэри. Мы поставили ноутбук на маленький столик, легли на кровать и в абсолютной тишине принялись смотреть «Ходячий замок». Я была просто потрясена и не могла найти слова, чтобы передать Мэри, в какой восторг меня поверг этот мультфильм. Мне понравилась идея, созвучная с идеей «Красавицы и Чудовища»: главная красота – не физическая, а душевная. И огонек-демон Кальцифер показался мне милым.

После просмотра я хлопала носом: мультфильм растрогал меня до глубины души. Мэри потрясла меня за плечо.

– Ну, чего ты? Ведь все хорошо закончилось, – сказала она.

– Он прекрасен... Я всегда расстраиваюсь, когда смотрю мультфильмы. Особенно драматические моменты... А режиссеры специально рисуют их так, чтобы дети плакали!

– Да ты чувствительная овечка! – Мэри погладила меня по волосам. – Давай я тебе косу заплету: завтра будешь кудрявой.

«Ох, Мэри, хотела бы я быть овечкой, а не волком в овечьей шкуре!» – с сожалением подумала я.

Мэри заплела мне косу, а потом ей позвонили друзья и пригласили ее прогуляться. Звали и меня, но я в очередной раз отказалась. Мэри отключила телефон, встала с кровати и пошла к двери, но вдруг остановилась и обернулась ко мне со сконфуженной улыбкой.

– Миша... Хочу тебя попросить.

Я приподняла брови, в знак согласия выслушать ее просьбу.

– У тебя такие классные шмотки... Можно я надену что-нибудь? Пожалуйста!

Конечно, просьба Мэри удивила меня, но я не чувствовала отвращения к тому, что кто-то, кроме меня, может носить мою одежду: когда мои сестры приезжали домой в Варшаву, мы часто брали друг у друга вещи.

– Ты еще спрашиваешь? Бери все, что тебе нравится, – с улыбкой ответила я.

Мэри подлетела ко мне, чмокнула меня в щеку, с криками: «Спасибо! Я все постираю!» выбежала из комнаты, и я тут же услышала, как в моей спальне открылся плохо-смазанный шкаф, шорох одежды и песенку, которую начала напевать Мэри.

Мне было приятно оттого, что она доверяла мне настолько, что просила о таких вещах, и ведь это было так естественно! Все подружки в фильмах и сериалах, живущие в одном доме, постоянно носят вещи друг друга, но одежда Мэри мне не нравилась – она была слишком цветастой и яркой: у Мэри был вкус подростка.

Через десять минут подруга зашла в мою комнату: на ней была моя вязанная серая кофта, под ней – белая майка, на ногах – мои узкие светло-голубые джинсы.

– Ну, как? – спросила она, вертясь передо мной, как перед зеркалом. – Круто, правда?

– Тебе идет, и цвета хорошо подобраны, – похвалила я. – Я и не знала, что у нас с тобой один размер одежды.

– А я знала еще давно: когда тебя не было, я кое-что примерила, – отозвалась она.

– А ты шустрая! – рассмеялась я.

Раньше ее любопытство смущало меня, но теперь я принимала его как должное.

– Может, все-таки, пойдешь со мной? – спросила Мэри.

– Нет. Буду делать задание тьютера, – ответила я.

– Ну, как хочешь. Если передумаешь – приходи! Мы будем в пабе. В Большом! – Она быстро обулась, надела мое пальто и пошла к двери. – Ой, чуть не забыла! – Мэри вернулась в свою комнату, прямо в сапогах, и открыла свой шкаф. – У меня есть классная пайта, но она мне в груди стесняет, а у тебя груди почти нет, так что она как раз на тебя!

Мэри вытащила из шкафа пайту светло-зеленого цвета с белыми вставками на груди и спине в виде мишек.

– Какая прелесть! – сказала я, чтобы не обидеть соседку: на самом деле, эта пайта показалась мне глупой и подростковой.

«Да уж, глядя на это зеленое чудо, становится понятно, почему Мэри понравился ужасный розовый велосипед!» – невольно подумала я, окидывая пайту оценивающим взглядом.

– Рада, что тебе понравилось! Я купила ее в Лондоне этим летом, но с тех пор немного поправилась. Хотя, нет: просто грудь выросла. Ну, Миша, дарю!

Я недоуменно посмотрела на Мэри: она подарила мне свою вещь? Мне?

– Ты можешь бегать в ней даже зимой: она очень теплая. – Мэри положила пайту рядом со мной на кровать.

– Отличная идея! Завтра же в ней и побегу, – улыбнулась я, взяв пайту и прижав ее к груди.

«Черта с два я ее хоть раз надену!» – подумала я, но притворилась благодарной такому неожиданному подарку.

– Вот клево! Может, завтра я побегу с тобой. – Мэри пошла к двери. – Ладно, до вечера! Я приду не слишком поздно. Пока!

– Пока! – отозвалась я.

Мэри ушла, а я ни на секунду не поверила ее обещанию пойти со мной на пробежку: она уже тысячу раз обещала мне это, но никак не могла заставить себя встать с постели в шесть утра.

Закинув пайту в свой шкаф, я пошла на кухню, выпила порцию крови, затем позвонила маме и, нарав ей поток лжи, со спокойной душой взялась за Шатобриана и продолжила чтение. Я читала уже второй том, и книга давалась мне необычайно тяжело, но в ней излагались такие оригинальные идеи и взгляды, что я не могла забросить ее. Мне нужно было познавать новое и расти духовно. Расти морально.

Зазвонивший смартфон оторвал меня от интересной главы, но я не могла долго сердиться: это звонила Маришка!

– Привет, Маришка! – радостно воскликнула я, поспешно захлопнув книгу.

– Привет, дорогая! Ты сможешь завтра приехать в Лондон?

– Да, конечно, а зачем?

– Мы с Маркусом завтра прилетаем: у него встреча с лучшим другом, а пока он будет с ним, мы с тобой погуляем и поболтаем.

– Класс! Во сколько мне быть? – обрадовалась я. – И где?

– В десять утра встретимся около Биг Бена! – Сестра вздохнула. – Я скучаю по тебе.

– Я тоже скучаю! Но поговорим завтра: не хочу все выболтать прямо сейчас.

– Есть, что рассказать? Это здорово. – Голос Маришки вдруг окрасился грустью.

– Эй, что с твоим голосом? – насторожилась я.

– Все в порядке, тебе показалось. Ладно, до завтра, Миша.

– Пока! До завтра!

Перспектива увидеть Маришку и Маркуса обрадовала меня до безумия, к тому же, я хотела узнать, как поживает Седрик.

Вскочив с кровати, я стала рыться в шкафу, ища что-нибудь на завтра, и выбрала черные джинсы, длинную бледно-голубую кофту, на ноги – коричневые сапоги. Мне нравилось выбирать наряды, но, переехав в Оксфорд, я не купила ни одной новой вещи: не видела в этом никакого смысла, ведь половину своего гардероба я так ни разу и не надела, а только зря привезла ненужную кучу одежды.

Мэри вернулась около девяти часов вечера, и я тут же поделилась с ней своей радостной новостью.

– Хочешь, я позвоню Гарри? Он отвезет тебя в Лондон, – предложила Мэри.

«Еще чего!» – с ужасом подумала я.

– Спасибо за предложение, но я хочу проехаться на автобусе, – сказала я, боясь, что Гарри опять начнет свои заигрывания.

Мэри не стала меня уговаривать, а предложила посмотреть очередной фильм, и я согласилась, отложив чтение Шатобриана на день или два. Мы смотрели фильм до часу ночи – сопливую мелодраму (удивительно, но, при своей эмоциональности, я не любила смотреть мелодрамы), а затем Мэри легла спать. Я тоже зевнула для вида, пожелала ей спокойной ночи и заперлась в своей комнате, нетерпеливо ожидая наступления утра.

Благодаря тому, что мне нужно было ехать в Лондон, я избавилась от угрозы надеть пайту Мэри и сократила пробежку на двадцать минут, затем приняла душ, переоделась, села на велосипед и поехала к автобусной станции. Мое пальто, которое вчера носила Мэри, висело дома: нельзя было ехать в нем, ведь оно пропиталось ее запахом, поэтому я надела легкую кожаную курточку, хотя, по тому, что люди вокруг надели шапки, было понятно, что сегодня было довольно холодно. Приехав на автобусную станцию и прицепив велосипед к столбику, я купила билет до Лондона, села в автобус и уже через пятнадцать минут ехала на встречу с сестрой. Я сидела у окна и слушала музыку, а рядом со мной сидел школьник, лет двенадцати: он то и дело поглядывал на меня, а я улыбалась ему в ответ. Вскоре мальчик заснул, прижавшись ко мне, но это лишь позабавило меня.

Время тянулось медленно, и я буквально прилипла к окну, рассматривая виды: была глубокая английская осень, а через полмесяца должна была наступить зима. Здешняя природа была прекрасна: голые деревья, скинувшие свои листья, как подкидышей, на землю, были загадочны и нахмурены, как и тяжелые серые облака на небе. Этот унылый серый пейзаж не поколебил моих глаз: его легкая грусть лишь восхитила меня. Уже не было той красоты, которую я застала в Англии в начале октября, но не было и мрака, с которым у многих ассоциируется эта чопорная страна.

В Лондоне, пользуясь подсказками прохожих, я дошла до Биг Бена, но Маришки еще не было. Пока я ждала ее, заморосил противный мелкий дождь, который я так не любила: мне сразу стало неудобно, а мои распущенные, закрученные волосы потеряли объем и превратились в мочалку. Но, несмотря на погоду, мое настроение было солнечным, и я с нетерпением ждала сестру, а пока ее не было, с интересом разглядывала здания и площадь. Раньше я никогда не была в Лондоне. Аэропорт – ни в счет.

«Что-то она опаздывает» – подумала я, посмотрев на экран смартфона. Было уже десять часов и двенадцать минут. Наконец, через пару минут ко мне подъехала спортивная черная машина с тонированными стеклами, и из нее, с зонтом в руках, вышла Маришка, как обычно, нежная и ослепительно красивая: на мой взгляд, из нас, троих сестер, она была самой совершенной и элегантной. Она была моим идеалом женщины.

Я бросилась ей на шею.

– Миша! Да ты просто расцвела на свободе! – сказала сестра, окинув меня оценивающим взглядом. – И какой у тебя замечательно-ужасный лак! Но ты промокла! Где твой зонт в такую прекрасную погоду?

– Когда я ехала, дождя не было, – объяснила я и юркнула к ней под зонт. – Но, надеюсь, ты пригреешь меня? А мой лак мне нравится, и ногти я накрасила специально для тебя!

– Красным лаком? – усмехнулась сестра. – Что ж, тебе удалось удивить меня. Пойдем?

Но мне показалось, что она совсем не хотела улыбаться: видимо, у нее было плохое настроение, однако мне было все равно, ведь я была ужасно рада видеть Маришку.

Мы прошлись по городу, и сестра расспрашивала меня о том, как я учусь, что делаю, как провожу время, с кем общаюсь, и я рассказала ей все то же, что и маме. Я знала, что, если Маришка узнает о том, что я живу с Мэри, она рассердится или, того хуже, будет учить меня жизни, поэтому, по официальной версии, я жила уединенно, ни с кем не общалась, но зорко наблюдала за людьми и их поведением. А на вопрос сестры: «Встречала ли ты Фредерика Харальдсона», я ответила: «Нет. Ни разу».

– Как Маркус? – поинтересовалась я, потому что знала все, что касалось Маришки, но практически ничего о ее муже.

– Все нормально, – коротко ответила Маришка.

«Это все, что она может сказать? «Все нормально»? – удивилась я такой скрытности.

– А Седрик?

– Он уехал в Россию. И, прошу тебя, не упоминай о нем при Маркусе, – сказала она. Ее лицо стало строгим и отчужденным.

– Уехал? Но ты говорила, что ему нужно отучиться в Карловом университете! – Я была крайне изумлена этой новостью: Седрик бросил учебу и уехал?

– Да, но он изменил свое решение. Ты слышала меня? Не говори о нем при моем муже! Маркус очень страдает из-за отсутствия брата. – Голос Маришки оставался все таким же резким, но отчужденность на ее лице сменилась недовольством.

– Раз ты просишь, я не буду. Просто это странно: Седрик казался мне таким постоянным. – Я пожала плечами.

– Постоянным! – На губах сестры появилась насмешливая улыбка. – Ладно, не будем об этом.

– Хорошо.

Поведение Маришки обескураживало меня. Я была в замешательстве: что случилось с Седриком или что он натворил, раз, при упоминании о нем, моя сестра так рассердилась?

Мы пошли молча. Я не знала, как развеять наше молчание, поэтому просто смотрела вокруг себя. Мне было жутко неловко: я шла рядом со своей любимой сестрой, но мне было неприятно и стыдно за то, что мои слова привели к тому, что двум близким кровным родственникам не о чем было поговорить.

– А что Мария? Она звонила тебе? – вдруг нарушила наше молчание Маришка.

Я обрадовалась тому, что она хоть о чем-то спросила, и что теперь я могла беспечно поболтать, только чтобы не слушать наше гробовое молчание.

– Да, недавно. Она сейчас в Оттаве, подрабатывает фотографом. Знаешь, кого она недавно снимала? Какую-то звезду! Представляешь? – Я попыталась сказать эту фразу весело, но получился только истеричный визг.

– Кого именно? – спросила сестра, вытаскивая из сумочки большой сенсорный телефон.

– Не знаю, кого точно, но уверена, что она очень известна... В Канаде, – машинально ответила я, поглядывая на ее действия.

Маришка стала лазить в телефоне, а я отвернула голову, делая вид, будто мне было плевать на то, что общению с сестрой она предпочитает свой телефон, большущий как кирпич.

– И как только он у тебя в сумке помещается? – проворчала я себе под нос.

– Между прочим, он очень удобный, – отозвалась Маришка и спрятала телефон в сумку. – Извини, это был Маркус: он написал, что ждет нас в ресторане. Пойдем к нему.

Я удивилась такой поспешности, ведь мы гуляли всего час, но промолчала: должно быть, так было запланировано.

Поймав такси, мы подъехали к шикарному ресторану, где нас встретил Маркус, и я в очередной раз подумала о том, что он и моя сестра были самой красивой супружеской парой в мире, и вспомнила о том, что Седрик был совсем не похож на своего брата. Но в моей голове тут же прозвучала настойчивая просьба сестры, и я решила держать язык за зубами.

Я и Маркус обнялись, и он повел нас внутрь ресторана, но, к моему изумлению, мы прошли красивый зал, спустились куда-то по темной лестнице и оказались в подвале, где находился небольшой, но тоже шикарный ресторан, и сели за столик. В зале были только мы трое.

Рядом с нами появился официант. Вампир.

– Три бокала и бутылку самой свежей, – сказал ему Маркус.

Тот принес три больших винных бокала и красивую бутылку с надписью «Новая Англия». Я никогда не была в подобных местах ранее, но прекрасно поняла: в бутылке была свежая кровь.

«Надо же, ресторан для вампиров, в котором гостям подают кровь, находится прямо под носом у людей!» – подумала я, наблюдая за тем, как Маркус разливал по бокалам кровь. Я смотрела на него и удивлялась произошедшим в нем за, каких-то три месяца, переменам: его лицо было словно высечено из камня, глаза холодно блестели, а голос уже не был таким дружеским, как тогда, в Праге. Я перевела взгляд на Маришку: она тоже была серьезна. Сказать, что я чувствовала себя не в своей тарелке – значит, не сказать ничего.

Взяв бокал с кровью, я начала большими глотками пить ее.

– Когда ты ела? – Маришка пристально посмотрела на меня.

– Вчера, – честно ответила я, – а что?

– Ты так жадно пьешь кровь, словно голодаешь.

«Я так жадно пью, чтобы хоть на секунду отвлечься от ваших серьезных физиономий!» – недовольно подумала я.

Но я поставила бокал на стол и пожала плечами.

– Тебе показалось. Маркус, скажи ей, чтобы она следила за своим мужем, а не за мной. – Я попыталась пошутить, но Маркус даже не улыбнулся, и мне стало невыносимо неловко.

Мне захотелось встать и уйти, оставить их наедине: я чувствовала себя лишней, хотя никогда не ощущала этого ранее, даже при всех Морганах. А теперь... Все было так неприветливо и холодно, что мне хотелось просто-напросто сбежать.

– Ну, юная леди, рассказывай, как поживаешь? – вдруг спросил Маркус и отпил глоток крови.

– Все классно! Оксфорд – замечательный город! У меня там свой маленький домик и синий велосипед, – начала говорить я, уткнувшись взглядом в свой бокал. – Моя жизнь безумно интересна! Правда, я ни с кем не общаюсь, а просто приезжаю на лекции и уезжаю с них. Вообще, я всегда думала, что Варшава – лучший город в мире, но теперь влюблена в Оксфорд...

Я говорила и говорила, но никак не могла отделаться от чувства неловкости и ненужности: эта встреча так отличалась от той, что я видела в своем воображении еще этим утром! Какой черт заставил меня приехать? Я променяла лекции на это?

Наконец, я остановилась, рассказав все, что могла.

– Не знаю, что еще сказать. В общем, у меня все классно. – Мне казалось, что мой язык скоро отсохнет от долгой болтовни.

– Что ж, рад, что тебе нравится учиться, но, честно говоря, сначала я был против того, чтобы ты уехала в Оксфорд, – сказал Маркус и устало улыбнулся.

- Почему? – Его признание поразило меня.
- Потому что ты еще совсем юна и беззащитна.
- А Седрик так не считает: это он посоветовал мне...

Вдруг лицо Маркуса исказила гримаса то ли боли, то ли ярости, и бокал, который он сжимал в ладони, лопнул, залив стол и обрызгав всех нас кровью.

- Миша! – резким ледяным тоном воскликнула Маришка.

«Что происходит! Что я наделала!» – пронеслось в моей голове, и я резко вскочила со стула.

– Извините! Я... Извини, Маркус, не знаю, что происходит, но я хочу уйти! Я пойду! – испуганно воскликнула я и побежала к лестнице.

- Миша! – услышала я полный раскаяния голос Маркуса. – Прости меня!

– Не надо, милый, не извиняйся: она поймет, когда узнает, – ласково сказала ему Маришка.

- Она не должна узнать. Ты представляешь, как это повлияет на нее? – спросил ее Маркус.

– Почему это должно на нее повлиять? Я знаю свою сестру и знаю, что она не нашла с Седриком общего языка.

- Он сказал, что мы многого о ней не знаем.

- Маркус, все в порядке, я с тобой. Не думай об этом.

Раздался звук поцелуя, а потом наступила тишина.

Выбежав из ресторана, я скрылась за углом и прислонилась спиной к стене. Моя одежда была забрызгана кровью, а моя душа была наполнена непониманием и смятением.

«Маркус так разозлился, что раздавил бокал... Что я здесь делаю? Надо уезжать... Нужно срочно убегать отсюда!» – лихорадочно подумала я.

Но тут передо мной появилась Маришка.

- Миша, почему ты убежала? – ласково спросила она, глядя меня по плечу.

- Что с ним? Почему он так разозлился? – Я чуть не плакала.

– Он устал, понимаешь? Он просто устал. – Глаза сестры наполнились жалостью. – Бедненькая, ты испугалась?

– Да, очень, – дрожащим голосом ответила я. – Можно я поеду домой? Не могу здесь больше оставаться.

– Но мы вместе всего лишь полтора часа. Ну, успокойся. Хочешь, пойдем погуляем или пройдемся по магазинам?

- Маришка, мы забрызганы кровью! – Я отчаянно хотела сбежать в Оксфорд.

– Это не проблема: мы сейчас же пойдем ко мне в отель и переоденемся. Даже если ты хочешь уехать, тебе все равно нужно сменить одежду, надеюсь, ты понимаешь это?

Я даже улыбнулась от этой горькой правды: она была права – вряд ли меня впустят в автобус в таком виде! Еще и набросятся с расспросами о том, откуда эта кровь!

- Хорошо, но потом я уеду, – угрюмо согласилась я.

Сестра молча взяла меня за руку и повела к машине, в которой она приехала к Биг Бену. Проходящие мимо люди с удивлением смотрели на нас, и мне было стыдно за свой вид.

Мы приехали в отель, зашли в люкс Маришки, она смыла с моего лица и рук кровь (благо, волосы остались чистыми), затем я переоделась в одно из ее платьев (сестра любила платья, и у нее их было не счесть) и серый жакет. Сапоги я не сняла, так как альтернативой им были туфли на каблуке. После этого мне пришлось ждать, пока Маришка примет душ, переоденется и позвонит Маркусу, чтобы сказать о том, что она проводит меня до автобуса, а тот сказал, что ждет Брэндона, который должен был появиться с минуты на минуту.

«Это тот Брэндон Грейсон, который был на их свадьбе? Просто сногшибательный красавец! К тому же чрезвычайно обаятельный мужчина» – вспомнила я. Однако это было все, что я о нем знала, ведь видела его всего пару раз.

Покинув отель, я и Маришка сели в машину и доехали до автобусной станции. Там сестра простилась со мной, извинилась за неудачный день и поведение Маркуса, и уехала.

Я подошла к кассам, заказала билет и, когда пришло время его оплатить, с ужасом обнаружила, что забыла свою сумочку с кошельком и телефоном в том уютном ресторане.

«Что за невероятное невезение! Но делать нечего: бесплатно меня никто не повезет, поэтому нужно возвращаться туда» – с досадой подумала я и быстро зашагала к ресторану: дорога к нему мне запомнилась, так как машина Маришки проезжала мимо него, к тому же, я прекрасно ориентировалась по памяти. Едва подойдя к ресторану, я вдруг услышала голос Маркуса.

– Рад, что ты приехал, – сказал он и тяжело вздохнул. – Боюсь, у меня ужасные новости. Я давно хотел рассказать тебе, но никак не удавалось вырваться из Праги, даже на денек, а это дело нельзя обсуждать по телефону – оно слишком личное.

– Ничего, Маркус, главное, что ты, все-таки нашел, время. Так что у тебя случилось? – ответил ему красивый мужской голос (я сразу узнала его – это был Брэндон Грейсон). – Ты неважно выглядишь. Никогда не видел тебя таким.

– Я потерял, Брэндон. Я даже представить не мог... Мне больно даже думать об этом. Не могу понять, как все произошло, потому что родители о многом мне не рассказывают, поэтому его последний день в Праге покрыт для меня мраком.

– О чем ты?

– Седрик исчез.

«Седрик исчез? Не уехал, как они сказали мне, а исчез?» – Эта новость обескуражила меня. Я остановилась, прислонилась к стене здания и даже затаила дыхание: мне неожиданно выпал шанс узнать о том, почему Маркус был так зол и беспокоен.

– Исчез? – Брэндон тоже удивился, судя по тону его голоса.

– Да. Он понял, что это мы спрятали ее от него. Но не волнуйся: он даже не подозревает о том, что она была... – Черт! Я не услышала его последних слов, потому что мимо меня проехал огромный двухэтажный автобус, а за ним еще один, и они заглушили своим ревом все вокруг.

Я мысленно выругалась: этот разговор мог быть ключом к тайне Маркуса!

Когда автобусы удалились, и наступила относительная тишина, я вновь прислушалась.

– Беда Седрика в том, что он влюбился не в ту женщину, – мрачно сказал Брэндон.

«Как Седрик мог полюбить не ту женщину? Седрик! С его прекрасной душой! Если он выбрал ее, значит, она прекрасна!» – Я была в корне не согласна с данным изречением, хоть ничего и не знала о «не той женщине».

– Да, будь она проклята! Но он исчез. В конце августа, на следующий день, как мы спрятали ее, – сказал Маркус.

– Неужели нет никаких следов?

– Никаких. Он разгромил зал, сжег все картины и наш семейный портрет, но еще около двадцати минут разговаривал с родителями и требовал, чтобы мы вернули ее ему, потом сорвался с места, сел в машину и уехал. А эти ротозеи даже не остановили его! Когда я узнал об этом, то будто ослеп и оглох одновременно. Если бы не Маришка, я сошел бы с ума. Седрик почти убил меня.

– Даже не думал, что все обернется такой трагедией, – пробормотал Брэндон. – Он был так одержим ею?

– Как видишь. Я поставил на уши секретные службы, на меня работают тысячи частных сыщиков, но до сих пор нет ни единой зацепки: Седрик словно исчез с лица Земли.

– Мне очень жаль, Маркус, и я хочу помочь: у меня куча связей, абсолютно во всех кругах.

– Думаешь, я не задействовал их? Но все это без толку! А отец... Он до сих пор не может отойти: только сидит в кресле, уткнувшись взглядом в камин, а потом идет в комнату Седрика

и часами смотрит на картину, которую тот написал. Мама закрывается в спальне и выходит только на охоту. Замок душит всех нас. Я даже не представляю, как Маришка терпит все это. – Маркус глубоко вздохнул. – Я нашел это в столе Седрика. Знаешь, кто автор рисунка?

Послышался шорох бумаги, а через секунду – тяжелый вздох кого-то из мужчин.

– Вайпер? – тихо спросил Брэндон.

«Ее зовут Вайпер? Какое странное имя... Должно быть, она удивительная девушка, раз покорила сердце Седрика. Но что-то не припоминаю ни одну вампиршу с таким необычным именем. Хотя, наших так много, что я не знаю больше половины из них. Возможно, я просто с ней незнакома» – искренне удивилась я.

– Трогательный рисунок, – сказал Грейсон. – По-моему, она безумно любит его. Наверно, я слышал это от нее с десяток раз.

«Брэндон тоже знает эту Вайпер? Почему все ее знают, а я – нет?» – Меня охватила досада.

– В этом и беда: это какое-то проклятье. Черт, и почему это случилось именно с моим братом?! – тихо воскликнул Маркус.

– Где она сейчас? – спросил Брэндон. Маркус не ответил, и тот настойчивым тоном повторил: – Маркус, где она?

– В надежном месте, – ответил ему Маркус. – Зачем тебе знать?

– Интересно, куда вы ее заперли, ведь и я осведомлен об этой истории и прекрасно помню, как твои родители увезли ее в бессознательном состоянии.

– Нет, извини, но на этот вопрос я не отвечу.

– Маркус, не будь упрямым. Ты отлично знаешь, что это останется между нами

– Почему ты так настаиваешь?

– Почему? Может, хочу навестить ее. – Голос Грейсона стал насмешливым.

– Брэндон, мне сейчас совершенно не до шуток. Пусть об этом знают лишь трое.

– Но обо всей истории знают четверо, и я в том числе.

– Не настаивай, все равно я скажу «Нет». – Голос Маркуса прозвучал очень устало. – Я понимаю, тебе любопытно...

– Миша! Что ты здесь делаешь? – вдруг услышала я голос Маришки прямо над моим ухом.

Сестра застала меня врасплох, но я не могла допустить того, чтобы она поняла, что я подслушивала. Еще бы! Только что я узнала о грандиозном секрете: Седрик влюблен в девушку по имени Вайпер, но его семья настроена против нее, а еще ее куда-то спрятали, и после этого Седрик исчез. Вот это новости!

– Только что проехали два автобуса и окатили меня брызгами с головы до ног! – Я опять надела маску Миши-истерички.

– Я вижу. Но что ты здесь делаешь? Ты должна сидеть в автобусе и ехать в Оксфорд!

Я деловито отряхивала подол платья и сапоги – они действительно были заляпаны грязью: это постарались автобусы, лишившие меня возможности узнать о том, где долгое время находилась девушка Седрика.

– Это целая комедийная история! – нарочно громко сказала я, зная, что Маркус и его друг слышали каждое наше слово: было лучше, чтобы они не знали о том, что я подслушала весь их разговор. Ну, почти весь. – Я забыла в ресторане свою сумочку, а везти меня до Оксфорда бесплатно почему-то отказались, – с сарказмом добавила я. – Я выглядела полной дурой! Было так стыдно! Жуть!

Сестра тихо рассмеялась.

– Ты никогда не обходишься без приключений. Ну, пойдем, я куплю тебе билет, – сказала она.

– Спасибо, но, вообще-то, я пришла забрать свою сумочку: там деньги, смартфон и ключи от дома, – отрезала я.

– Тогда идем за твоей сумкой.

Маришка взяла меня под руку, мы зашли в ресторан и спустились к мужчинам. Когда мы вошли в зал, друг Маркуса поднялся со стула, приветствуя нас.

– Дамы. – Он приятно улыбнулся.

«Настоящий джентльмен, не то, что грубиян Харальдсон! И какой красавец!» – невольно подумала я, глядя на Брэндона.

– Хорошо, что ты вернулась, – сказал Маркус и, подойдя ко мне, взял мою ладонь в свою. Его глаза выражали раскаяние, а лицо – глубокое смущение. – Прощу, прости мое бестактное поведение.

– О, ничего страшного! Я понимаю: ты устал! Маришка сказала, что в последнее время ты много работаешь и почти не отдыхаешь. Бросай это, Маркус: работа никуда не убежит. – Я прикинулась дурочкой и натянула на лицо глупую улыбку.

– Правда? Я рад, что ты не держишь на меня обиду. – Он улыбнулся, но так вымученно, что мне стало жаль его.

Теперь мне было понятно поведение Маркуса, и после того, что я услышала, я была полна боли за него, ведь исчез его брат! Нет, не просто исчез, а будто в воду канул!

– Все нормально, не извиняйся: просто сегодня я тоже какая-то взвинченная, – ответила я. – О, моя сумочка! Представляешь, я уже покупала билет и вдруг обнаружила, что забыла ее здесь!

– Должно быть, это выглядело весьма забавно... Прости, мне звонят. Я отойду на минуту. – Маркус достал из кармана пиджака телефон и отошел в другой конец зала.

– А я вас знаю: вы – лучший друг Маркуса! – прошептала я Брэндону.

– Да, это так. Мы виделись на свадьбе твоей сестры, – улыбнулся он прекрасной улыбкой.

Мы с ним поболтали о ерунде, вспомнили о том, как Маркус перепутал, на какой палец Маришки надевать обручальное кольцо, и тихонько посмеялись над этим.

– Может, хватит вспоминать это каждый раз? Почему-то все гости нашей свадьбы запомнили только этот конфуз! Брэндон, я посмотрю, как ты будешь вести себя во время своей свадьбы! – со смехом сказала на это Маришка.

– Думаю, тебе придется только мечтать об этом, – рассмеялся он. – Предпочитаю быть вечным холостяком!

Вернулся Маркус. Было видно, что он был чем-то недоволен.

– Извини, Брэндон, чертовы дела расстраивают все мои планы! – обратился он к другу. – Просто полоса невезения!

– Брось, я все понимаю, – сказал Брэндон, похлопывая Маркуса по плечу.

– Но мне так неловко: ради нашей встречи ты приехал из своего поместья, – огорченно сказал Маркус.

– Пустяки. Зато увидел своего лучшего друга, а еще его прелестную жену и ее милую сестренку, – с улыбкой отозвался на это Грейсон.

– Куда ты сейчас? – спросила его Маришка.

– В поместье.

– Может, подбросишь Мишу до Оксфорда?

– О, нет, я не хочу никому надоедать! – тут же смутилась я.

– Ты окажешь мне честь, если позволишь подвезти тебя. – Брэндон улыбнулся мне.

– Тогда не злись, если я буду болтать всю дорогу, – согласилась я, однако мне было крайне неловко от того, что меня так открыто сбывли с рук.

Я попрощалась с сестрой и ее мужем, но мне до сих пор была неприятна сегодняшняя ситуация: воспоминания о том, как Маркус раздавил в ладони бокал и подслушанный мною разговор о судьбе Седрика не давали мне покоя.

Брэндон и я сели в его черный «Бентли» с тонированными стеклами и выехали из Лондона. Мне показалось, что, после разговора с Маркусом, Грейсон стал задумчивым и хмурил свой красивый высокий лоб.

Мы ехали молча: должно быть, Брэндон так глубоко задумался или рассказ Маркуса так шокировал его, что ему было не до разговоров. Я тоже была далека от реальности и думала о том, как сложилась судьба Седрика. Неужели он полюбил не ту? Но ведь это невозможно! Чем она настолько не устроила Морганов, что они даже вмешались в личную жизнь своего сына? Да и как они посмели? Ведь Седрик – не зеленый юнец, как я, а взрослый, мудрый и очень сильный морально вампир! Зачем они спрятали Вайпер? Куда? Ведь ее родители-вампиры будут искать ее, и, может поднимут скандал на все вампирское общество: это неслыханно – спрятать где-то чужую дочь!

Я хотела любым способом узнать о том, чем эта вампирша не понравилась Морганам, и надеялась, что друг Маркуса прояснит мне эту ситуацию. Ведь он тоже знал Вайпер.

«Стоп. Как я спрошу об этом? Я ведь притворяюсь, будто не слышала их с Маркусом разговор!» – с досадой вспомнила я, но набралась храбрости и решила пойти на риск.

– Мне кажется, Маркус сегодня какой-то странный, – как бы невзначай, бросила я.

– Мне так не показалось, – сказал на это Брэндон. – Он напугал тебя?

– Немного. Когда я сказала, что это Седрик посоветовал мне поступить в Оксфорд, он раздавил пальцами свой бокал с кровью. – Я передернула плечами, стряхивая с себя это воспоминание. – И у него было такое лицо... Очень печальное, даже страшное.

– У него сейчас много проблем. Мой бедный друг совсем потерял, но, думаю, скоро все изменится.

– Думаешь, он опять повеселеет? Маркус всегда был таким шутником, а сегодня я его просто не узнаю.

Брэндон промолчал, но скулы на его лице заострились. Мне стало немного жутко от этого, и я поняла, что он не настроен был на долгие разговоры, но не могла упустить такой великолепный шанс узнать о девушке Седрика и о нем самом.

– Маришка сказала, что Седрик уехал в Россию... Интересно, он приедет на каникулы? Я хотела бы поболтать с ним и похвастаться, что поступила в Оксфорд, как он и советовал. – Я надеялась, что Брэндон расколется и расскажет мне правду.

– Насколько я помню, при отъезде, Седрик сказал, что не будет уезжать оттуда еще лет десять, – сказал Грейсон.

Моему удивлению не было предела: он лгал мне прямо в глаза! И, если бы я собственными ушами не услышала о том, что Седрик исчез, то точно поверила бы этой гладкой лжи.

– Да? Жаль. А может, он в кого-то влюбился и поэтому так решил? – с невинным видом спросила я.

– Седрик? Влюбился? – Брэндон издал насмешливый смешок. – Ему нет и трехсот: он слишком молод для любви.

– Почему молод? Маркусу тоже нет трехсот, но он уже успел и влюбиться и жениться. Почему ты думаешь, что Седрик не мог...

– Седрик уехал не потому, что влюбился, – перебил меня Грейсон. Он слегка нахмурился. – Он бредил Россией последние лет пять, все хотел уехать туда и посмотреть на русских.

– Но их и так много: и в Чехии, и в Польше, – возразила я, все больше поражаясь масштабу лжи Брэндона.

– Поверь мне, это уже не те русские, что живут в России. Находясь в центре другой культуры, невольно втягиваешься в нее и теряешь свое национальное самосознание. Думаю, не ошибусь, если скажу, что и ты уже почувствовала на себе влияние английской культуры.

– Да, но... – Я растерялась: он поставил мне настоящий мат. Мне нечего было возразить, потому что Грейсон был абсолютно прав насчет меня, английской культуры и ее влияния на мое сознание. То есть, влияния на меня Мэри Смит.

Но это поражение не отбило у меня охоту и дальше копаться в печальной истории Седрика и его девушки. Наоборот – оно удвоило мою назойливость.

– Можешь говорить что угодно, но я знаю, что Седрик влюбился, – заявила я Грейсону.

Он пристально посмотрел на меня. Я думала, что он тут же набросится на меня с расспросами: как и когда я об этом узнала, и, может, обвинит меня в шпионаже, но, к моему изумлению, Брэндон лишь усмехнулся.

– Если это и так, я об этом не осведомлен, – отозвался он и вновь перевел взгляд на дорогу.

Меня охватила досада: вот это мастер лжи! И как его подловить? Возможно ли это вообще?

Я замолкла, выжидая некоторое время, чтобы опять расспросить Грейсона, но при этом не показаться слишком настойчивой, чтобы он не понял того, что у меня был личный интерес к истории с Седриком и его влюбленностью.

Прошло минут десять.

Мой сосед словно утонул в своих мыслях: слишком отрешенным и мрачным было его лицо.

– А о какой девушке вы говорили? – как бы от скуки, спросила я, даже не взглянув на Брэндона.

– О чем ты? – абсолютно-спокойным тоном спросил он.

«Как хладнокровно он держится! Вот это выдержка!» – невольно удивилась я.

– Когда я подходила к вам, то случайно услышала, что вы разговаривали о какой-то Вайпер, – сказала я, молясь в душе, чтобы он рассказал о ней хоть что-то, хоть самую малость.

– Это пустое, – коротко ответил Брэндон. – Она – ничего не значащая личность.

– Почему не значащая? – допытывалась я.

– Потому что не значащая, – отрезал он. – И забудь об этом.

От моего вопроса о Вайпер его лицо напряглось.

«Что с ним? И что это за тайна, раз все вокруг ведут себя так серьезно?» – изумилась я.

– Но, если она – ничего не значащая личность, почему вы о разговаривали о ней?

– Взрослые разговаривают о многих непонятных вещах. А вот подслушивать чужие разговоры – дурной тон.

– Я не подслушивала, а просто шла за своей сумкой! – возмутилась я. – Не моя вина в том, что у меня такой тонкий слух!

– Не будем об этом, – строго сказал вампир. – Если хочешь что-то узнать, спроси у Маркуса.

– Ну да! Он возьмет и все мне расскажет!

– А с чего ты взяла, что это сделаю я?

– Ни с чего... Господи, да я просто спросила!

Брэндон ничего не сказал, но его лицо оставалось напряженным и хмурым.

Я не пыталась повторить попытку допроса, а стала смотреть на то, как капли дождя стекали по лобовому стеклу. Конечно, я не рассчитывала на то, что по дороге меня будут развлекать разговорами, но и такой невыносимой тишины тоже не ожидала. Я стала доставать из сумочки плеер, но вдруг заметила что-то необычное, лежащее на панели у лобового стекла – это было похоже на длинные, темные, прямые пряди волос.

«Зачем ему эти волосы здесь, в машине?» – удивилась я.

– Это женские волосы? – спросила я, глядя на них.

– Как видишь, – бросил Брэндон, не отрывая взгляд от дороги.

– А чьи они? – Я наклонила лицо, чтобы внимательнее рассмотреть это странное украшение.

– Одной девушки.

Глава 8

Голос Брэндона был просто ледяным, но я не могла молчать: эти красивые женские волосы заинтриговали меня.

– Зачем ты держишь их здесь?

Мой собеседник промолчал.

– Наверно, чтобы они напоминали тебе о той девушке? – предположила я.

– Да, – холодно ответил он.

– Она подарила их тебе?

– Почти, – насмешливо усмехнувшись, мрачно ответил мой сосед.

Его слова и тон удивили меня.

– Как это?

Но Грейсон опять не ответил, и я поняла, что было лучше не спрашивать об этом.

– Можно потрогать их? – все же, решила я, протягивая руку к заинтересовавшим меня волосам, но Брэндон моментально перехватил ее.

– Нет, – коротко отрезал он.

«Псих! Что здесь такого?» – Я отдернула руку и посмотрела на него: строгость его лица немного испугала меня.

– Извини, я только хотела... – смущенно начала я.

– Просто не лезь, куда не просят, – перебил меня Брэндон.

Но любопытство было сильнее моего разума.

– Кто она? – тихо спросила я, надеясь, что Грейсон не отругает меня за этот вопрос.

Но он опять мрачно усмехнулся.

– Если ты еще раз спросишь об этом, я засуну тебя в багажник, и оставшуюся до Оксфорда дорогу поедешь в нем.

Я сглотнула: его тон был таким убедительным, что мне стало страшно, и я прикусила язык. Ехать в багажнике мне не хотелось.

– Извини, я слишком разболталась, – все же, сказала я, желая хоть немного унять его гнев на меня.

– Да, болтать ты любишь, и сейчас болтаешь о том, о чем не следует. – Было его ответом. Его голос не потеплел.

– Поняла. Буду молчать.

После этого неудачного разговора некоторое время мы ехали молча: я чувствовала досаду оттого, что мне не удалось ничего узнать ни о той девушке, которую любит Седрик, ни о той, что подарила Брэндону свои волосы. Мне было обидно оттого, что я знала, как закончилась любовная история Седрика, но не знала, как она начиналась и продолжалась. Итог: Седрик исчез, а его девушку от него увезли. Но зачем? Почему? Как они посмели?

Тишина начала угнетать меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.